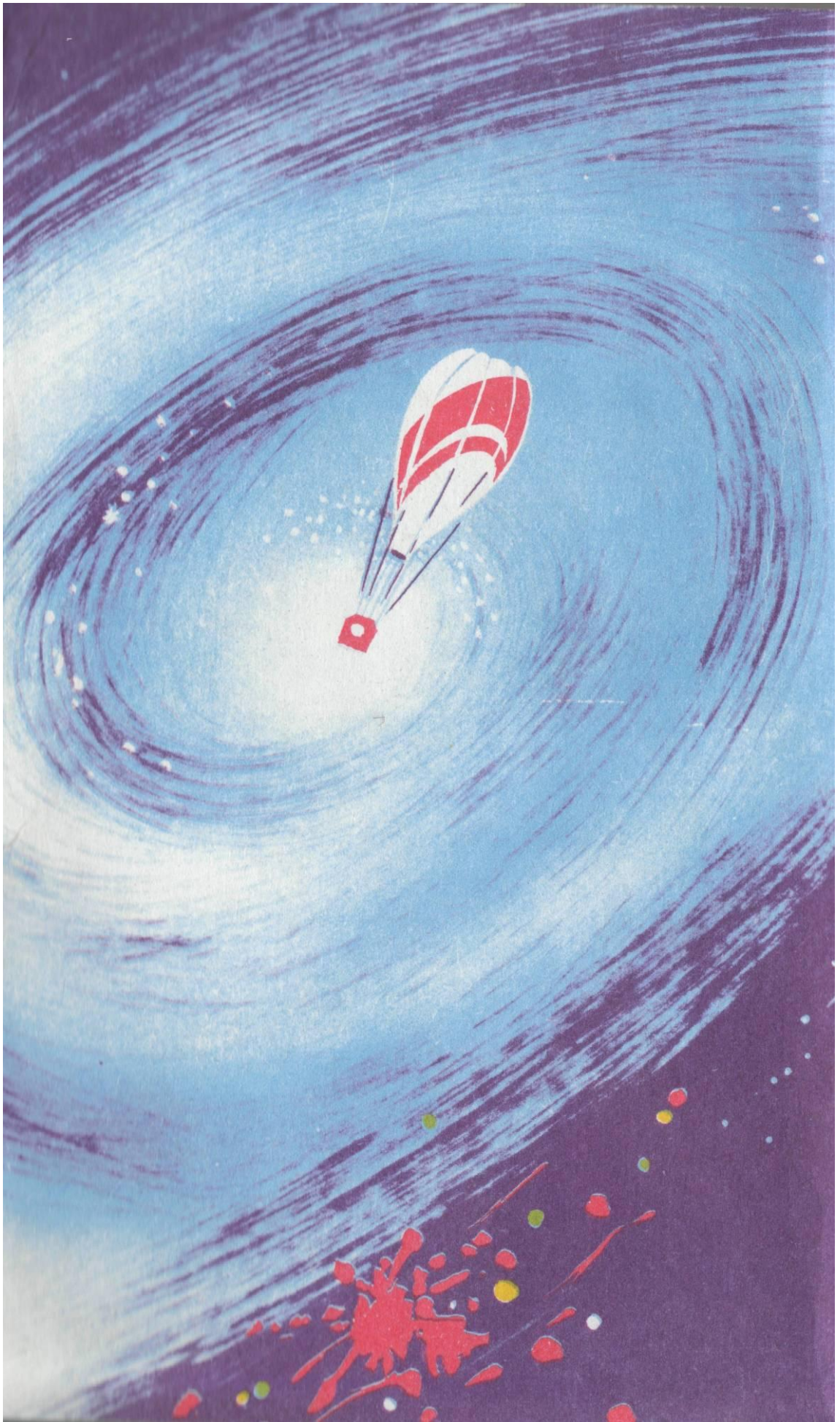

ВЛАДИМИР КОРЧАГІН

УЗНИКИ СТРАХА

**ВЛАДИМИР
КОРЧАГИН**

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

1

—...При вскрытии урны оказалось: подано бюллетеней — двадцать четыре, проголосовавших «за»— двадцать четыре, «против»— нет, испорченных — нет.— Председатель счетной комиссии поднял глаза от протокола, обернулся к председателю Ученого совета.

Тот встал:

— Прошу утвердить итоги голосования.

Зал дружно поднял руки. Председательствующий удовлетворенно улыбнулся:

— Поздравляю вас, Артем Владимирович, с присуждением ученой степени кандидата геолого-минералогических наук.

Артем Лосев, двадцатилетний аспирант кафедры минералогии, поспешно поднялся, неловко поклонился членам Совета. Голова у него кружилась, все вокруг будто качалось и плыло, но в груди бушевала радость, большая, ликующая, какая бывает, наверное, лишь у альпиниста, покорившего заветную вершину.

Потом был небольшой товарищеский ужин, где его снова поздравляли, желали успехов, прочили блестящую карьеру. Не обошлось, конечно, без споров. Не все коллеги Артема безоговорочно поддерживали смелую гипотезу, выдвинутую им для объяснения альпийской тектоники. Но нашлись и такие, кто готов был пойти дальше Лосева, положить его концепцию в основу всех без исключения тектонических явлений. Словом, все было так, как обычно бывает в подобных случаях.

А в конце вечера к нему подсел давний знакомый, старый геолог-производственник, только что вернувшийся из длительной командировки на Тянь-Шань, и сказал:

– Молодец, Артем, поздравляю! Дельную работу представил.

– Спасибо, Николай Иванович. Вы ведь, помнится, тоже занимались альпийской тектоникой?

– Кроплю над ней и по сей день. Фактов, как говорится, – хоть пруд пруди, а до таких вот выводов, к каким пришел ты, так и не дотянул: тут, видно, не хватило, – стукнул он себя по лбу. – То одно, то другое не состыковывалось. А стоило послушать сегодня тебя, и все, что раньше ни в какие ворота не лезло, особенно там, на Тянь-Шане, теперь будто враз на место встало. Да вот, смотри, – он извлек из кармана пачку фотографий и начал раскладывать их перед Артемом. – Как тебе нравится этот сброс? Или этот надвиг? А здесь вот... – он протянул большое цветное фото, но тут же поспешил спрятать его обратно. – Нет, это не то!

– Пойдите, пойдите! – выхватил у него фотографию Артем. – Тут тоже что-то интересное.

– А-а, это так... Случайный кадр. Поднимались прошлым летом на один пятидесятник, там, на Тянь-Шане... Я ведь, как ты, наверное, слышал, еще со студенческих лет увлекаюсь альпинизмом. И вот на высоте три тысячи семьсот метров...

– Это на высоте три тысячи семьсот метров?! – воскликнул Артем, всматриваясь в мастерски сделанный снимок.

Камера фотоаппарата запечатлела молодую красивую девушку, стоявшую на каменистой осыпи, у голой, отвесно вздымающейся скалы. Голова незнакомки была непокрытой. Ветер разметал по плечам ее длинные густые волосы. И вот эти волосы... Они были совершенно необычного цвета, цвета догорающих в камине углей. С трудом верилось, что это удивительное сочетание огненно-красного и индигово-фиолетового тонов – естественная окраска женских волос, а не игра воображения сверхэкстравагантного художника. Впрочем, необычным в незнакомке было все: и легкая, трепещущая на ветру одежда, напоминающая древнегреческий хитон, из белой почти прозрачной ткани, сквозь которую легко просматривались линии ее гибкой стройной фигурки, и непривычно глубокий поворот головы на длинной тонкой, будто лишенной косточек шее, и неправдоподобно бледное лицо, точно изваянное из молочно-белого мрамора, и взгляд ее, в котором смешались и любопытство, и растерянность, и страх, и, конечно же, глаза. Глаза необыкновенные... Огромные, цвета темного янтаря, с неестественно расширенными зрачками, они будто светились изнутри. Казалось, два трепетных лучика прорываются из-под густых иссиня-рубиновых ресниц, и именно им обязаны легкие узорчатые тени, что залегли на нежных щеках незнакомки, словно подчеркивая почти нереальную белизну ее кожи. Но самое удивительное заключалось все-таки в том, что фотоаппарат запечатлел ее у

подножья голых заиндевевших скал, далеко за линией вечных снегов, а одета она была как древнеегипетская царица где-нибудь в знойной долине Нила или, по крайней мере, как прима-балерина на сцене Большого театра.

– И это на высоте трех тысяч семисот метров! – повторил Артем, не отрываясь от фотографии.

– Да, то был последний бивуак перед вершиной, – коротко ответил Николай Иванович.

– Так что же она, эта русалка, специально, чтобы попозировать перед вашим аппаратом, разделась чуть не донага на такой высоте, где и в меховой куртке мороз до костей пробирает? – невольно съязвил Артем.

– Кто знает... Да разве дело только в одежде! А ее волосы, брови, ресницы!

– Э-е, дорогой Николай Иванович, при нынешних достижениях индустрии косметики...

– Ну, допустим... Допустим, все это подкрашено, подклеено, не знаю, что там еще... Но глаза... Глаза!

– Гм... Глаза бесспорно хороши! – не мог не согласиться Артем. – И цветом и формой и... Они что, действительно так светились? Или это солнце там, в горах...

– Солнца вообще не было, были тучи, – отрезал Николай Иванович. – А из глаз незнакомки в самом деле струился свет. Понимаешь, настоящий живой свет! Здесь, на фото, это еще не так заметно. А там, в то утро...

– Да откуда она взялась там, в вашем лагере, на такой немыслимой высоте?

– Не знаю. Одно могу сказать: ни с чем более загадочным я не сталкивался ни разу в жизни. В то утро я вышел из палатки раньше других, посмотреть, что обещает погода перед последним броском к вершине. И первое, что увидел, была она, эта, как ты сказал, русалка. В ней и в самом деле, виделось что-то русалочье. И в позе ее, и в выражении глаз, а главное – в этом более чем легкомысленном одеянии, которое было, по-видимому, тоньше любого шелка и не могло защитить не только от холода, но и от малейшего ветерка. А мороз стоял действительно под тридцать. Ледяной ветер хлестал прямо ей в лицо. Казалось, еще минута, и он сорвет с нее и эти одежды. А она хоть бы что! Будто только что выскользнула из жарко натопленной комнаты и готова вновь нырнуть туда, коль скоро погода оказалась не такой, на какую она рассчитывала. Я не успел даже отдать себе отчет в полнейшей неестественности всего происходящего. Просто был поражен необычным видом таинственной незнакомки, особенно этими светящимися глазами и сверхлегким одеянием, и потому почти машинально, не сообразив еще, что все это значит, схватил висевший у меня на груди фотоаппарат и щелкнул затвором. Незнакомка не сдвинулась с места, словно застыла, прикованная ко мне взглядом. Но в то время кто-то из ребят в палатке окликнул меня. Я быстро обернулся. В пол-оборота. На один миг. А когда повернулся назад, торопясь сделать еще два-три снимка – незнакомки и след простыл. Уйти ей было некуда. Прямо перед нами виселась почти отвесная скала. Сзади, за палаткой, уходил вниз обледенелый гребень, по которому мы еле взобрались накануне. А справа и слева обрывались такие кручи, на какие страшно было и ногой ступить. Но, главное, повторяю, прошли считанные мгновенья с тех пор, как я отвел глаза от незнакомки. И все-таки она исчезла. Я обошел небольшую площадку лагеря вдоль и поперек. Обшарил взглядом и скалу и нижнюю часть склона. Все тщетно. Незнакомка словно испарилась. Ребята, вскоре выбравшиеся из палатки, конечно, не поверили ни одному моему слову. Да я и сам начал сомневаться в реальности своего видения. В горах случаются галлюцинации и почище этой. Через неделю я почти забыл о необычной встрече. А когда месяц спустя, уже на базе, начал проявлять свои пленки, то увидел вот это. Ясно, что галлюцинацией тут и не пахло...

– Да-а, – протянул в задумчивости Артем. – Судя по тому, что запечатлела ваша фотокамера, тут, под скалой, могло иметь место что угодно, только не галлюцинация. Но и то, что вы рассказали мне...

– Может быть чем угодно, только не правдой? – мрачно усмехнулся Николай Иванович. – Не бойся, заканчивай. Не ты первый. Все так считают. Потому и не показываю никому свой снимок. – Он попытался забрать карточку из рук Артема.

– Пойдите, Николай Иванович! – отвел тот руку старого геолога. – Мало ли кто что считает. Я хочу сам разобраться, как все это объяснить. Подняться вверх или спуститься вниз она, вы говорите, не могла?

– Абсолютно исключено и то и другое.

– Значит... – Артем снова склонился над фотографией. – Скажите, а что за темное пятно вот тут, чуть влево от нее? Расселина или трещина в скале?

– Трещина. Там все было в трещинах. Как на потухшем вулкане. Хотя никаких следов вулканической деятельности я не заметил. Тоже загадка своего рода.

– Ну, это как сказать... Но вы заглядывали в эти трещины? Хорошо их осмотрели?

– Заглядывал. Да что там увидишь? Снег, лед, темнота... А ты готов предположить, что она в трещину спряталась?

– Почему бы нет?

– Да потому, что туда и я не решился бы сунуться. Ты представляешь себе – трещина в скале выше линии вечных льдов! А потом, главное-то ведь не в том, куда она спряталась. Спрятаться в конце концов можно и за камнем. Главное – как она там оказалась, как забралась на такую высоту? Тут уж никакая трещина не поможет!

– Так может, это вот, – щелкнул Артем по темному пятну, – не трещина, а вход в пещеру. Жилую пещеру.

– Ну ты даешь! – не сдавался Николай Иванович. – Жилая пещера на высоте три тысячи семьсот метров! Да еще с выходом на крохотный уступ, куда и альпинист с трудом поднимется. Но допустим невероятное. Пусть и была там какая-то пещера. Разве похожа эта женщина на пещерную жительницу-горянку? Разве так была бы она одета, живя в заоблачных высотах? Не-ет, тут что-то другое. Совсем другое!

– Но что же, черт возьми?! Как объяснить все-таки ее появление на вашем бивуаке? Кто она, по-вашему? Что вы сами думаете обо всем этом?

– Не знаю. Сказал – не знаю! Да и что теперь об этом говорить...

– Теперь да. Но тогда! Как могли вы в тот день уйти оттуда, не выяснив, кто она, что значило ее появление в вашем лагере, у вашей палатки?

– Как могли уйти! Это не у вас тут, в институтском парке. К тому же впереди ждала вершина. Да и о спуске вниз надо было не забывать.

– Ну, а на обратном пути, на пути с вершины? – не унимался Артем.

– Что на обратном пути? Не было обратного пути! Не было и вершины!

– Как так?

– А вот так. Не успели мы свернуть палатку, как поднялась такая круговерть! Словом, еле ноги унесли с этого проклятого уступа. Вот тебе и «как могли»! А ты сам, что бы ты сделал на моем месте?

– Я?... – Артем снова впился глазами в фотоснимок. – Я наплевал бы и на вершину и на любую, как вы говорите, круговерть, но не ушел бы с этого уступа, пока не разыскал таинственную незнакомку. Чего бы мне это ни стоило!

– Ну, знаешь!.. А впрочем, мне бы твои годы... Однако заболтались мы с тобой. Люди вон уж расходиться собрались.

– Да, уже поздно. Но вы ведь будете еще завтра в институте. Попробуем еще раз обмозговать все это. Я буду ждать вас.

– Добро.

Артем встал. Его снова окружили друзья-коллеги.

– Ну, Артем Владимирович, как говорят, большому кораблю... А сейчас по последней и – чао!

Кто-то подал ему бокал. Артем залпом опрокинул его, не поняв даже, чем тот был наполнен, и все шумной толпой вывалились в вестибюль.

Тут только новоиспеченный кандидат вспомнил, что его плащ и шляпа остались в аспирантской. Но возвращаться наверх не захотелось. К тому же удивительная история,

рассказанная Николаем Ивановичем, и только что выпитое вино разгорячили его, и он решительно шагнул к выходу.

Как ни странно, несмотря на все волнения этого дня и изрядную дозу принятого спиртного, он чувствовал себя совершенно трезвым, даже в голове не затуманилось. Напротив, все воспринималось как-то особенно четко, ясно, значимо, мысли текли легко, свободно.

Наскоро распрощавшись с коллегами, он сбежал по широким ступеням институтского портала и, свернув на тихую, густо засаженную только что распустившимися березами улицу, двинулся не спеша, слегка поеживаясь от вечерней прохлады и вдыхая всей грудью сырой весенний воздух, к остановке троллейбуса.

Только теперь, оставшись наконец наедине с самим собой, смог он по-настоящему почувствовать, что окончательно свершилось то, что еще сегодня утром казалось чем-то бесконечно далеким, пугающе недоступным, почти недостижимым. И свершилось легко, удачно, просто. Ведь по сути дела он в течение всей защиты не получил ни одного каверзного вопроса, а на большинство замечаний членов Совета ответил эффектно, даже с блеском. Правда, кое в чем немного и сплосховал, то ли не сразу собрался с мыслями, то ли все-таки растерялся от неожиданности. И бесстрастный магнитофон зафиксировал каждое его слово, теперь ничего не подредактируешь. Ну да не без этого. Важен результат: прямо против присуждения степени не высказался никто, ни один человек. А некоторые члены Совета дали такой отзыв на работу, какого он и не ожидал. Так что еще каких-нибудь три-четыре месяца и он – полноправный кандидат геолого-минералогических наук.

Артем попробовал представить, как изменится теперь его положение в институте. Но в голову почему-то вновь и вновь приходило воспоминание о только что виденной на фотографии Николая Ивановича таинственной незнакомке. Что мог, все-таки, значить этот снимок? В подлинности его можно было, кажется, не сомневаться, как и в достоверности рассказа Николая Ивановича. Но как объяснить этот загадочный феномен? И тут откуда-то из глубин памяти вывернулась одна небольшая деталь. Даже не сама деталь, ибо деталь эта в свое время лишь скользнула поверх сознания, не оставив в нем заметного следа. А вот теперь она снова напомнила о себе и обернулась вопросом: а что было в руках у незнакомки? Да, что было у нее в руках?

Все время, когда они с Николаем Ивановичем рассматривали фотографию, их внимание почему-то было приковано лишь к лицу и одежде девушки. Но ведь руки ее были чем-то заняты. Значит, она что-то держала в них или что-то делала ими. Но что? Что?

Артем постарался еще раз мысленно восстановить перед глазами весь снимок. И вдруг вспомнил: в руках у незнакомки был небольшой круглый ящик, от которого тянулось к скале нечто вроде троса или кабеля. Но ведь это... Это совсем меняет дело! Тут нужна специальная экспертиза. Надо обязательно сказать об этом Николаю Ивановичу.

2

С этого Артем и начал, когда на следующий день старый геолог снова пришел в институт, и они уединились в рабочей комнате минералогического музея.

– Николай Иванович, а вы обратили внимание на то, что было в руках у незнакомки? – спросил он, вытаскивая из кармана заранее приготовленную лупу.

– Гм... Обратил ли я внимание! – усмехнулся геолог. – Я ведь вчера тебе не все сказал, боялся, поднимешь на смех старика. А теперь... – он с минуту помялся, словно борясь с самим собой, затем решительно проговорил: – Так вот, то, что было у нее в руках, прежде всего и бросилось мне в глаза. А в руках она держала некое подобие большого сетчатого зонта. Этакую, знаешь, тонкаячеистую чашу из блестящей металлической проволоки. Однако не успел я навести свой аппарат, как она там, видно, что-то нажала или сдвинула, и весь этот ажурный зонт мгновенно свернулся в небольшую круглую коробку

– Чашу из металлической проволоки... Значит, параболическую антенну?

– Да, что-то в этом роде. Я в таких вещах плохо разбираюсь. Но не это главное. Ты посмотри, что у нее на шее, под ее прозрачным, как паутинка, «хитоном»! – геолог снова выложил веред Артемом загадочное фото.

– Какой-то красный шарик на цепочке. Видимо, медальон или... – не договорил Артем, переводя взгляд на лицо незнакомки и снова невольно любуясь ее удивительно светящимися глазами.

– Может, и медальон, только не просто медальон, – покачал головой геолог. – Сразу, как только свернулась эта ее антенна, она отвела шарик в сторону, и из того «медальона» прямо ввысь, в самый зенит, ударил тонкий голубой луч. Поднялся, прочертил в небе какой-то замысловатый вензель и пропал. И тут... Хочешь верь, хочешь нет, только сразу вслед за этим, как бы в ответ на ее сигнал, прямо над вершиной, а скорее всего, из-за вершины, поднялся другой такой же луч и так же принялся чертить в небе какую-то хитроумную фигуру. В этот момент я и щелкнул аппаратом. На фото луч почти полностью сливается с темно-фиолетовыми тучами, и все-таки... Ты присмотришься!

Артем снова взял в руки снимок и теперь отчетливо увидел тонкую, еле заметную полоску, поднимающуюся в небо почти над самой вершиной.

– Да, луч можно рассмотреть вполне отчетливо. А дальше? Что было дальше?

– А дальше все было так, как я рассказывал. Кто-то из ребят окликнул меня из палатки. А когда я снова обернулся к незнакомке, не было уже ни ее самой, ни ее зонтика, ни таинственных лучей.

– Абсолютно необъяснимая история! Ничего не приходит в голову, кроме разве... Хотя это и банально, но... Не думаете вы, что вам посчастливилось встретиться с инопланетянкой?

– Нет, это совершенно исключено.

– Почему?

– Да потому, что как ни усердствуют сторонники того, что разумная жизнь должна быть обязательно антропоморфной, как ни тешут себя надеждой встретиться с подобными нам братьями по разуму, тем не менее нолики идентичности у представителей разных миров не будет никогда. Не может быть! А тут... Вернее там, на нашем бивуаке, мне встретилась все-таки земная женщина. Ты же сам видишь, никаких заметных отклонений...

– А глаза?

– Да, глаза необычные... Удивительные глаза! Но я, помнится, читал, что такое наблюдается у некоторых людей: глаза их светятся.

– Вы правы, конечно. Но никакого другого объяснения... Да, Николай Иванович, а прежде, до вас, кто-нибудь поднимался на эту вершину?

– Нет, насколько я знаю, там не бывал никто. Настоящих альпинистов такие вершины не интересуют: и высота не слишком большая и подъем не бог весть какой сложности. Потому-то я и несколько новичков-любителей из нашей экспедиции, воспользовавшись перерывом в работе, и решились на это восхождение.

– Значит, если бы мне посчастливилось побывать в тех краях, ну, скажем, поехать в вашу экспедицию, она ведь, насколько я понял, еще года три там будет работать, то я тоже смог бы попробовать подняться?

– Вполне.

– А вы не смогли бы поподробнее рассказать, как туда добраться?

– Нет ничего проще. У меня даже карта сохранилась. Вот смотри. Прямо на север от базы экспедиции идет достаточно торная дорога. Она заканчивается в небольшом селении, вот здесь. Кстати, в этом селении мне тоже рассказали прелюбопытную историю. Правда, тогда – это было еще до нашего восхождения – я не придавал ей ни малейшего значения. Но после встречи с таинственной незнакомкой...

– Вы хотите сказать, что есть какая-то связь...

– Кто знает... Суди сам. Один тамошний долгожитель го слов своего деда поведал мне, будто лет сто пятьдесят назад из большого озера, расположенного неподалеку от селения,

вышло несколько странных человекоподобных существ и, похитив несколько молодых женщин и девушек, увели их с собой под воду.

– Ну, это не больше, чем сказка!

– Я тоже решил, что сказка. Но вот какая интересная деталь. Прежде чем погрузиться со своими пленницами подду, предводитель захватчиков будто бы поднял вверх и из ладони его поднялся к небу тонкий голубой а в ответ на это с севера, из-за гор, взвился такой же луч...

То есть полная аналогия с тем, что пришлось увидеть вам?

– Да, почти.

– И ответный луч поднялся из-за той же вершины? Этого я не смог уточнить. Дело в том, что там не один, а несколько вершин, и все они одинаковой высоты, как под гребенку подстрижены. Тоже феномен своего рода.

– Ну, вы меня окончательно заинтриговали! В самом деле, почему бы мне уже нынче не съездить туда? Тем более что такого материала по альпийской тектонике я не найду больше нигде в мире. А может, вместе махнем, а, Николай Иванович?

– Нет, Артем, я свое отъездил. Сдам последний отчет и – на заслуженный отдых. А ты поезжай. Не пожалеешь. Материал там действительно уникальный. Если же вздумаешь все-таки, повторить и мой альпинистский маршрут, то вот, смотри. Дальше от селения, примерно на северо-восток, идет тропка, я ее нанес на карту. Тропка приведет тебя к нашему первому бивуаку, мы там оставили кое-что, сразу увидишь. Ну а дальше – прямо к вершине. Только не вздумай пойти в одиночку. И не очень лихачествуй. Я тебя знаю. В общем, успеха тебе.

– Спасибо, Николай Иванович, сейчас же иду к шефу. Он сам на днях интересовался, куда я собираюсь поехать этим летом. Но тогда я отмахнулся, в голове была одна защита. Зато теперь...

– А теперь чем заняты два ведущих специалиста по альпийской тектонике? – неожиданно послышалось от дверей.

Артем обернулся на голос и невольно нахмурился. К ним подходил давний его недоброжелатель и завистник ассистент Квитковский. Он также много лет занимался альпийской тектоникой, имел на этот счет вполне определенные взгляды, и именно эти взгляды подрубила под корень диссертация Артема.

– А-а, опять эта таинственная незнакомка! – кивнул он на лежащую на столе фотографию. – Оч-чень пикантная история! Я, простите, случайно слышал ваш вчерашний разговор и тоже сгораю от любопытства. О, и карта той местности! Уж не собираются ли специалисты по альпийской тектонике променять все свои сбросы и надвиги на более романтические поиск заоблачной леди? Я, знаете, тоже не отказался бы от этого архиприятного занятия. Но – мол чу, молчу! Где нам, дуракам, чай пить! Артем Владимирович, а я вас ищу. Шеф просил заглянуть к нему. Если вы но очень заняты, – добавил он с ехидной ухмылкой, снова кивнув на фотографию.

3

Артем сразу понял, что Квитковский не упустит случая использовать подслушанный разговор для свершения какой-нибудь каверзы. Так оно и получилось. На ближайшем же Ученом совете, где обсуждались планы научных командировок на предстоящее лето, он выступил с «небольшим замечанием», в котором утверждал, что «по имеющимся у него сведениям» аспирант Лосев собирается ехать на Тянь-Шань не столько ради сбора научного материала, которого у него и так больше, чем достаточно, сколько ради осуществления личных планов развлекательного характера. В другое время Совет не обратил бы на такое «замечание» ни малейшего внимания. Но в этом году лимиты на командировочные расходы оказались сильно урезанными, а желающих поехать слишком много, и Совет после коротких дебатов счел возможным перенести командировку аспиранта Лосева на Тянь-Шань на следующее лето.

Незачем говорить, как расстроило Артема решение Совета. Оно было тем более обидным и досадным, что он никак не ожидал такого оборота событий и заранее подготовил все, что могло понадобиться для отъезда, истратив на приобретение необходимого снаряжения не только все свои более чем скромные сбережения, но и призвав изрядную сумму денег у добрейшего Николая Ивановича. Вот почему из института он вышел в самом дурном расположении духа и, не желая встречаться ни с кем из знакомых, пошел не на остановку троллейбуса, а свернул в расположенный неподалеку городской парк и даже не наметил, что с неба срываются крупные капли дождя, а вдали, за черной завесой ночи, перекаываются глухие раскаты грома. Иначе он, наверное, не пошел бы через парк, и выбрал более короткий путь, по одной из идущих к его дому улиц, где, если бы и не удалось воспользоваться трамваем или автобусом, то можно было бы, на худой конец, укрыться от непогоды в любом подъезде.

Но он пошел именно через парк, и не по центральной, а по дальней боковой аллее, мимо площадки аттракционов, чтобы еще раз, наедине с собой, обдумать, что теперь предпринять, как перестроить свои планы на лето в связи с постигшей его неудачей.

Однако дождь усиливался. И когда он поравнялся с площадкой, то почувствовал, что рубашка на груди начинает липнуть к телу. А еще через мгновение гром prorokotal прямо у него над головой, и с неба обрушилась лавина воды. Артем бросился было под ближайшее дерево, но тут же увидел в свете прорезавшей тьму молнии большой оранжевый шар, стоявший между мачтой «гигантских шаров» и макетом «космической ракеты». Прежде он этого аттракциона не замечал. Да не обратил бы на него внимания и сейчас, если бы не призывно раскрытая, болтающаяся на ветру дверца, ведущая внутрь этого объемистого металлического ананаса.

Недолго думая, Артем перепрыгнул невысокий штaketник, ограждающий площадку аттракционов, подскочил к шару и, легко протиснувшись через овальный люк, потянул за собой раскачивающуюся на ветру дверцу. Та сразу захлопнулась, издав мягкий мелодичный щелчок.

Внутри шара было темно и тихо. Шум дождя еле пробивался сквозь оболочку странного сооружения. Воздух, прогретый за день, казался густым, тягучим. Пол под ногами слегка пружинил. Пахло лаком и хорошо выделанной кожей.

Артем нащупал рукой нечто, похожее на скамью, и опустился на нее, с удовольствием вытянув натруженные ноги. Все существо его, несмотря на только что пережитую неприятность, охватило успокоительное чувство уюта. Где-то там, снаружи, хлестал дождь, дул ветер. И бежали по лужам застигнутые ливнем прохожие. И толкались в переполненных трамваях и автобусах вымокшие пассажиры. А тут было тепло и сухо. И никуда не надо было спешить. И можно было спокойно, не торопясь, обдумать, как теперь поступить, что сделать в связи с неожиданным решением Совета.

Между тем дождь усилился. Шум его доносился все явственнее, все отчетливее. Гулкие раскаты грома следовали теперь один за другим почти без перерыва. И всякий раз в темноте вспыхивала прерывистая цепочка ярких бликов, из чего можно было заключить, что в стенках шара имелся ряд круглых отверстий или окон, проходящих где-то на высоте роста Артема. Впрочем, скорее всего это были именно заделанные стеклом или прозрачным пластиком иллюминаторы, ибо внутрь шара не проникало ни капли дождя.

Артем поудобнее устроился на мягком диванчике и принялся снова перебирать в голове оставшиеся у него возможности. Итак, в командировке ему отказали. Но лето-то у него свободно. Двухмесячный отпуск положен. Все необходимое снаряжение приготовлено. Так почему не поехать на Тянь-Шань просто так, самостоятельно, без всякой институтской командировки? Трудновато, конечно, будет с деньгами. Но в той же экспедиции Николая Ивановича он наверняка сможет устроиться на оплачиваемую должность, людей там всегда не хватает. А Николай Иванович не откажет ему в рекомендательном письме. Вот и выход из положения!

Артем принялся даже насвистывать, снова и снова обдумывая все детали предстоящего путешествия. Но в этот момент тьму прорезала особенно яркая вспышка молнии, Гром обрушился, казалось, прямо на голову Артема. Шар резко качнулся. И он почувствовал нечто похожее на то состояние, какое испытываешь при подъеме на скоростном Шфте. На миг у него заложило даже уши. Но самым странным было то, что тьма внутри шара начала рассеиваться. Не прошло и нескольких минут, как он смог уже ясно различить цепь круглых застекленных иллюминаторов, протянувшихся по всему периметру шара, невысокую, обитую кожей скамью, также опоясывавшую всю нижнюю часть странного полусферического помещения, что-то вроде приборной панели на стене, прямо против входа.

Артем поспешно сглотнул слюну. Неприятное ощущение в ушах исчезло. Но тут же навалилась абсолютная тишина. Не слышно стало ни шума дождя, ни раскатов грома. И бледный рассеянный свет, настоящий дневной свет, все больше вытеснял последние остатки темноты. Что за чудеса?!

Артем поднялся к иллюминаторам: за мокрыми запотевшими стеклами быстро бежали сверху вниз белесые космы тумана. Быстрее, быстрее... И вдруг они исчезли. И яркое солнце ворвалось внутрь шара.

Солнце сейчас, поздним вечером?! Артем вскочил на скамью, протер стекло рукавом пиджака, прильнул к нему лицом: внизу, там, где должны были быть бетон площадки и штaketник ограды, волновалось, как море, бескрайнее нагромождение облаков.

Что это? Что случилось?!

Шар качнуло. Солнце медленно переместилось из одного иллюминатора в другой. Внизу вздыбилась и быстро ушла в сторону клубящаяся белоснежная громада. А сзади, по застывшим гребням этого белого моря, бежала огромная черная тень, очертания которой мгновенно рассеяли все сомнения: то, что Артем принял за новый парковый аттракцион, оказалось гондолой самого обыкновенного воздушного шара.

Теперь он вспомнил, как дня три-четыре назад сам прочел в «Вечерке», что местная организация ДОСААФ создала общество любителей воздухоплавания и получила из центра «вполне современный аэростат». Он еще усмехнулся тогда: в век космической техники – допотопный монгольфьер! И вот теперь этот «вполне современный» летательный аппарат нес его по воле ветра. Куда? Кто мог ответить на этот вопрос.

Артем еще раз взгляделся в бегущую внизу тень. Теперь внимание его привлек длинный полосатый предмет, летящий на небольшом отдалении за гондолой. Что это за странное, напоминающее громадный гребень, сооружение, очевидно, привязанное канатом к гондole?

И вдруг понял: то была часть штaketника, который ограждал площадку аттракционов. К ней, видимо, и привязали аэростат незадачливые «любители воздухоплавания». А сильный грозовой вихрь, многократно увеличивший подъемную силу аппарата, позволил ему вырвать из земли целое звено легкого деревянного ограждения и, взмыв ввысь, помчаться вслед за ветром. Но куда? Куда?!

Единственное, что можно было сказать, судя по направлению движения тени и положению солнца, так только то, что аэростат летел сейчас на юго-восток и летел довольно быстро. Но ветер мог перемениться в любую минуту. И солнце вот-вот скроется за горизонт. Куда же занесет его за долгие часы ночного полета?..

4

Пошли вторые сутки полета. Лишенный карт и каких-либо навигационных приборов, не имея возможности регулярно следить за землей, Артем понятия не имел, куда занес его злополучный баллон. К тому же ветер постоянно менялся, земля то и дело оказывалась покрытой облаками, стекла в иллюминаторах то запотевали, то покрывались корочкой льда. А главное – в гондole не оказалось ни капли воды, ни кусочка хлеба. И теперь на вторые сутки полета в душу Артема начали закрадываться страх и отчаяние.

Вспомнилось голодное военное детство. Ветхая покосившаяся избышка на окраине большого сибирского села, куда забросила их с матерью лихая година. Страшный конверт с похоронкой на отца. Болезнь и смерть матери. Тусклая серая череда бесконечных дней и ночей в детском доме.

Потом — завод. Интересная, хоть и нелегкая работа за слесарным верстаком в инструментальном цехе и еще более нелегкие занятия в вечерней школе. Первый самостоятельно сконструированный и изготовленный кондуктор и первая безответная любовь. Первое отчаяние после неудачной попытки поступить в институт и первая победа над страхом в kloкочущей стремнине горного потока на производственной практике в разведочной экспедиции после четвертого курса геологического факультета, куда он поступил-таки через два года после провала, несмотря на громадный конкурс и далеко не блестящие отметки в аттестате.

Там, в экспедиции, он случайно, как ему казалось, сделал интересное открытие: установил никем почему-то ранее не замеченную связь хромитовой минерализации с определенными типами серпентинитов, что к концу уже второго сезона позволило выявить довольно крупное месторождение высококондиционных руд. Это открытие стало своего рода рубежом. Дальше все понеслось будто само собой, как легкие ледянки по хорошо накатанной дороге: заслуженная победа на конкурсе студенческих научных работ, высший балл и отличная характеристика с производства за дипломный проект, досрочно законченная аспирантура и, наконец, позавчерашняя защита диссертации.

И вдруг это нелепое невероятное происшествие с проклятым шаром. Неужели крах всему? Нет, черт возьми, не может быть! Артем вскочил с Места и, взобравшись на скамью, прильнул глазами к иллюминатору. Внизу облаков не было. Теперь там громоздились горы: острые пики скал, белые шапки вершин, черные провалы пропастей. Но что это? Кавказ, Альпы, Гималаи? А может быть, Американские Кордильеры? Кто знает, с какой скоростью и куда несет его неуправляемый аэростат?

Но что-то слишком уж близко заснеженные вершины. Вот этот хребет почти на одном уровне с гондолой. А тот, дальний, даже выше ее! И шар мчится прямо к нему.

— А, ч-черт! Да он опускается!

Артем взгляделся в бегущие навстречу скалы. Да, несомненно, аэростат стремительно терял высоту. Теперь под ним была гигантская чаша, со всех сторон окруженная отвесными обрывами, и аэростат опускался в эту чашу, скользя вдоль одного из ее бортов. Вот он уже миновал крутой заснеженный склон, пронесся над узкой, заросшей травой террасой, чиркнул до сих пор болтающимся на канате обломком штакетника по густым зарослям кустарника, на миг зацепился им за ветви одиноко стоящего дерева, с визгом поволок гондолу по щебенчатой осыпи. А дальше — снова заросли кустарника и за ними — опять обрыв...

— Теперь или никогда!

Артем рывком распахнул дверцу гондолы, сильно оттолкнулся обеими руками и бросился вперед, вниз, в несущийся навстречу откос.

Облегченная гондола свечой взмыла вверх, шар быстро поднялся к верхней кромке котловины и мигом исчез из глаз. А Артем, проехав еще метров десять на пятой точке, уперся ногами в плотную стену кустарника.

— Все! Приземлился...

Он поднялся на ноги и, отряхнув брюки, огляделся. Осыпь состояла из мелких обломков мраморизованного известняка, какого он повидал немало. А вот низкие узловатые кустики с мелкими пунцовыми листьями были незнакомы. Ничего подобного он не встречал ни на Урале, ни в Казахстане, где облазил не одну сотню километров.

Впрочем, сейчас ему было ни до того, ни до другого. Солнце стояло уже высоко. Было жарко. Ни ветерка. И давно мучившая его жажда сделалась нестерпимой. Он снова окинул взглядом каменистый откос:

«Та-ак... Осыпь, по всей видимости, рыхлая и лежит, несомненно, на скальном грунте, — мысленно оценил он геологические особенности склона. — Значит, дождевые воды должны свободно проникать сквозь щебеночный чехол и, скапливаясь на твердом ложе, сбрасываться только по кромке обрыва. Не случайно именно здесь разросся этот сердитый кустарник. Что же, один раз он уже помог мне, не дав соскользнуть с обрыва. Должен помочь и еще раз».

Он спустился в небольшую ложбинку, где заросли были особенно густыми и сочными, и сразу увидел небольшую мочажину, а чуть дальше даже целую лужицу чистой воды.

Напившись и освежив лицо, Артем выбрался из кустарника и поднялся вверх по осыпи. Здесь она упиралась в крутую известковую скалу. Такие же скалы тянулись и дальше, чередуясь с небольшими ложбинками и хребтиками. Выше над ними располагалась довольно пологая терраса, покрытая альпийским лугом. А еще выше вздымались в небо совсем уж неприступные скалы, увенчанные снеговыми шапками.

И так было всюду, по всему периметру котловины, гигантский амфитеатр которой достигал, по-видимому, никак не меньше десятка километров в диаметре.

Нечего было и думать выбраться отсюда через верхний обвод грозных снежников. Вот чем закончилась «удачная» выдумка спрятаться от дождя в столь экзотическом укрытии. Артем с тоской посмотрел на свирепо вздыбившиеся каменные громады. Нет, туда, вверх, путь закрыт. А что ждет его внизу?

Ниже, сразу под обрывом, виднелись обширные луга, зеленый ковер которых с яркими пятнами ромашек и красных маков полого спускался синеющей кромке леса. Лес покрывал, по-видимому, всю нижнюю часть котловины. Но центр ее терялся туманной дымке. Впрочем, не надо быть

опытным геологом, чтобы почти наверняка предположить, что на дне такой гигантской бессточной впадины должен располагаться обширный водоем. Словом, места здесь были благодатными. Без сомнения, там, внизу, жили люди. Но путь к ним по совершенно незнакомым местам, изобиловавшим неприступными кручами и коварными расселинами, мог занять не один день. А Артема уже сейчас мутило от голода.

Однако здесь, на этой голой каменистой осыпи, не было ни малейшей надежды найти что-нибудь съестное.

— Значит — вниз? Да, только вниз!

Артем еще раз прошелся по краю осыпи и, выбрав ложбину поположе, начал осторожно спускаться с обрыва. Но спуск давался с трудом. Солнце, стоявшее теперь прямо над головой, жгло немилосердно. Пот заливал глаза. Снова захотелось пить. Легкие ботинки скользили по замшелым глыбам, в них набивались камни. А обрыв становился все круче, все опаснее.

Вдруг правая рука Артема наткнулась на что-то мягкое и липкое. Он инстинктивно отдернул ее и, смахнув с лица пот, покосился глазами на уходящую вправо вниз расселину. Вся она была заполнена темной смолистой массой, издававшей запах тлеющей органики. Нечто подобное он видел года два назад в горах Казахстана. Артем поддел пальцем густой вязкий натек, поднес к носу: да, несомненно, это было мумиё. Там, в Казахстане, за ним охотились, как за золотом, и продавали по цене, мало уступающей стоимости золота, ибо, как гласила народная молва, оно излечивало от бесчисленных болезней и, прежде всего, от всякого рода травм. Впрочем, позднее в этом убедился и сам Артем, когда на его глазах местные лекари с помощью мумиё в три дня поставили на ноги молодого рабочего, сильно повредившего колено при проходке шурфа. Но зачем нужен был этот бесценный препарат здесь, на голой скале, когда все мысли Артема были направлены только на то, чтобы найти хоть что-нибудь съедобное. Там, в лугах, возможно, и посчастливится встретить какую-то еду. Но нужно еще спуститься туда с этой головокружительной высоты. Артем передохнул еще с минуту и снова полез вниз, перебираясь с уступа на уступ, от расселины к расселине.

Наконец, окончательно выбившись из сил, ободрав пальцы на обеих руках, сильно зашибив плечо и разорвав рукав пиджака, он ступил на мягкий ковер травы и, отерев с лица пот, с трудом выпрямил спину.

Ноги у него дрожали, тело было чужим, земля плыла перед глазами. Он прикрыл их ладонью. А когда отнял руки от лица, то даже попятился от неожиданности: прямо перед ним высились три человеческие фигуры. Трое мужчин, не очень высоких, на голову ниже его, Артема, худых, хорошо сложенных, светлолицых, стояли неподвижно в двух шагах от него, не сводя цепкого, изучающего взгляда. Один из них был явно в летах: волосы у него на голове и в бороде были совершенно седыми, лицо изборождено глубокими морщинами. Двое других – значительно моложе, с темными иссиня-красноватыми вьющимися волосами, густыми окладистыми бородами и очень большими блестящими глазами. И эти огромные, цвета темной бронзы, будто подсвеченные изнутри, глаза являли разительный контраст с их бледными, точно восковыми лицами нездоровый землистый оттенок которых казался особенно неестественным в ярком свете немилосердно палящего солнца.

Артем постарался улыбнуться:

- Вот к вам гости... Совершенно случайно... По независящим, как говорится, от меня обстоятельствам...

Мужчины не обронили ни слова, не сделали ни малейшего движения, в глазах их не отразилось никакой мысли. Артем непроизвольно съежился:

- Да я и не собирался к вам, сюда... Честное слово! говорю, лишь чистейшая случайность... – торопливо продолжал он, хотя и отдавал себе отчет, что незнакомцы не понимают его. – И потом... Поесть бы... – он сделал выразительный жест языком и зубами.

Мужчины продолжали стоять как изваяния, не сводя с него неподвижного взгляда.

- Да поймите, я вторые сутки без еды! - с отчаянием воскликнул Артем, поднося ко рту сложенные в щепоть пальцы и энергично тряся головой.

Тогда седовласый мужчина поднял руку и решительно махнул ею в сторону. Ясно, что он предлагал куда-то пойти.

Артем, не говоря ни слова, двинулся в указанном направлении. Седовласый сейчас же обогнал его и пошел впереди. Двое его спутников замыкали шествие. Р Теперь Артем смог рассмотреть идущего впереди незнакомца во всех деталях. Голова его была непокрытой. Пышные, абсолютно белые, слегка вьющиеся волосы падали прямо на плечи, закрывая длинную, должно быть очень гибкую шею. Одет он был в просторный белый балахон, состоящий из двух широких, свободно ниспадающих полотнищ, скрепленных сверху, над плечами, крупными деревянными пластинками. Руки незнакомца были обнажены, на ногах виднелись легкие, сплетенные из тонких ремней сандалии. Шел он очень легко и быстро, едва поднимая ноги от земли, отчего вся фигура его оставалась абсолютно неподвижной, создавая впечатление некой царственности, за что Артем мысленно назвал его «Владыкой».

Следовавшие за ним мужчины были одеты точно так же. Только их длинные, чуть не до земли, балахоны были заметно грубее, сильно поношены и серы от пыли и грязи. Ни у самого Владыки, ни у его спутников не было, похоже, никакого оружия. Да и с какой бы стати пришло им в голову причинять какой-то вред ему, Артему. Придя к такому заключению, Артем немного успокоился и совсем уж воспрял духом, когда увидел вдали, в небольшой лощинке, пасущееся стадо белых длинношерстных животных, похожих на коз.

Значит, это мирные пастухи? И ведут его к своей пастушеской хижине, где можно будет поесть и напиться?

Но никаких строений поблизости видно не было. И идущий впереди Владыка, резко свернув в сторону от стада, направился к высокому, одиноко стоящему дереву. К чему бы это? Или пасущиеся на лугу козы – табун диких животных?

Артем снова посмотрел в их сторону и вдруг увидел, что от стада отделилась и быстрым шагом, вприпрыжку, направилась к ним человеческая фигура, похоже, фигура женщины или подростка. Артем замедлил шаг. Но Владыка, также заметивший бегущего к ним человека, издал резкий протестующий возглас и властно взмахнул рукой. Бегущий остановился и после короткого раздумья и, как показалось Артему, с большой неохотой, побрел обратно к стаду.

Артем обернулся к следовавшим за ним мужчинам и снова встретился с цепким непроницаемым взглядом двух пар блестящих глаз. В душу опять начал закрадываться страх. Тем более, что под деревом не было видно ни шалаша, ни какого-либо иного укрытия. А направившийся к нему Владыка извлек откуда-то из складок своего балахона свернутый в тугую жгут кожаный ремень и принялся на ходу его распутывать. Это еще для чего? Уж не собираются ли повесить его мрачные неразговорчивые люди? Страх окончательно завладел Артемом, заглушив даже мучительное чувство голода.

Он непроизвольно остановился. Но тут же один из тех, кто шел сзади, мягко, но решительно подтолкнул его вперед. Артем медленно, спотыкаясь, побрел дальше.

Под ногами у него расстился мягкий, шелковистый ковер нетоптаной травы. Воздух, напоенный ароматом луговых цветов, звенел от бесконечных трелей кузнечиков. Чистую синеву неба прочерчивали стремительные молнии непоседливых стрижей. А он видел лишь страшные петли ремня в руках Владыки и лихорадочно соображал, что можно предпринять, если они действительно захотят лишить его жизни.

С этими тремя он, пожалуй, справится. Определенно справится. Они сами, начнись потасовка, запутаются в своих длинных балахонах. А дальше? Что делать дальше? Бежать? Но куда? В лесу их, наверное, видимо-невидимо. В горы не подняться. А здесь, в лугах, они затравят его, как зайца. Тот, четвертый, определенно наблюдает за ними и сейчас же даст знать обо всем своим соплеменникам.

Но вот и дерево. Громадный крупнолистный бук тихо шелестел могучей кроной, будто увещевая Артема смириться с уготованной судьбой.

– Как бы не так! – мысленно отрезал он, напрягаясь, как сжатая до отказа пружина, и не спуская глаз с Владыки.

Тот, подойдя к дереву, закрепил один конец ремня за нижний сук, затем склонился к самой земле и... легко отбросил верхнюю часть дерновины в сторону. Впрочем, вскоре Артем понял, что это было отнюдь не дерновиной, а куском искусно окрашенной под цвет травы шкуры, под которой скрылась черная голая круговина, напоминавшая старое кострище.

Меж тем Владыка привязал свободный конец ремня к небольшому выступу с краю круговины и нажал на него ногой. Вся круговина тотчас исчезла, открыв широкий зияющий люк, ведущий, должно быть, в какое-то обширное подземелье.

И в самом деле, Владыка сейчас же проскользнул в открывшееся отверстие, сделав Артему знак следовать за собой.

Артем не без опаски глянул вниз: там брезжил слабый туманный полусвет, позволяющий рассмотреть нечто вроде лестницы, круто спускающейся на пять-шесть метров от поверхности земли. Владыка, успевший спуститься вниз, выразительно указал на это шаткое деревянное сооружение, и Артему ничего не оставалось, как последовать за своим вожатым. Люк сразу захлопнулся у него над головой, и он остался один на один с Владыкой в тесной полутемной землянке, стены которой были сплошь завешены тяжелыми пологам из козьих шкур. Впрочем, Владыка тотчас раздвинул один из пологов, и перед Артемом открылось довольно большое уютное помещение со странным, непонятным источником света, вмонтированным в одну из стен.

Здесь, видимо, и жили встретившие его хозяева котловины. Пройдя вслед за Владыкой в эту, упрятанную под землей хижину и не видя больше никаких признаков недружелюбия с его стороны, Артем окончательно успокоился и принялся с интересом осматривать столь необычное жилище. Воздух здесь был чистым, без всяких запахов, а бодрящая прохлада

приятно освежала после изнурительной духоты в альпийских лугах. В середине хижины стоял простой, грубо сколоченный стол, который опоясывала сплошная широкая скамья. Такие же скамьи, застланные шкурами, протянулись и вдоль стен, облицованных гладким ошкуренным кругляком.

Владыка жестом указал Артему на одну из скамей и молча скрылся за пологом. Артем судорожно глотнул слюну. Чувство страха вновь сменилось невыносимым чувством голода. Артем готов был броситься вслед за Владыкой и снова попытаться объяснить ему, как давно он не ел. Но через минуту тот сам показался из-за полога и, все так же не говоря ни слова, поставил на стол большой кусок аппетитно пахнущего сыра и берестяной туесок с молоком. Затем он аккуратно разложил там несколько тонких деревянных планок, напоминающих по форме столовые ножи, и снова исчез за пологом.

Теперь, очевидно, следовало ждать приглашения к завтраку. Но Артему было уже не до церемоний. Пересев за стол, он залпом ополовинил туесок с молоком и, вооружившись экзотическим ножом, принялся уничтожать великолепный сыр. Впрочем, скоро он понял, что это были совсем не молоко и не сыр. В туеске оказался очень приятный на вкус, слегка пахнущий хвоей, густой напиток, напоминающий топлёные сливки. А то, что он принял за сыр, больше походило на свежую творожную запеканку, замешанную на меду. Но все это он осознал лишь к концу трапезы, когда голод уступил место приятной тяжести в желудке, а глаза начали смыкаться в сытой дреме.

Владыка больше не появлялся. Все словно забыли о нем. В хижине воцарилась давящая тишина. И сон начал просто-таки одолевать Артема. Но неудобно же было заснуть вот так, за столом, даже не поблагодарив хозяев за столь щедрое угощение.

Он встал со скамьи и принялся ходить из угла в угол, рассматривая убранство подземной хижины. Самым удивительным здесь оказалось то, что и стол и скамьи были сделаны без единого металлического гвоздя. Не было видно ни одного гвоздя и в стенах хижины, в забранном сосновым горбылем потолке, в длинных деревянных полках, протянувшихся вдоль стен. Сплошь из деревянных или берестяных предметов состояла и посуда и кое-какая иная утварь, аккуратно разложенная на полках. Чисто деревянным и также без гвоздей был и большой ларь, стоящий в углу землянки.

Трудно было отделаться от мысли, что находишься в горнице старообрядческой избы, где-нибудь в зауральской глуши, куда Артем не раз выезжал с институтской экспедицией. Но еще труднее было понять, как освещается эта «горница». Свет шел будто из открытого оконца: в нише, откуда лился ровный голубовато-белый световой поток, не было ни свечи, ни лампы, ни какого иного светильника. Свет рождался словно из пустоты. И это в хижине, где люди, кажется, не знали ничего, кроме дерева и козьих шкур!

Артем подсел поближе к светящемуся прямоугольнику, пытаясь разгадать природу странного свечения. Но веки его начали вновь слипаться, и последнее, что промелькнуло в затуманенном сознании, были огромные девичьи глаза. Ясные, доверчиво раскрытые, полные удивления и любопытства, они будто всплыли в рамке таинственного света и заглянули в самую душу Артема.

5

Разбудил Артема мерный плеск волн. Плеск морского прибоя здесь, за стенками пастушеской землянки?! Он нехотя раскрыл глаза. Но вместо знакомых стен, забранных сосновым кругляком, взгляду его предстал белоснежный купол, натянутый на изящный каркас из тонких деревянных планок. В стенках купола не было никаких отверстий или окон, но солнечные лучи свободно проникали сквозь полупрозрачную ткань, создавая ровное приятное освещение.

Артем привстал на своем ложе, с удивлением рассматривая новое необычное пристанище. Высота купола достигала, по-видимому, не менее трех-трех с половиной метров. Кроме удобного топчанчика, наподобие узкой деревянной кушетки, на котором он лежал, укрытый легким шерстяным покрывалом, здесь разместились стол и несколько мягких

сидений, похожих на низкие, без подлокотников, кресла. В центре стола высилась искусно выточенная из дерева вазочка с незнакомыми Артему цветами, вокруг которой в живописном беспорядке была расставлена целая батарея деревянных сосудов и широких плоских чаш, тщательно прикрытых тонкими белыми салфетками. Это был, очевидно, предназначенный ему завтрак, подобный тому, каким угостили его в пастушеской землянке перед тем, как он заснул, точно убитый, и проспал неизвестно сколько времени. Уснул, конечно, не случайно: в кушанья, несомненно, было подмешано снотворное, чтобы переправить его, спящего, из землянки в этот экзотический шатер. Но для чего понадобилась такая предосторожность встретившим его людям? И кто они – эти таинственные обитатели горной котловины?

Артем встал с кушетки и прошелся по мягкому, застланному шкурами, полу, не переставая удивляться странному убранству этого не то жилища, не то декоративного павильона. Все здесь выглядело каким-то сказочным, ненатуральным: и белый, пронизанный солнцем купол над головой, сквозь который просвечивала листва склонившихся над ним деревьев, и полное отсутствие стекла и металла во всем, что попадалось на глаза, и удивительно тщательная отделка всех вещей, начиная с кушетки и кресел, кончая посудой на столе, и тонкий пьянящий аромат, идущий от букета цветов, и даже неправдоподобно яркая белизна салфеток и обивки кресел. Страшно было прикоснуться к этим изящным предметам, более уместным в зале этнографического музея, чем в жилище человека.

Но что это? Артем прислушался. Снаружи, из-за стен купола, вновь отчетливо послышался шелест волн. И даже знакомый крик чайки. Уж не мерещится ли ему?

Артем обошел помещение кругом, пристально всматриваясь в его стены, и скоро заметил нечто вроде выхода, прикрытого пологом из той же белой ткани.

Откинуть полог и выйти из шатра не составило труда. Но здесь, снаружи, глазам Артема представилось совсем не то, что он ожидал увидеть. Вместо живописной лесной поляны, какая рисовалась в его воображении, перед ним открылась спокойная водная гладь, берега которой едва проглядывались в белесой дымке утреннего тумана. Линия этих поросших лесом берегов замыкалась в почти правильный круг, а в центре обширного водоема расположилось несколько островов. На одном из них и стоял сейчас Артем.

Все острова – он насчитал их около десятка – были очень низкими, плоскими, сплошь покрытыми густой луговой травой и соединялись между собой и с берегами водоема легкими, почти вровень с водой, деревянными мостиками. На большинстве из островов высилось по два-три куполообразных шатра, подобных тому, из какого вышел Артем. Впрочем, здесь, снаружи, они выглядели совсем не так, как изнутри. Белая ткань, покрывавшая их, оказалась густо разрисованной зелеными пятнами и разводами – их Артем и принял за тени от листвы и веток, – так что сверху, с высоты птичьего полета, их вполне можно было бы счесть за пышные купы растительности.

Шатры были самых разных размеров и служили, видимо, жилыми или подсобными помещениями. Но ни на одном из островов Артем не увидел ни единой живой души. Все кругом точно вымерло. Лишь тихий шелест прибоя немного нарушал сонную тишину раннего утра, да громкие крики чаек вспугивали стайки белых мотыльков выходящих над разливом луговых цветов.

Тщательно умывшись и приведя себя в порядок, Артем еще раз огляделся вокруг и, по-прежнему не увидев никого из хозяев этого полотняного царства, направился в «свой» шатер, намереваясь позавтракать, а уж потом подумать, как войти в контакт с этими таинственными, пленившими его людьми.

Он шагнул в проем купола и... невольно попятился назад: перед ним стоял Владыка или кто-то иной, похожий на вчерашнего «бедуина». С минуту тот пристально всматривался в лицо Артема, затем коснулся рукой своего груди и коротко произнес:

– Грей О-Брайн.

Артем понял, что незнакомец назвал свое имя и ответил тем же. Тогда О-Брайн указал ему на кресло у стола и сел сам. Артему ничего не оставалось, как последовать его примеру. О-Брайн снял салфетки, прикрывающие стол, уставленный яствами, и, придвинув Артему небольшую плоскую чашу, положил на нее кусок какого-то аппетитно пахнущего кушанья.

На этот раз Артему пришлось познакомиться с куда большим количеством экзотических блюд и напитков, а когда завтрак был закончен, О-Брайн достал небольшую гладкую пластинку, напоминающую грифельную доску и, вооружившись тонким, заостренным подобно карандашу стержнем, начал быстро наносить им незамысловатые фигурки, изображавшие людей, животных, различные предметы, рассматривая которые, Артем без труда понял, что О-Брайн и его соплеменники издавна живут на дне этой горной котловины, пасут коз, разводят пчел, возделывают какие-то злаки и овощи и не поддерживают никакой связи с внешним миром, о чем более чем красноречиво свидетельствовали две резко перечеркнутые линии, которые провел О-Брайн над изображением котловины, сопроводив это н«' менее убедительным взглядом. После этого он пододвинул пластинку Артему и, вложив в его руку «карандаш», произнес короткое повелительное слово, которое могло означать лишь: «рисуй!»

Артем задумался. Задача была не из простых. Однако, собравшись с мыслями, он уверенно набросал скопление многоэтажных домов, снующие между ними автомобили, парящие в небе самолеты. Потом, стукнув себя в грудь, изобразил человека с книгой и карандашом в руках. Далее, продолжая указывать на себя, постарался нарисовать, как этот человек, спасаясь от дождя, забрался в гондолу аэростата, как аэростат неожиданно оторвался от земли, перенес его за многие сотни километров к горной котловине, и как он выскочил из нее, чтобы избежать неминуемой гибели.

О-Брайн внимательно следил за всем, что рисовал Артем, время от времени удовлетворенно кивая головой или, наоборот, изображая на лице недоумение, после чего Артем вносил в свои рисунки дополнительные детали.

Наконец О-Брайн стер все рисунки и, тряхнув головой в знак того, что все понял, протянул Артему обе руки, обращенные ладонями вверх. Это был, очевидно, жест полного доверия, и Артем также протянул руки О-Брайну, не скрывая самого искреннего расположения к этому суровому, видимо, очень мудрому и справедливому человеку.

А тот снова взял в руки «карандаш» и начал набрасывать новые рисунки, из которых нетрудно было понять, что никакого выхода из котловины нет, и потому О-Брайн приглашает Артема поселиться в его племени и заняться тем же, чем занимаются его соплеменники.

Остаться здесь навсегда? Похоронить все свои планы, надежды, мечты?! Сердце Артема сжалось в тоске. И О-Брайн, видимо, понял это, глаза его смягчились, он положил руку на плечо Артема и, слегка похлопав ею, сочувственно качнул головой, словно призывая покориться судьбе. Затем резко встал и произнес короткую повелительную фразу. Из-за спины его тотчас выступила молодая девушка.

Артем невольно вздрогнул: откуда так неожиданно появляются здесь люди? Но в следующую минуту эта мысль отодвинулась в сторону, уступив место живейшему интересу. Одежда юной незнакомки мало чем отличалась от костюма О-Брайна и его вчерашних спутников. Но даже бесчисленные складки пышного, свободно ниспадающего «хитона» из тонкой, почти прозрачной ткани не могли скрыть поразительно совершенных линий тонкой фигурки девушки, красиво изогнувшейся в приветственном полупоклоне и будто застывшей в этом стремительном движении. Лицо незнакомки не было столь совершенным. Черты его были, пожалуй, слишком крупноваты, рот излишне велик, скулы больше, чем следовало бы, выступали вперед. Но все искупали глаза: огромные, широко расставленные, цвета сургучной яшмы, они будто светились, подобно двум уголькам потухшего костра, внезапно вспыхнувшим на сильном ветру. А главное – лицо это

показалось Артему удивительно знакомым. Он будто уже видел его, видел совсем недавно... Но где? Когда?

И вдруг точно вихрь взметнулся в его памяти. Да это же она, таинственная горянка, которую запечатлел фотоаппарат Николая Ивановича. Но как она оказалась здесь, в ни кому не доступной котловине? Нет, этого не может быть Просто случайное совпадение. Мало ли встречается одинаковых лиц. Но если б только лицо! А волосы цвета вечернего александрита, а этот тонкий, просвечивающий «хитон», а эти огромные светящиеся глаза, каких нет, наверное, больше ни у кого на свете! Разве может быть столько случайных совпадений? И все же...

– Грей О-Стелли, – нарушил лихорадочный бег его мыслей О-Брайн, указывая на склонившуюся перед ним девушку, и, снова взяв в руки рисовальную дощечку, быстро набросал две фигурки: девичью, изображавшую безусловно О-Стелли, и мужскую, в которой Артем узнал себя. Причем девушка вела мужчину за собой, что-то указывая ему другой рукой.

Нетрудно было догадаться, что хотел сказать своим рисунком О-Брайн: О-Стелли предназначалась роль гида, наставницы или переводчицы Артема, о чем тот, естественно нимало не пожалел.

Впрочем, О-Брайн поспешил уточнить это, набросав еще несколько рисунков, из которых Артем понял, что О-Стел ли будет приходить сюда, в его шатер, два раза в день утром и вечером, и учить его языку жителей котловины поскольку сам О-Брайн сделать этого не сможет.

Закончив столь оригинальное «представление», О-Брайн коротко кивнул им обоим и, отойдя к стенке купола, на жал ногой на чуть заметное возвышение у края ковра и; шнура. Тотчас небольшой участок иола в форме круп пришел в движение, распался на множество сегментов которые будто побежали друг за другом и в стороны от центра, образовав довольно широкий круглый люк, ведущий в слабо освещенное подвальное помещение.

Артем, вставший вслед за своим хозяином, поспешил заглянуть в открывшееся подземелье, но О-Брайн уже шагнул в проем люка, и единственное, что удалось увидеть из-за его чуть сгорбившейся спины, была легкая деревянная лестница, наподобие той, какая привела Артема прошлым утром в пастушескую хижину на альпийских лугах.

И здесь подземное жилище? Или что-то вроде склада, кухни, подвала? Артем подошел ближе к люку, надеясь рассмотреть, что кроется там, под полом, когда широкий балахон спускающегося по лестнице О-Брайна перестанет закрывать от него вход в подземелье. Но стоило голове старика скрыться в люке, как тот мгновенно захлопнулся над ним, как закрывается сегментная диафрагма микроскопа.

«Повко! – с досадой подумал Артем. – Но теперь хоть понятно, откуда появились здесь мои хозяева».

Он снова вернулся к О-Стелли, склонив голову в знак того, что полностью отдается в ее распоряжение.

О-Стелли опустила в кресло, знаком пригласила Артема сделать то же самое. Несколько секунд прошло в молчании: девушка явно пыталась справиться с охватившим ее смущением, Артем решительно не знал, чем ей помочь.

Наконец она указала жестом на лежащую перед ней рисовальную дощечку и громко, по слогам произнесла:

– Олотоо.

Артем недоуменно пожал плечами.

– Олотоо! – снова сказала О-Стелли и выжидающе посмотрела на Артема.

– Олотоо, – повторил тот, догадавшись наконец, что кочет от него О-Стелли.

– Олотоо, уну! – ободряюще улыбнулась юная учительница и, подняв со стола пишущий стержень, так же отчетливо произнесла:

– Годоро.

Артем постарался запомнить и это слово. А раскрасневшаяся О-Стелли, поборов остатки смущения и войдя в роль заправского педагога, принялась быстрыми точными движениями набрасывать на олотоо различные предметы, произнося их названия на своем мелодичном, богатом гласными языке, и одобрительно кивая всякий раз, как Артем повторял вслед за ней новые необычно звучащие слова.

– Тонкито...– медленно, по слогам выговорил он вслед за О-Стелли, только что изобразившей на рисунке непритязательное одеяние, какое носили, по-видимому, все мужчины и женщины ее племени.

– Тонкито, уну! – улыбнулась О-Стелли. И вдруг нахмурилась. Снизу, из-под пола, послышался глухой шуршащий звук, вслед за этим люк раскрылся, и сквозь него, кряхтя и отдуваясь, выбралась пожилая женщина, грузная, седая, с дряблым, морщинистым лицом и тусклыми глазами. Встретив недовольно-вопрошающий взгляд О-Стелли, она поспешно поставила на стол большой заиндевевший сосуд с каким-то прохладительным напитком, затем собрала остатки завтрака на принесенный с собой деревянный поднос и, быстро произнеся несколько извиняющихся фраз, пошла обратно к люку.

– Саатало О-Горди,– указала на нее глазами О-Стелли и добавила что-то еще, но вспомнив, что Артем не понимает ее, поспешила набросать на олотоо серию фигур, сопровождая их выразительными жестами и мимикой, из чего стало ясно, что старушка будет выполнять обязанности горничной Артема, приносить ему еду, наводить порядок в шатре, выполнять всякого рода несложные поручения и заодно учить языку, поскольку сама О-Стелли слишком занята и потому сможет уделять Артему лишь очень немного времени.

Поняв это, последнее, Артем сразу приуныл, ибо одно дело – заниматься с молодой привлекательной девушкой и совсем другое – учить язык с дряхлой старухой. Но О-Стелли, видимо, сразу уловив перемену в его настроении, вдруг звонко рассмеялась и, решительно перечеркнув последнюю фигуру и пририсовав к ней ехидно ухмыляющуюся физиономию, весело произнесла:

– Ани! Ориерино!

– Ориерино? значит... шутка? – переспросил Артем, заглядывая в смеющиеся глаза девушки.

– Шутка, шутка! – с удовольствием подхватила О-Стелли первое услышанное ею русское слово.– Шутка уну! – она откинулась в кресле, так что лучи солнца, пронизавшие не слишком плотную ткань шатра, упали ей на грудь, и Артем ясно увидел просвечивающий сквозь легкую кисею тонкито небольшой красный шарик, подвешенный к тонкой серебряной или платиновой цепочке на шее девушки.

«Все-таки, она! – тотчас мелькнуло у него в голове.– Но если так...» – он придвинул к себе олотоо и, взяв из рук О-Стелли пишущий стерженек, поспешил нарисовать загадочную вещицу, изобразив на лице недвусмысленный вопрос.

– Си – рионато,– коротко ответила О-Стелли, нахмутив почему-то брови и торопясь прикрыть шарик ладошкой.

– Рионато? А что это такое, рионато? – развел руками Артем, всем своим видом показывая, что ему очень хотелось бы знать назначение непонятной вещицы.

Но О-Стелли нахмурилась еще больше и, протестуяще тряхнув головой, ограничилась короткой фразой, из которой без всякого перевода, по одному лишь тону, каким она была произнесена, стало ясно, что Артем коснулся чего-то абсолютно запретного, такого, о чем нельзя было даже поднимать разговор. Впрочем, сразу вслед за этим лицо девушки снова смягчилось, и она, как ни в чем не бывало, продолжила прерванный урок, время от времени подбадривая Артема самой благожелательной улыбкой.

Прошло чуть больше месяца. За это время стараниями О-Стелли Артем настолько освоил язык своих хозяев, что мог вполне прилично изъясняться с ними в пределах обычной

бытовой тематики. Но самым удивительным было то, что еще прежде О-Стелли, обладающая феноменальной памятью и сразу потребовавшая, чтобы и Артем называл все вещи и понятия, которых они касались, на своем языке, почти в совершенстве овладела русской лексикой и даже предпочитала разговаривать с Артемом не иначе как по-русски. Поэтому Артем очень скоро понял, что О-Стелли не случайно было поручено столь деликатное дело, как обучение чужестранца языку эрхорниотов, как называли себя жители котловины. Она оказалась внучкой О-Брайна, а сам О-Брайн – кем-то вроде верховного вождя или патриарха этого племени.

Многое узнал Артем и о жизни горцев-отшельников. Племя эрхорниотов насчитывало около трехсот человек мужчин, женщин и детей, и жило как одна большая семья, со всеми особенностями чисто семейного патриархального уклада. Впрочем, в укладе этом, многих обычаях, привычках, традициях, всем образе жизни эрхорниотов было столько странного, необычного, непонятного, что Артем до сих пор терялся в догадках, стараясь объяснить себе возникновение столь удивительной человеческой общины. И самым непонятным был страх, панический, все пронизывающий страх этих людей перед открытым пространством: чистым небом, широким амфитеатром котловины, вершинами далеких горных цепей, всем большим миром, лежащим за горами.

Оказалось, что те шатры, с которых началось знакомство Артема с племенем О-Брайна, были всего лишь чем-то вроде временных дачных домиков, основные же производственные и жилые помещения находились под землей, будучи связанными целой системой ходов сообщения. Там, под землей, и проводили большую часть времени все эрхорниоты. Там они ели, спали, работали: пряли и ткали козью шерсть, резали посуду и прочую утварь, делали из молока и меда всевозможные яства и напитки. И надо сказать, в этом отношении женщины-эрхорниотки достигли высочайшего мастерства: не менее трех десятков молочных изделий, одно вкуснее другого, успел перепробовать Артем, и этим, по-видимому, не исчерпывался ассортимент здешних кулинаров. Впрочем, не меньшего совершенства достигли и мужчины – резчики по дереву: искусные изделия их рук могли бы составить конкуренцию лучшим коллекциям этнографических музеев мира.

Там, под землей, эрхорниоты и отдыхали, если можно назвать отдыхом кратковременные посиделки, между работой и сном, на которых мужчины большей частью молчали или перебрасывались малозначительными фразами, а женщины делились своими кулинарными рецептами да сетовали на бытовую неустроенность.

И ни шутки, ни смеха, ни веселых возгласов. Всегда и везде – лишь поникшие головы, безвольно опущенные руки, пустые потухшие глаза. Даже дети их напоминали маленьких затравленных зверьков.

Да и что могло бы развлечь их, если не знали они ни музыки, ни живописи, ни литературы, если не было у них ни религии, ни даже примитивных суеверий, если не умели они ни петь, ни танцевать, не могли полюбоваться даже картинами живой природы, обреченные на вечный мрак подземных катакомб.

Там, под землей, они рождались, становились взрослыми, заводили семьи, воспитывали детей, старились и умирали, выходя на поверхность лишь в случае крайней необходимости. Даже в летних шатрах, замаскированных под заросли кустарников, редко кто оставался дольше, чем на сутки. Для пастухов же, пасших коз в альпийских лугах, на склонах котловины, были оборудованы специальные подземные наблюдательные пункты, снабженные неким подобием перископов, через которые можно было наблюдать за животными. Такие же «убежища» располагались на полях и огородах. Работающие там женщины и дети словно только и ждали нападения с воздуха.

Почему бы это? Откуда такой страх? И как случилось, что целое племя неглупых, старательных, по-своему талантливых людей оказалось лишенным всех атрибутов человеческой культуры?

О-Стелли не могла или не хотела объяснить этого, как не могла или не хотела объяснить и того, откуда и как пришли сюда эрхорниоты, где была их прародина.

Во всяком случае, на дикарей они были не похожи. Более того, некоторые особенности их быта заставляли предположить, что это отголосок какой-то очень высокоразвитой цивилизации. Правда, кое-что из того, что особенно поразило Артема на первых порах, объяснилось очень просто. Так, непонятные таинственные светильники оказались всего лишь искусными перископными системами, подающими под землю обычный дневной свет. Однако многое не получило абсолютно никакого объяснения. Хотя бы те же зеркала в перископах: изготовить их было весьма не просто. Но больше всего поражал воображение сам подземный «город». Это был не просто лабиринт хаотически разбросанных землянок, соединенных примитивными переходами. Это была строго спланированная система первоклассных тоннелей, больших подземных холлов, просторных складских и производственных помещений.

Правда, большая часть подземных сооружений особенно индивидуальных жилищ эрхорниотов и некоторых мелких мастерских пришла в сильное запустение: стены и потолки их, забранные сосновым кругляком, настолько обветшали, что сквозь них сыпалась земля, полы, еле прикрывали дырявыми, полустертыми шкурами, были черны от грязи и пыли, старая деревянная мебель потрескалась, покосилась, готова была рассыпаться от одного хорошего удара.

Однако магистральные тоннели и места общего пользования находились в отличном состоянии. Да в этом и не было ничего удивительного. Стены всех тоннелей, имевших форму идеальных цилиндров абсолютно одинакового диаметра, были облицованы каким-то поразительно прочным материалом. На всем их протяжении даже при самом придирчивом осмотре нельзя было заметить ни единой трещинки, ни одной капли просачивающихся грунтовых вод. Воздух в них был сухим и чистым, температура ни днем, ни ночью, похоже, не менялась даже на доли градусов, что могло обеспечиваться лишь какой-то исключительно совершенной системой вентиляции. И это не только в центральных магистралях, проложенных в пределах самого «города». Такие же тоннели вели и к пастушеским кордонам на альпийских лугах и к огородно-полевым зонам, расположенным по берегам озера. И всюду они сообщались с земной поверхностью совершенно одинаковыми автоматическими люками, которые казались Артему вершиной технического совершенства: настолько быстро, легко и надежно открывали и закрывали они вход в подземные помещения эрхорниотов, стоило лишь нажать ногой или рукой приводящий их в действие рычаг.

И наряду со всем этим – шаткие деревянные лестницы, ведущие к люкам, грязь и неимоверная захламленность всех тоннелей, жалкие чаши с жиром, освещающие «город» в ночное время, полное отсутствие каких бы то ни было объектов чисто эстетического назначения в местах общего пользования. Трудно было понять также, какую роль в жизни эрхорниотов играют металлические изделия и инструменты. Все, что было связано с ними, окружала какая-то тайна. Вначале Артему подумалось, что эрхорниоты вообще не знают металла. Но потом оказалось, что металлические изделия у них все-таки есть. Немного, но есть. Металлические детали он заметил в тех же сегментах люков. Металлическими ножами мужчины резали посуду и другие предметы утвари. И происхождение этих ножей, очень острых, сделанных из какого-то особого сплава, также не смогла или не захотела объяснить О-Стелли, не говоря уже о ее таинственном рионате, несомненно изготовленном из какого-то экзотического красноватого металла на который вообще было наложено абсолютное табу.

Словом, загадочного и непонятного оставалось немало, хоть Артему и была предоставлена полная свобода действий: он мог ходить всюду, где захочет, и говорить со всеми, с кем пожелает. Но было бы слишком непорядочным заводить разговор о том, что составляло почему-то тайн эрхорниотов, к тому же все они были большими молчунами и потому, несмотря на то, что большинство из них относилось к Артему вполне доброжелательно, откровенного разговора с ними не получалось.

Исключение составляла лишь Саатало О-Горди, тетушка О-Горди, как называли ее взрослые и дети. Она навещалась к Артему по нескольку раз в день. Но старалась не задерживаться у него в шатре и не вступать здесь в какие посторонние разговоры.

Зато в своем собственном жилище, под землей, старая горничная будто преображалась. Здесь она с утра до вечера не поднималась от такого же дряхлого, как она сама, сооружения, играющего роль ткацкого станка, и, если было с кем поговорить, то не умолкала ни на минуту. Артем был здесь самым желанным гостем. Старушка всякий раз встречала его с особым радушием, сажала на свою мягкую, с периной из козьего пуха, постель, обязательноставляла какое-нибудь одной ей известное угощение и, не переставая работать, принималась рассказывать о своей долгой нелегкой жизни. Именно она посвятила Артема во многие подробности жизненного уклада своих соплеменников, особенно чисто бытовых, не вполне эстетичных, каких О-Стелли предпочитала не касаться.

Артем любил сидеть в ее крохотной теплой комнатушке, смотреть, как сухонькие старческие руки проворно протаскивают сквозь сетку натянутых нитей катушку с челноком и слушать ее простую неторопливую речь. От нее он и узнал, что О-Стелли приходится внучкой О-Брайна. От нее узнал и о том, что готовится свадьба ее с самым красивым, самым ловким, самым смелым молодым эрхорниотом Фратом О-Геймом, и о том, что именно он, О-Гейм, скорее всего сменит дряхлеющего О-Брайна, хотя она, О-Горди, этого и не одобряет.

– Ну да ведь все в руках О-Брайна. Как он захочет, так и будет, – смиренно закончила старушка, еще ниже склоняясь над станком.

– А если народ не захочет? – подал голос Артем.

– Как это не захочет? – О-Брайн – старшой, Мудрейший из Мудрейших, все равно, что отец над всеми. И потом... Только он, он один знает Великий завет.

– Это что за Завет такой? – наострил уши Артем.

– Вот этого я тебе не скажу. Мудреное что-то, не нашего ума дело. Никто ничего о нем не знает. А без него бы нам не жить...

– Так, может, этот Завет и заставляет вас прятаться под землей?

– Может, и так. Ведь это там, в Великом завете, говорят, сказано о большом море, что придет из-за гор.

– Каком море? – насторожился Артем.

– Кто его знает. Мор он мор и есть. А как от него спастись, только старшой знает. Потому все, что О-Брайн ни скажет, так оно и делается. Так и Завет повелевает.

– Интересно... А до него, О-Брайна, кто был за старшего?

– До О-Брайна был старец О-Дрейс. Я его хорошо помню. Добрый был старик. Тот сменил О-Глодья. А до О-Глодья правил О-Норр. Так тот этот Завет чуть ли не от самого О-Стрема получил.

– О-Стрем?... Это еще кто такой?

– Как кто? Это прапредок наш. От него и пошел весь род эрхорниотов.

– Но откуда и как появился этот О-Стрем в котловине?

– Всякое говорят. Но доподлинно только О-Брайн об этом и знает, да, может, еще О-Стелли. Очень он доверяет своей внучке. О-Тейма они, конечно, во все это еще не посвятили. Рано! Хоть и числится он в этом, как его... Орио.

– Орио? А это что такое?

– Орио... Ну, значит, те трое, кому все должны подчиняться. Только опять скажу: рано, больно рано быть О-Гейму в Орио. Да ведь куда денешься – жених! Не будь он женихом О-Стелли, О-Брайн и не подумал бы наречь его своим преемником: мало ума нажил. А О-Стелли умна. Ох, умна! Вот бы кого за старшого. Да нельзя: не женское это дело. Только, скажу я тебе, не больно О-Гейму, ее будущему мужу, позавидуешь: характер у девчонки – камень!

Она чуть помолчала, ловко связала порвавшуюся нить, ласково, по-матерински взглянула на Артема:

– А ты не присмотрел еще кого-нибудь себе по сердцу?

– Что ты, тетушка О-Горди! – смутился Артем, застигнутый врасплох столь неожиданным вопросом. – Я еще и говорить-то по-вашему как следует не научился.

– И-и – велика беда! Много ль надо слов между мужем и женой. Главное, чтоб нравились друг другу. А ты мужчина видный, не чета здешним женихам. Наши девчонки, я слышала, только о тебе и шепчутся.

– Ты скажешь, тетушка О-Горди! – еще больше смутился Артем.

– Говорю, что знаю! – строго возразила старушка. – Скоро вот праздник Длинного дня. На нем исстари женихи невест присматривают. Смотри и ты. Чего тянуть? Одному жить – только горе мыкать. – Она тяжело вздохнула, вытерла тряпочкой слезящиеся глаза.

На минуту воцарилось молчание, нарушаемое лишь стуком тяжелого челнока и хриплым астматическим дыханием старого человека, и Артем хотел уже встать и уйти. Но тетушка О-Горди остановила его движением руки и, тряхнув головой, словно отгоняя непрошенные мысли, вновь заговорила тихим глуховатым голосом:

– И как бы я порадовалась, видя, что ты нашел здесь, у нас, свое счастье. А может быть, успела бы еще и твоих деток понынчить...

– Тетушка О-Горди, – перебил ее Артем, – а почему ты всегда одна? У тебя разве не было мужа, детей, внуков?

Она снова вздохнула:

– Как не быть. Были у меня и муж и детки. Да не довелось им дожить до старости. Страшная болезнь напала на нас в одну из зим. Много эрхорниотов ушло тогда из жизни. Из всей моей семьи одна я и выжила. Тогда же умерли и родители О-Стелли. Осталась она крохотным младенцем на руках О-Брайна. Вот он и предложил мне заменить ей мать. Я своего младшенького-то еще грудью кормила, после его смерти молочко подсохнуть не успело. Как было не взять бедную малютку. Она мне всех деток заменила. Выходила я ее, вынянчила. Она и теперь как дочь. Только редко навещает меня теперь. А уж если замуж выйдет... Ну да ведь каждому свое...

Так вот говорили они часами, и все это время Артем не отрывал глаз от быстрых рук старушки, проворно орудующих челноком. Туда – сюда, туда – сюда. Сколько же таких движений сделала она за свою долгую жизнь? И сколько еще предстоит их сделать слабеющим день ото дня рукам? Но ведь можно как-то помочь старой женщине, усовершенствовать эту допотоптную колымагу. Сделать, скажем, несложный привод, вроде тех, что стоят на ножных швейных машинках, подсоединить два шарнирных рычага...

Мысль о том, как помочь доброй тетушке О-Горди все больше захватывала Артема. Вечерами он брал олоото и, вспомнив годы своего слесариичанья, чертил все новые и новые варианты «механического» станка, пока не остановился на самом простом и удобном для изготовления.

Тогда он обратился к своей наставнице:

– О-Стелли, помоги мне получить металлический нож.

– Тебе нож? – удивилась девушка. – Зачем?

– Я хочу попробовать усовершенствовать станок О-Горди. Ей трудно уже справляться с тяжелым челноком.

– Но все наши старые женщины ткут или прядут. Так было всегда.

– И плохо, что так было всегда! – возразил Артем. – Разве они не заслужили хотя бы маленького облегчения своим рукам.

О-Стелли смерила его долгим изучающим взглядом:

– Ты прав, наверное, но... Что ты собираешься смастерить, что-то вроде тех ваших машин, о которых рассказывал недавно?

– Нет, таких машин здесь не сделать. Они почти полностью заменяют человека, потому что используют другую, не человеческую силу, а силу ветра, пара, падающей воды. Я же хотел бы лишь немного облегчить работу ткачих, чуточку освободить их руки.

– Освободить их руки? А скажи, там, у вас, эти ваши машины могут сделать такую ткань, как эта? – она прикоснулась к складкам своего воздушного тонкито.

– Нет, не могут, – честно признался Артем. – Я вообще никогда не видел такой ткани, если не считать... Да, я никогда не видел ничего подобного, – поспешил он замять нечаянно вырвавшиеся слова.

– Но ты сказал: «если не считать...» – не дала ему вывернуться О-Стелли. – Если не считать чего?

Вот положение! Не рассказывать же ей о фотографии, которую он видел у Николая Ивановича. Ведь если фотокамера запечатлела там, на обледенелом уступе ее, О-Стелли – а он все больше склонялся к этой мысли – то это еще одна из тайн, окружающих жизнь эрхорниотов. И едва ли разумно раньше времени показывать, что он, хоть и ненамеренно, прикоснулся к этой тайне.

– Если не считать одежды древнеегипетских цариц, которую я видел на рисунках, – нашелся наконец Артем.

– Вот оно что! Да, помнится, ты как-то говорил об этом. А знаешь, почему так тонка и невесома эта ткань? Почему все мое тонкито можно сжать в кулачке?

– Видимо, она сделана из очень тонкой пряжи. Я читал, что прядильщики того времени, о котором я тебе рассказывал, могли вручную вытянуть из крохотной щепотки шерсти весом вот в этот кругляшок, – подбросил Артем на ладони случайно оказавшуюся у него в кармане копеечную монету, – нить длиной чуть ли не в поперечник верхнего обвода вашей котловины. И ценилась такая пряжа выше самых редких драгоценностей...

– Что тут удивительного? – перебила его О-Стелли. – Точно такую же пряжу могут изготовить и самые искусные из наших мастериц. Нити, которые они вытягивают одним им известным способом из специально обработанной шерсти, едва различимы самым острым глазом. Но сделать это могут только человеческие руки. А ты собираешься заменить их какой-то машиной.

– Такие руки не заменишь никакой машиной, кто будет с этим спорить. Только какой срок понадобился на изготовление ткани, из которой сделано твое тонкито?

– Над изготовлением ее работало несколько мастериц. И ушло на это больше года.

– Так я и думал. Но речь идет о другом. Мастериц столь высокого класса, наверное, не так много. И тонкито, подобного этому, не носит ни один другой эрхорниот. Большинство из них ходят в одежде из грубой ткани. Изготовление ее я и хотел бы сделать более легким и быстрым. А нужда в этом, похоже, есть. Многие ваши мужчины совсем пообносились. Почему не попробовать ускорить труд ткачих?

– Что же, попробуй, я не возражаю. Только... У нас очень мало ножей. Все они в мастерской у резчиков посуды. И никто не вправе выносить их оттуда.

– Зачем выносить? Я могу работать и в мастерской, там даже удобнее. Только мне понадобится еще какой-нибудь ненужный ткацкий станок.

– Хорошо, я скажу О-Брайну, он все сделает.

– Спасибо, О-Стелли, – сказал Артем, мысленно прикидывая, с чего начать работу над будущим станком. Он знал, что юная эрхорниотка слов на ветер не бросает, а старый О-Брайн ни в чем не перечит своей любимице.

Действительно, уже на следующее утро ему предоставили все необходимое, и он, не теряя времени, приступил к работе. Теперь он проводил в мастерской все свободное от занятий с О-Стелли время. Но дело продвигалось медленно. Не было навыка к делам подобного рода, не было нужного инструмента: много ли сделаешь одним ножом.

Пожилые резчики добродушно посмеивались над его затеей. Зато молодые мастера с самого начала заинтересовались необычным замыслом и постепенно начали помогать

Артему: подбирали необходимые сорта дерева, вырезали по его чертежам детали, скрепляли их одним им известным способом.

Впрочем, со временем и старики увлеклись новым делом. Особенно один из них, дядюшка О-Гримм. Сначала он долго присматривался к Артему и его детищу, то одобрительно прищелкивая языком, то с сомнением покачивая головой. А однажды вечером, когда они остались одни, вынул из своего верстака несколько собственных олоотоо и положил их перед Артемом:

– А если так, сынок?

– Сделать не один, а два челнока?

– Конечно. Двойной выигрыш времени получится и ход каретки будет ровнее.

Артем внимательно просмотрел все эскизы О-Гримма, хлопнул его по плечу:

– Здорово, дядюшка О-Гримм. Я бы никогда до этого не додумался.

– Две головы всегда лучше одной, – довольно хмыкнул старик. – А я вот давно присматриваюсь к тебе. Хороший ты вроде человек. Совсем не такой, как мы привыкли думать о тех, кто за горами, в большом инее. Только сторонись больно простых людей. А зря! Зашел бы как-нибудь после работы. Сдается мне, нам есть о чем потолковать.

– Я с удовольствием, дядюшка О-Гримм. Хоть сегодня, прямо сейчас.

– А что, пойдем, обрадуем мою старушку. Она гостей любит. И угостить найдет чем.

– Покажешь свои подземные хоромы?

– Не-е-ет! Я не в пример другим все лето в шатре живу. Люблю воздух, солнце, звезды. Люблю слушать по

-вечерам, как шумит прибой. Я ведь в молодости пастушил в лугах. Да и теперь нет-нет да и выберусь туда к своим сыновьям. Двое их у меня. И так же, как я, не засиживаются под землей. Хоть и косятся на них за это старики. А живем мы со старухой почти рядом с тобой, на соседнем острове. Только мостик там недавно убрали. Видно, специально, чтобы мы дольше не познакомились.

– А кому это надо?

– Есть тут такие. Потом сам поймешь.

Впрочем, многое Артем понял уже в этот вечер, когда после сытного ужина О-Гримм вывел его из шатра и, усадив прямо на траву под огромным звездным небом, начал неспешный разговор:

– Ты рассказал бы мне о том большом мире, откуда прибыл. Я понимаю, на это целого хода луны не хватит, Но хоть самое основное.

Артем с минуту подумал:

– Ну, слушай.

– ...Та-а-ак, – протянул в задумчивости О-Гримм, когда Артем закончил свой рассказ. – Все это, конечно, не так страшно, как нам внушают, загоняя под землю. Но... Если и дальше будет продолжаться эта ваша «конфронтация» и «гонка вооружений», то, как знать... может, и справедлив наш Великий завет...

– А что за Завет? Чей он? Тетушка О-Горди как-то упоминала мне о нем. Но объяснить толком так и не смогла.

– Думаешь, я смогу. Или кто-то другой из нас, простых эрхорниотов. Мы знаем только, что сказано в нем, в этом Завете, будто придет из-за гор, из вашего большого мира какое-то смертоносное облако, и спастись от него можно только под землей. Все наши Мудрейшие, весь Орио только об этом и твердят.

– Вот оно что! А кто эти Мудрейшие, что за Орио?

– Эге, сколько вопросов сразу! Но долг платежом красен. Расскажу и я тебе, что знаю. Завет этот оставил нам наш прапредок Дьерть О-Стрем. Но кто он, откуда прибыл, не знает никто. В самом Завете, может, и сказано об этом.

Да никто из нас самого Завета не видел, а если бы и увидел, то ничего в нем не понял. Он предназначен только для трех человек, стоящих во главе общины. Это и есть Орио. Мы их зовем Мудрейшими. Сейчас это О-Брайн, О-Стелли и О-Гейм. В Завете, наверное, сказано

и о том, как должен формироваться Орио, как распределяются в нем обязанности. Но об этом опять-таки никто ничего не знает. И на деле вся власть принадлежит главе Орио, Мудрейшему из Мудрейших. Мудрейший из Мудрейших сам назначает двух других членов Орио, как правило, из своих родственников или родственников других Мудрейших. И одного из них нарекает своим преемником. Видишь, какой круг получается! Никто из нас, простых членов общины не может и мечтать попасть в члены Орио. Более того, мы вообще ничего о них не знаем. Не знаем, что едят и пьют Мудрейшие, чем они занимаются, как проводят свободное время, не знаем даже, где и как живут О-Брайн и его помощники. Вход в жилые помещения членов Орио строжайше запрещен для всех. Он и открывается только перед Мудрейшими по какому-то лишь им известному знаку. Старый О-Гримм с минуту помолчал, глядя на черное, усеянное звездами небо, затем провел ладонью по лицу, словно снимая какую-то невидимую пелену, и снова обратился к Артему печальные, слабо светящиеся во тьме глаза:

– Мне иной раз кажется, что это совсем другие люди, живущие какой-то другой, абсолютно не похожей на нашу, жизнью. Я уверен, что они и думают и чувствуют не так, как мы; совсем по-иному, по-своему, смотрят на окружающий мир; и уж, конечно, никогда не смогут понять все горести и заботы простого эрхорниота. А ведь живется нам нелегко, Артем. Работаем мы много, питаемся плохо, не меньше половины из нас мучаются каким-нибудь лютым недугом, многие имеют едва ли не одну смену одежды. Мудрейшие, мне кажется, стараются скрыть это от тебя, окружили тебя роскошью и довольством. А ты загляни в жилища обитателей подземного «города», особенно одиноких женщин.

– Я заходил к трем-четырем из них. Ты прав: всюду убожество, грязь, запустение.

– Да, грязь и запустение. Но разве это их вина? Они вынуждены прямо-таки разрываться между кухонным очагом, прялкой и огородом. А надо еще и растить детей, кормить их, одевать, с пеленок приучать к работе. Каково все это без мужчины в доме!

– Но как же дети... без мужчины в доме? – решил уточнить Артем.

– Э-э, как тебе объяснить... Издавна почему-то сложилось так, что в нашей общине больше женщин, чем мужчин, И рождаются почему-то больше девочки. А умирают дети... Страшно подумать, как часто умирают у нас дети! И вот Мудрейший из Мудрейших обязывает – понимаешь, обязывает! – каждую взрослую женщину иметь хотя бы одного ребенка. Говорят, это предусмотрено Великим заветом. Может, так и надо: община в самом деле тает на глазах; а мужчин действительно становится все меньше и меньше! Да и не велика хитрость – завести ребенка. А как вырастить его? Но это уж мудрейших точно не касается. Они словно нарочно закрывают глаза на все наши беды. Я не знаю, что они делают там, в своих секретных апартаментах. Но, бывает, мы помногу дней подряд не видим их здесь, в городе. А уж чтобы посетить какую-нибудь мастерскую, выйти в поле, заглянуть в жилище бедной женщины – такого вообще надо ждать годами. Единственно куда они хаживают более или менее регулярно, это пастушеские кордоны в лугах. Но для чего? Боюсь, только ради своего удовольствия. Плохо ли подышать иногда горным воздухом, попить свежего борджо! Словом, мы почти не встречаемся с Мудрейшими.

– Странно... Но ведь для того, чтобы осуществлять власть над всеми без исключения сторонами вашей жизни...

– Ясно, что ты хочешь сказать. Так Мудрейшие недаром называли себя Мудрейшими. Сами они ни словом ни жестом не вмешиваются в нашу жизнь, а властвуют над нами через целую свору своих холоуев: надсмотрщиков, соглядатаев, прислужников. Вот оно – самое большое зло общины! Вот кто делает нашу жизнь невыносимой! Злые, ленивые, завистливые, эти выродки готовы каждого из нас продать за лишний кусок пищи, за лишнюю чашку борджо. А для Мудрейших они самые дорогие люди. Не будет же О-Брайн сам следить, кто сколько работает, не будет сам готовить себе пищу. А главное – на них держится вся его власть. Но доступ в личные апартаменты Мудрейших закрыт и для этих холоуев. Да и то сказать, надо быть круглым дураком, чтобы доверять таким

продажным тварям. А уж чего-чего, а ума у О-Брайна достаточно. Против него лично я вообще ничего бы не сказал. Кто-то дол жен быть главой всех. А О-Брайн, честно говоря, справедливо правит общиной. Только вот... Сдается мне, не всегда он делает, что считает нужным, кто-то верховодит им не дает поступать, как ему хочется.

– Кто же мажет указывать старейшине? – удивился Артем.

– Не знаю. Это уж не нашего ума дело: кто командует Мудрейшим из Мудрейших, кто следит за ним. А только говорят, иной раз он и с О-Стелли шепотком беседует.

Да и сам я не раз замечал, не сладко ему порой приходится. Особенно когда он задумает потрафить в чем-нибудь нам, простым эрхорниотам. Поэтому народ любит его. И О-Стелли мы все любим. Но вот О-Гейм... Прямо скажу, препакостный это человек. Чем он прельстил О-Брайна, ума не приложу. Неужели только тем, что отец этого выскочки тоже был когда-то Мудрейшим? Так ведь тот, и помню, за всю жизнь ни одного эрхорниота не обидел, этот... Но вот, поди ж ты, приблизил его О-Брайн, назвал своим преемником, собирается даже О-Стелли отдать ему в жены. Видишь, как оборачивается дело. Я к чему все это говорю? А к тому, чтобы ты знал, что О-Гейм ненавидит тебя и пойдет на все, что бы отравить твою жизнь.

– Ненавидит меня?! Но почему?

– Потому, что ты умнее его, добрее его, не станешь гнуть перед ним спину. Потому, что тебе покровительствует сам О-Брайн, симпатизирует О-Стелли...

– Ну, для О-Стелли я всего лишь...

– Кто ты для О-Стелли, – возразил О-Гримм, – знает только она сама. Но будь я на ее месте, я крепко подумал бы, прежде чем окончательно решить, кому вручить свою судьбу. И это тоже не может не учитывать О-Гейм. Но главное... Главное, – что к тебе благоволит наш народ. И чем больше он проявляет к тебе интерес, тем больше злобствует О-Гейм. Я не сомневаюсь, что это он приказал убрать мостик между нашими островами. Он ведь и меня и не терпит.

– Ты-то чем не угодил ему?

– А тем, что рассуждаю много, много знать хочу, не верю слепо тому, что говорят Мудрейшие. Таких они не любят. О-Гейм особенно.

– Но что он может сделать нам с тобой?

– Сейчас-то, конечно, мало, что в его власти. Такую вот только пакость, как мост убрать, он и может провернуть. Но если уйдет из жизни О-Брайн, а О-Стелли станет женой О-Гейма, то трудненько станет нам с тобой. Да не только нам – всем эрхорниотам. Ведь по нашим традициям жена ни в чем не может перечить мужу. И если сейчас О-Гейм слово боится сказать О-Стелли, то что будет потом? Вот о чем болит моя душа. Ну да мы еще потолкуем с тобой об том. А со станком ты здорово придумал! Помочь надо нашим женщинам.

С этого вечера дела в мастерской пошли веселее. Не было мастера, который бы советом или делом не помогал в работе над станком. И вот настал день, когда деревянный маховик привода пришел в движение, челноки сдвинулись с места и устремились навстречу друг другу, станок ожил и, постукивая всеми своими сочленениями, начал набирать обороты. Сдержанный гул одобрения пронесся по помещению мае терской, где не привыкли вслух выражать своих эмоций. Но не прошло и десяти минут, как сюда сбежались все, кто работал или жил поблизости. Обрадованные ткачихи, особенно молодые женщины, обнимали Артема, говорили ему какие-то ласковые слова, наперебой приглашали к себе в гости.

И только О-Стелли, пришедшая вместе с О-Геймом, снисходительно улыбнувшись, заметила:

– Неплохо, конечно, но к звездам на этой машине не улетишь.

А ее будущий супруг разразился грубым смехом и, презрительно плюнув в сторону станка, поспешил вывести свою невесту из переполненной людьми мастерской.

«Симпатизирующая мне О-Стелли...» – не без горечи вспомнил Артем недавний разговор с О-Гриммом. Он сделал вид, что ничего не видел и не слышал. Но вся радость почему-то сразу померкла. Шепнув О-Гримму, что у нег разболелась голова, он начал пробираться к выходу и вдруг глаза его встретились с глазами тетушки О-Горди. Она стояла в сторонке, опершись на старый верстак, и по худым морщинистым щекам ее катились слезы.

– Тетушка О-Горди! – Артем протиснулся к ней и взяв за сухонькие натруженные руки, поцеловал в пергаментно-желтую щеку. – Тетушка О-Горди, это для тебя!

Старушка тихо всхлипнула:

– Спасибо, сынок. Спасибо, дорогой! Как бы я хотела чтобы ты нашел свое счастье... – она прижалась трясущиеся головой к его груди и шепнула что-то еще, ласковое и теплое. Но Артем не расслышал что. По мастерской снова пронесся гул возбужденных голосов, и вмиг смолкло. Артем в недоумении обернулся – в мастерскую вошел О-Брайн. Он долго смотрел на работающий станок, потом подошел к Артему и сказал:

– Я рад, что ты нашел свое место в нашей дружной деловой семье. Мы все благодарим тебя и хотим, что наш дом стал и твоим домом. И еще – Слово Мудрейшего из Мудрейших: отныне и до следующего Слова половин резчиков мастерской будет заниматься только изготовлением таких станков. Старшим среди них назначаю О-Гримм. Это была победа! Все стало ясно, что слово О-Брайна означало не просто признание полезности построенной машины. В нем прозвучало намерение Мудрейшего из Мудрейших изменить само отношение к издавна сложившимся нормам труда и быта эрхорниотов. А ведь именно этого и хотел добиться Артем, берясь за работу над своим станком.

И тем не менее к себе в шатер он возвращался в самом дурном расположении духа. Колкое замечание О-Стелли больно хлестнуло по его самолюбию. До сих пор он встречал с ее стороны лишь неизменное внимание и готов был поверить О-Гримму, что если она и не симпатизирует тому, то, по крайней мере, испытывает самое искреннее расположение. Реплика в мастерской была тем более неожиданной, что всего лишь за день до этого О-Стелли сама подробно расспрашивала его о том, как идет работа над станком, попросила даже показать его в действии. И вдруг такое...

Чем же объяснить этот насмешливый сарказм? Желанием покрасоваться перед женихом? Стремлением подчеркнуть свое собственное превосходство над ним, Артемом? Или просто испорченным кем-то настроением?

Поднявшись в шатер, Артем сел к столу и придвинул к себе пачку олоото, на которых с месяц назад начал вести краткий дневник, занося туда наиболее важные события своей новой жизни.

Но что это? Все без исключения олоото были абсолютно чистыми! Кто-то либо выкрал исписанные им пластинки, заменив их новыми, либо тщательно стер написанное. А чтобы не осталось никаких сомнений в том, что здесь похозяйничал посторонний человек, на верхнем олоото красовался более чем выразительный автограф: наспех набросанное изображение трех длинных скрещенных ножей на фоне пронзающей тучу молнии.

Незачем быть хорошим криптологом, чтобы понять, что означал грозный рисунок. Кто-то недвусмысленно предупреждал Артема, что никаких записей здесь делать нельзя. Но кто: О-Брайн, О-Стелли, О-Гейм?

О-Брайна, пожалуй, следовало исключить: слишком не вязалось это с тем, что он только что сказал в мастерской. Незачем было идти на такую низость и О-Стелли: она могла просто сказать обо всем Артему. Тем более, что он и не скрывал от нее своих записей. Значит, О-Гейм? Одно предположение, что этот несимпатичный человек мог в любое время заходить к нему в жилище, рыться в его вещах, вызвало в Артеме чувство беспредельного негодования. Как можно быть столь непорядочным и неразборчивым в средствах? И это будущий муж О-Стелли!

В памяти снова всплыла вся унижительная сцена их визита в мастерскую. Сколько презрительного высокомерия было написано на лицах обоих. Но с какой стати? Если

когда-то эрхорниоты и были носителями высокой цивилизации, то теперь... Что стоит одна нищета, о которой рассказывал ему О-Гримм! А эта грязь и запустение во всем городе!

«Нет, дорогая О-Стелли,— без конца повторял он, ворочаясь без сна на узкой жесткой кушетке,— гордиться вам абсолютно нечем. Вы растеряли все, что оставили вам в наследство ушедшие поколения. Вы низвели народ до положения рабов, привели общину на грань вымирания. И я так прямо в глаза и скажу все это!»

Однако наутро О-Стелли вошла к нему с обычной приветливой улыбкой, заговорила, как всегда, в самых теплых дружеских тонах, и единственное, что он позволил высказать из всего приготовленного бессонной ночью, был осторожно заданный вопрос:

— Скажи, О-Стелли, почему ты и другие Мудрейшие, мирятся с такой грязью и захламленностью подземных помещений. Ведь эти груды старых вещей, обломки мебели, обрывки одежды не только портят вид, но и мешают ходить по тоннелям.

— Ну, это тебе кажется. Тоннели легко проходимы.

— Но это некрасиво! Не радует глаз, не создает хорошего настроения. Ведь вот здесь, в моем шатре... Все чисто, уютно, приятно смотреть. А спустись вниз, пройдишь по тоннелям, особенно боковым переходам. Я уж не говорю о жилищах одиноких женщин...

— Жилища одиноких женщин?! — насторожилась О-Стелли.— А что тебя вдруг заинтересовали жилища одиноких женщин?

— Мне интересно все. Бея жизнь вашей общины.

— Я понимаю. Но жилища одиноких женщин... Они что, приглашают тебя в гости?

— Нет, такой чести я до вчерашнего дня не удостоивался. Просто довелось случайно заглянуть в две-три землянки. Вход в них, как ты знаешь, не всегда бывает даже задернут шкурами. А вот вчера в мастерской несколько молодых ткачих, действительно, пригласили меня в гости. Я был тронут.

— Еще бы! И не преминешь воспользоваться этим приглашением? — В голосе О-Стелли прозвучали непривычно-тревожные нотки.

— Не знаю. А что, у вас не принято это?

— Напротив, у нас принято это,— ответила О-Стелли с особым ударением на двух последних словах.— Но я по-лпгала, что ты...

^ — Что, я?

— Нет, ничего...— почему-то смутилась О-Стелли.— Ты нолей, конечно, поступать, как знаешь. Но... Мы заговорили о захламленности тоннелей,— поспешила она переменить разговор.— Так было, насколько я помню, всегда. Однако ты хочешь, кажется, предложить что-то новое?

— Не столько новое, сколько необходимое. Я предложил бы для начала освободить на один-два дня всех мужчин и женщин от любой другой работы и заставить их вычистить весь город: все тоннели и переходы, все мастерские и места общего пользования. А весь хлам вынести на поверхность и закопать вон хоть в той большой яме, на берегу озера. Я убежден, что когда люди увидят, как изменится после этого вид тоннелей, они наведут порядок и своих жилищах. А ведь это — здоровье, это — хорошее настроение, это, как знать, может, даже толчок к возвращению людям их истинно человеческого достоинства.

— Что-что?! Ты считаешь, наши люди лишены человеческого достоинства?

— А ты не считаешь так?

О-Стелли пожала плечами:

— Если судить по меркам вашего большого мира...

— Мерки человеческого достоинства везде одинаковы,— резко возразил Артем.— Но это слишком большой разговор. И, честно говоря, я еще не готов к такому разговору, недостаточно разобрался во всех тонкостях вашего бытия. Мы вернемся к нему. А сейчас... Ты не сможешь объяснить, что значит этот рисунок? — протянул он ей олоотоо с изображением скрещенных ножей.

— Этот?! — сразу нахмурилась О-Стелли.— Где ты взял его? Как это попало к тебе?

– В том-то и дело, что я нигде его не брал, а нашел вот здесь, на столе, вместо похищенных у меня записей.

– Записей на олоотоо, которые ты как-то мне показывал?

– Да. Они всегда лежали на столе, я не считал нужным их прятать... А вчера вечером, когда мне понадобилось вновь кое-что записать, оказалось, что все исписанные мной пластинки исчезли, а на стопке чистых олоотоо лежит это. Может быть, кто-то из Мудрейших...

– Нет! – решительно возразила О-Стелли. – Мудрейшие тут ни при чем.

– Но, возможно, О-Гейм или кто-то из его помощников...

– Нет-нет! – снова повторила О-Стелли. – Это знак не Мудрейших.

– А чей же?

– Как тебе сказать... Мне трудно это объяснить... Но... это плохой знак! – она почти с отвращением бросила на стол олоотоо и зябко поежилась, будто вспомнив что-то неприятное и страшное. – И может, тебе лучше не делать этих записей, а если уж они так необходимы, – не оставлять их у себя, отдавать на хранение мне?

– Понятно...

– Вот и хорошо! – поспешила заключить О-Стелли, словно сбрасывая с плеч большую тяжесть.

А Артем не мог отделаться от ощущения, что прикоснулся к чему-то безликому и гадкому.

– Ладно, черт с ними, этими злоумышленниками и их знаками. А что ты скажешь, все-таки, по поводу моего предложения?

– Освободить всех на один-два дня от работы?.. – он задумалась. – Боюсь, О-Брайн на это не согласится.

– И тем не менее ты передай ему все, что я сказал.

– Хорошо, я передам, но не очень надеюсь на успех Артем и сам не очень надеялся, что Мудрейший из Мудрейших примет такое предложение. Но уже через два дня, проходя мимо мастерской резчиков, он услышал та голос одного из посыльных О-Брайна:

– Слово Мудрейшего из Мудрейших! – громко, на всю мастерскую, разносился его хриплый бас. – Завтра и после завтра никто в мастерской не работает. Все мастера, и жены и взрослые дети сразу, как только погаснет ночное освещение, займутся уборкой тоннелей, переходов и мастерских. Всеми работами по уборке будет руководить чужеземец Артем. Любые его указания так же обязательны для всех, как мои собственные. Вот так сюрприз! Странная манера «править» у этого Мудрейшего из Мудрейших. Уж кого-кого, а его-то, Артема он мог бы уведомить прежде, чем своих подданных, если решил поручить руководство столь непростым делом.

Артем зашел в мастерскую и подозвал глашатая к себе, но тот рассыпался в извинениях. Оказывается, все было в том, что Артем слишком рано ушел из дома, и посыльный просто не успел заранее познакомить его «Словом» О-Брайна. В том, что Артем не будет возражать против возложенного на него поручения Мудрейший из Мудрейших, видимо, не сомневался.

Так или иначе, но теперь надо было срочно обойти весь город и заранее продумать план предстоящего «субботника». Это заняло весь остаток дня и добрую часть ночи.

А наутро все пришло в движение. Только теперь Артем увидел, как много людей жило, оказывается, в подземных катакомбах. И каждому надо было дать работу. Впрочем, он сразу поделил их на десятки, назначил в каждой из них старшего и дальше имел дело только с ними.

К удивлению Артема, все эрхорниоты, напрочь лишенные какой бы то ни было инициативы, оказались очень неплохими исполнителями. И к концу второго дня город было не узнать. Все тоннели словно расширились, посвежели, в мастерских стало больше воздуха и света, а главное, – как, показалось Артему, посветлели лица эрхорниотов, в

глазах их появилось что-то похожее на радость, надежду на что-то лучшее, более достойное звания человека.

Впрочем, была у Артема и еще одна причина быть довольным прошедшим «субботником». При разборке одной из старых кладовых на свет был извлечен странный предмет, в котором он без труда узнал многострунный музыкальный инструмент. Инструмент был, похоже, совершенно исправен, все струны на нем целы. И что самое интересное – струны эти оказались металлическими. Но не стальными, а изготовленными из какого-то непонятного сплава, издававшими очень мелодичный, ни на что не похожий звук.

Артем тщательно почистил инструмент, принес его в свой шатер и весь вечер перебирал удивительные струны, пытаясь понять, как настроить их и заставить воспроизвести какую-нибудь мелодию. Наконец ему удалось и через несколько дней он смог уже без труда наигрывать несколько простеньких пьес.

Трудно было придумать находку более удачную, чем эта, потому что ничто так не угнетало Артема в его нелегком заключении на дне неприступной котловины, как отсутствие у эрхорниотов даже самой примитивной музыки. Но главное, – ему стало ясно, что некогда, возможно, очень отдаленные времена, эрхорниоты обладали не только высокими уровнем технического развития, но высокой культурой которая была нацело уничтожена либо в результате какого-то стихийного бедствия, либо благодаря сознательным действиям бывших правителей эрхорниотов.

Кстати, этот пресловутый Завет, о котором говорили О-Горди и О-Гримм – ведь он, очевидно, был написан, иначе как сохраниться такому документу? Значит, была у эрхорниотов и письменность, а может, и книги, которые уничтожили вместе с музыкальными инструментами.

Странный, единственный, пожалуй, в истории феномен – племя людей, полностью утративших свою культуру.

7

А три дня спустя, рано утром, едва Артем успел привести себя в порядок после сна, в шатре его появилась молодая ткачиха, которую он хорошо запомнил, так как она первой села за его станок, а потом первой бросилась ему на шею и настойчивее всех приглашала в гости в тот памятный день в подземной мастерской.

Впрочем, сейчас он едва узнал ее в наспех одетой, плохо причесанной женщине, которая не переставала плакать, размазывая слезы по лицу, и беспрерывно сыпала словами, смысл которых еле доходил до Артема.

– Подожди, сядь, успокойся, – остановил ее Артем, – и говори помедленнее: я плохо еще понимаю ваш язык. Как зовут тебя?

– Я О-Регги. Клайд О-Регги. У меня несчастье. Дочка, маленькая девочка, упала с лестницы и напоролась ногой на острую палку. Сейчас ей очень плохо. Пойди, посмотри, скажи, что делать. Ты все можешь.

– Да нет, ты ошибаешься. Я не врач, не лекарь. Я никогда не лечил людей.

– Все равно, ты все можешь, чужестранец Артем. Пойди, взгляни на дочку.

– Говорю тебе, я ничем не смогу помочь.

– Но она умирает, пойми, умирает! Что тебе стоит пойти и посмотреть. Это совсем рядом. – О-Регги вдруг вскочила с кресла и повалилась к его ногам.

– Ну, зачем ты так? Ну, пойдем, посмотрим, – вконец растерялся Артем, поднимая женщину с пола.

Та схватила его за руку и, раскрыв люк, повлекла вниз по лестнице так, что Артем сам чуть не сорвался вниз.

Через несколько минут они входили в крохотную комнатку, мало чем отличавшуюся от других подземных хижин: стены и потолок, забранные кругляком, небольшой стол, две скамьи и широкая постель, застланная шкурами и прикрытая белым шерстяным

покрывалом. В дальнем углу – маленький топчанчик, на котором, разметавшись в жару, лежал больной ребенок.

Артем осторожно откинул прикрывавшую ее простынку и чуть не отшатнулся при виде открывшейся картины: правая ножка девочки распухла, покраснела, в нижней части

50

бедра, чуть выше колена – огромная гноящаяся рана. Девочка спала или была без сознания, дыхание с хрипом вырывалось у нее из груди, крупные капли пота блестели на всем ее худеньком тельце.

Чем мог помочь ей Артем? Если бы были какие-нибудь антибиотики или хотя бы обычный стрептоцид. Но эрхорниоты, по-видимому, не пользуются никакими лекарствами.

Артем прикрыл девочку простынкой, подошел к светильнику. Именно этот светящийся квадратик будил в памяти что-то похожее на выход из проклятого тупика. И вдруг вспомнилось: мумиё – вот что может спасти несчастного ребенка. Он быстро обернулся к О-Регги:

– Слушай, О-Регги, я знаю одно лекарство. Оно должно помочь. Но это далеко, в горах. Сейчас я отправлюсь туда. Но надо поставить в известность О-Стелли. Как бы мне связаться с ней сейчас?

– Это я мигом! Жди меня здесь.

Действительно, не прошло и десяти минут, как в комнату вошли обе женщины.

– Добрев утро, О-Стелли, – коротко поздоровался Артем. – Видишь, какое несчастье у О-Регги.

– Да, я видела девочку еще вчера. Но что можно сделать?

– Я знаю, что на склонах котловины, в скалах, кое-где встречается темное смолистое вещество. Мы зовем его мумиё. Оно может помочь девочке. Попроси кого-нибудь из ваших провести меня в ту пастушескую хижину, где я провел первый день. Там, в расселине, я и видел мумиё.

– Зачем просить кого-то. Я проведу тебя сама. Я знаю тот кордон, бывала там не раз.

– Но это ведь неблизко. Мы можем потерять целый день. А ты, наверное...

– Не нужно лишних слов! – оборвала его О-Стелли. – Сам видишь – время не терпит.

– Тогда – в путь!

– Да-да. Только захватим факелы: полевые тоннели не освещаются. И предупреди О-Брайна, заручимся его Словом.

– Канем словом? Ах да, приказом Мудрейшего из Мудрейших?

– Можешь называть это так.

– Хорошо,хвати,кстати, нож, без него не обойтись. Или это невозможно?

– В т»ной ситуации все возможно. Достаточно Слова О-Брайна.

Через несколько минут они уже мчались по гулкому, прямому, как стрела, тоннелю, выставив вперед потрескивающие на ходу факелы и не обменивались почти ни единым словом. Путь к лугам оказался действительно неблизким. Тоннелю не было конца. Но О-Стелли, видимо, давно уже привыкла к такого рода вояжам. Артем еле успевал за ней, тем более, что дорога все время шла на подъем.

Но вот и знакомая хижина. Артем сразу узнал двух пастухов, встретивших его в то весеннее утро. Увидев О-Стелли, она начали поспешно накрывать на стол. Но та остановила их властным жестом:

– Слово Мудрейшего из Мудрейших: надо немедленно провести чужеземца к той скале, возле которой вы когда-то встретили его.

– Очень хорошо, – ответил старший из пастухов. – А сама Мудрейшая останется здесь?

– Нет, я пойду с вами.

– Я готов вести вас, – пастух живо вскарабкался на лестницу и раскрыл люк.

Через минуту они были на лугу, у знакомого бука, и сердце Артема заныло от тоски по дому. Да, вон там, на той террасе, над скалами, и пришлось ему выпрыгнуть из гондолы

аэростата. А вон и ложбина, по которой спускался он, голодный, полный тревоги и неизвестности перед тем, как предстать перед пастухами и О-Брайном. Там, в небольшой расселине, и встретились ему натеки мумиё.

– Спасибо, почтеннейший,– кивнул он пастуху.– Теперь я найду все сам.

Пастух бросил вопрошающий взгляд на О-Стелли.

– Да, ты можешь вернуться,– подтвердила та. Пастух поклонился и поспешил к своей хижине. Артем

обернулся к О-Стелли:

– Вот здесь, на этом лугу, я и встретился впервые с твоими соотечественниками.

– И со мной,– неожиданно добавила О-Стелли.

– Как, и с тобой? – удивился Артем.

– А ты вспомни!

Артем постарался прокрутить в памяти весь тот длинный, богатый событиями день, но память не смогла подсказать ничего нового.

– Не вспомнил? – рассмеялась О-Стелли.– Ну так я помогу тебе. Перед тем, как уснуть в хижине у этих пастухов ты подошел к нише осветительного перископа. Видимо, тебя заинтересовал этот необычный источник света, и вдруг...

– И вдруг я увидел твое лицо! Вспомнил! Все вспомнил! Так вот почему мне показалось, что я вижу знакомые девичьи глаза... То-есть я хотел сказать,– спохватился Артем,– почему ты показалась мне знакомой, когда на другой день, в шатре, О-Брайн представил тебя. Но как это объяснить?

– Да очень просто. Я была здесь вместе с дедом, когда дежурный пастух заметил снижающийся аэростат, и все они с тревогой припали к перископу. А когда увидели, что из гондолы выпрыгнул человек, то до того всполошились, что даже всегда уравновешенный О-Брайн долгое время не мог от растерянности вымолвить ни слова. Ведь ничего подобного не было за всю историю эрхорниотов. Потом он приказал мне остаться в хижине и не отходить от перископа, а сам с обоими пастухами скрытно, прячась в траве, вышел к тебе навстречу. Я видела, как они встретили тебя, как вели, замирая от страха, к здешнему кордону. А мне было смешно. Я-то прекрасно видела в перископ твое лицо: на нем тоже не было ничего, кроме растерянности и страха. «Люди, да что вы так боитесь друг друга?» – хотелось крикнуть мне. И я не выдержала, выбралась из хижины. Но дед, увидев это, издал погрози мне пальцем и приказал уйти к стаду. Ты тогда, наверное, и не заметил меня?

– Нет, я видел, что кто-то побежал от нас к стаду, но принял тебя за подростка: ты была очень далеко.

– Да, мне пришлось подчиниться, спрятаться среди коз. Однако, когда вы с дедом спустились в хижину, а пастухи сказали, что дед намерен усыпить тебя и переправить в город, я снова не выдержала и, подойдя к объективу осветительного перископа, заглянула туда, чтобы посмотреть, что делается в хижине. И надо же было так случиться, что как раз в это время и ты подошел к нише перископа. Вот так мы и увиделись с тобой в первый раз. Именно здесь, на кордоне Крутой Торнаро. Но вот и твоя скала. Я точно помню, что по этой лощине ты спустился к нам в то утро.

– Да, это та самая лощина, я тоже узнал ее. А вон и мумиё, отсюда видно. Ты посиди здесь, пока я поднимусь за ним. Только не подходи к пропасти, что справа от лощины. Там – ужас: отвесная стена! Я еще в тот день, из гондолы, все это заметил. Туда свалишься – все! Пиши пропало!

– Ха, пропасть! – рассмеялась О-Стелли.– Ты думаешь, я боюсь пропастей? Да там, на краешке, я и посижу.

И не успел Артем что-либо возразить, как юная эрхорниотка вприпрыжку, точно козочка, подскочила к краю ущелья и, расправив тонкито, уселась над самой пропастью, играя висящим на шее рионато.

«Да, характерец!»— подумал Артем, вспомнив недавний разговор с О-Горди, и, не теряя времени, начал взбираться вверх по лощине. Он рассчитывал управиться за час-полтора. Однако подъем оказался трудным, труднее, чем он предполагал. Еще тяжелее пришлось на спуске. Раза два он чуть не сорвался, перебираясь с карниза на карниз. Но тем больше радости было почувствовать наконец под ногами мягкий ковер травы.

— Все, порядок! — крикнул он, не скрывая торжества, лишь страшный спуск остался позади.

В ответ — ни звука.

— О-Стелли, где ты? Смотри, вот оно мумиё, на весь ваш город хватит! Я уж думал и не спущусь с ним по этой крутизне. Зато теперь...— он отцепил мешочек с драгоценными натеками от пояса, чтобы торжественно вручить его своей наставнице. И сразу осекся: девушка стояла, прислонясь к скале, бледная, как полотно, в глазах ее застыло отчаяние. Смутное предчувствие беды вмиг смахнуло всю радость только что одержанной победы.

— Что случилось, О-Стелли?

— Несчастье, Артем. Я уронила в пропасть очень ценную вещицу.

— Что-нибудь из своего туалета? — поспешил уточнить он, чтоб убедиться, что беда не так уж велика.

— Да. В какой-то степени... Ты видел ее. Я уронила рионато.

— Тот, что ты носила у себя на шее? Она молча кивнула.

Он подошел к обрыву, глянул вниз: отвесная стена ущелья уходила вниз метров на десять-пятнадцать. Нечего было и думать спуститься с такой кручи. Да и стоило ли ради всего лишь красивой безделушки или какого-то сигнального устройства? Но отчего так расстроена О-Стелли? Или это действительно столь нужная и ценная вещь?

— Он что же, очень дорог тебе, этот медальон?

— Это не медальон, не украшение. Это... Мне трудно объяснить. Но это страшная потеря.

— Что же делать?..

— Не знаю... Только домой мне возвращаться без этого нельзя.— Она больно прикусила губу. Глаза наполнились слезами.

— Та-а-к...— растерянно протянул Артем. Все оказывалось серьезнее, чем он думал. Но что же все-таки можно сделать? Он снова прошелся вдоль края пропасти, зацепился негой за толстое, выступающее из земли корневище, мысленно чертыхнулся с досады. И вдруг его осенило:

— Вот что,— О-Стелли, беги в хижину к пастухам... Она покачала головой:

— Им нельзя сказать об этом. Рионато не должен видеть ни один эрхорниот.

— Да ничего и не надо говорить. Возьми там только кожаные ремни. Я знаю, у них есть такие.

— Хочешь попробовать спуститься на ремнях?

— Думаю попробовать.

— Но это опасно, Артем...

— Не тяни время, О-Стелли. Иного выхода я не вижу.

— Хорошо, я быстро.

Он подчистил ножом землю вокруг корня, так, чтобы просунуть под него ремень, снова глянул с обрыва вниз. Спуститься туда будет, конечно, не легко. Но...

— Вот все, что у них нашлось,— О-Стелли, запыхавшаяся от бега, положила перед Артемом связку ремней, с робкой надеждой глянула ему в глаза.

Артем попробовал ремни на прочность:

— Подойдет! Связывай их друг с другом, а я укреплю конец за это корневище. Достанем твой рионато!

— Если бы так... Только осторожнее, Артем. Пожалуйста...

— Ерунда! Спускаюсь как по лестнице,— он взялся за ремень, попробовал, крепко ли тот привязан к корневищу и, соскользнув с кромки обрыва, начал спускаться вниз. Это

оказалось, действительно, не так сложно. Уже через несколько минут он был на дне пропасти. Но рионато там видно не было.

Что за чертовщина! Дно ущелья было ровным, сухим, Вешние воды отшлифовали известковое ложе до блеска. Тут нельзя было не заметить и иголку. А рионато как не бывало. Нигде!

Он прошелся по дну пропасти раз, два, заглянул под небольшой карниз, прилепившийся к стенке чуть ниже по ущелью: шарик мог закатиться и туда. Но там тоже было пусто.

«Куда же он запропастился?!»— Артем высунул голову из-под карниза и вдруг почувствовал, как что-то стукнуло его по лбу. Он не без опаски поднял глаза вверх и чуть не вскрикнул от радости: прямо у его носа болтался на цепочке пропавший талисман. Тонкая цепочка зацепилась за выросший на карнизе кустик и удержала шарик от падения на дно ущелья.

Артем снял цепочку с куста и, присев прямо под карнизом, положил рионато к себе на ладонь. Так вот что за «украшение» носит у себя на шее его наставница! Шарик, укрепленный на платиновой цепочке, имел размеры крупной вишни и был сделан несомненно из какого-то экзотического сплава, но на одной его стороне оказалось круглое прозрачное оконце, сквозь которое можно было видеть сложный циферблат с несколькими рядами непонятных знаков и четырьмя крохотными стрелками, одна из которых медленно двигалась, наподобие секундной стрелки часов.

Да, это было не украшение, не медальон и даже не часы, как можно было бы заключить с первого взгляда: стрелка на циферблате двигалась неравномерно, то ускоряя, то замедляя ход. А когда Артем, намереваясь выбраться из-под карниза, решил освободить руки и набросил цепочку на шею, произошло совсем невероятное. В ушах у него зазвучала музыка. Тихая, но вполне отчетливая, она то затихала, то усиливалась по мере того, как он поворачивался ') в ту или иную сторону. Громче всего она звучала, когда он смотрел в сторону озера. Так, значит, это, кроме всего прочего, и что-то подобное радиокompасу? Но если так...

Не снимая рионато с шеи, он отвел его подальше от груди, чтобы попробовать поводить из стороны в сторону, не поворачивая головы. Однако стоило цепочке натянуться до предела, как шарик слегка завибрировал, и яркий голубой луч вырвался из него ввысь, упершись в нависший над Артемом каменный карниз.

Артем даже вздрогнул от неожиданности. Нет, он не забыл о том, что рассказывал в свое время Николай Иванович. Но чтобы все это повторилось вот так сразу, прямо у него в руках... Это было сверх всякого ожидания. Шарик сразу выпал у него из рук, и луч погас. Но прошло не менее минуты, прежде чем он снова решился взять его в руки и еще раз осмотреть со всех сторон. Впрочем, ничего нового он больше не заметил. Никаких следов не осталось и на замшелом карнизе, куда ударил луч. А ведь не будь этого карниза, он взметнулся бы в самое небо, и тогда... Артем даже поежился, представив, как среагировала бы на такую иллюминацию О-Стелли. Нет, ей пока не стоит говорить ничего из того, что он узнал о рионато. Пусть табу останется табу.

Он выбрался из-под карниза и, отступив на несколько шагов от стены, так, чтобы видеть склонившуюся над пропастью О-Стелли, победно помахал ей рукой:

— Наше-ел! О-Стелли, нашел! Вот он, твой рионато!

Девушка радостно хлопала в ладоши:

— Спасибо, Артем. Такое тебе спасибо! Лезь вверх. Только осторожно!

Легко сказать: лезь вверх! Измотав силы на подъем за мумиё, Артем почувствовал, что начинает сдавать, не поднявшись и до половины обрыва. Тонкий ремень врезался в руки. Рот застлало сухой горечью. В голове стучало, как в пустом ведре. А ноги лишь скользили по гладкой стене. Поднявшись еще метра на два, он окончательно выбился из сил и, намотав ремни на обе руки, беспомощно прижался к горячему камню.

— Артем, Артем! — слышался голос О-Стелли.— Почему ты остановился? Тебе трудно, да?

Он стиснул зубы и лишь молча тряхнул головой. Вверху все стихло. Но вот его снова окликнули:

– Артем, слушай! Я связала все оставшиеся ремни, сейчас сброшу их тебе. На конце их – петля. Встань на нее йогами. Я попробую помочь тебе.

Вот, молодец! Как он сам не додумался до этого?

– Бросай, бросай, О-Стелли! И закрепи свой конец за корень, я хоть дам отдых рукам.

– Нет, я помогу тебе взбираться. Я помогу тебе, вот увидишь! Лови!

В ту же минуту перед глазами его прозмеился спасительный ремень, и после нескольких неудачных попыток он умудрился все-таки зацепиться ногой за петлю.

– Теперь слушай меня, – вновь раздался голос О-Стелли. – Как только я крикну: «тяну», – так начинай взбираться.

Он перевел дыхание.

– Тяну-у!

Артем собрал последние силы и снова двинулся вверх. К л к много, оказывается, значит помощь даже такой слабой девушки, как О-Стелли. Под ногами появилась опора. Теперь все силы можно было вложить в руки. На боль в ладонях он уже не обращал внимания. Сейчас для него существовала только эта движущаяся вниз стена: метр... еще метр... Вот уж и кромка обрыва над головой! Еще капельку... Все! Он бросил ремень и повалился к ногам О-Стелли:

– Спасибо, Стелли...

– Спасибо мне?! За что?

– За то, что если бы не ты... А шарик твой... Вот тут, в кармане, возьми сама. Руки... - он с трудом разжал пальцы ладоней. Они были красны от крови и горели, как в огне.

– Какой ужас! – она легонько подула на них, почти касаясь подрагивающими губами. – Больно тебе? Очень? Потерпи, Артем, потерпи немного. Сейчас мы смажем их там, у пастухов, пчелиным молочком. Полежишь у меня в хижине, отдохнешь немного, и все пройдет.

– Нет, О-Стелли, – Артем встал. – Смазать руки было бы, конечно, неплохо. Но лежать и отдыхать не придется. Нас ждут.

– Ах, да. Я и забыла. Ты прав, надо идти.

В город они возвратились только к вечеру, когда жизнь в подземных переходах почти замерла. Но О-Регги ждала их у входа в свое жилище. В глазах ее застыло страдание

– Как она? – поспешил спросить Артем.

– Плохо... плохо. Боюсь, до утра не доживет... – голос О-Регги прервался, из глаз хлынули слезы.

– Ну, полно, полно! – постарался утешить ее Артем. – Теперь, я надеюсь, мы сможем помочь ей. Приготовь поскорее воды и две-три чистые чашки. А ты, О-Стелли, иди отдыхай, двоим нам тут делать нечего.

– Да, я пойду, меня ждет О-Брайн. Доброй ночи вам всем.

– Доброй ночи, О-Стелли, – Артем прошел в хижину склонился над больной. Состояние ее действительно ухудшилось. Девочка металась по топчану и стонала от боли. Он пригладил ее слипшиеся от йота волосы, поправил войлочек под головой:

– Потерпи, доченька, потерпи! Сейчас мы поможем тебе.

Он растворил мумиё в воде, промыл раствором рану и, обложив ее кусочками сухой смолы забинтовал ног свежей простынкой. Затем сделал раствор послабее и постарался влить несколько капель девочке в рот.

О-Регги не сводила с него глаз, мгновенно подавая все что просил Артем.

– А это, – указал он на оставшийся раствор, – дашь ей в полночь и рано утром. Потом я зайду к вам.

– Я все сделаю, как ты сказал. И буду ждать тебя.

Ночью Артем почти не спал и, едва забрезжил рассвет был уже в комнатухе О-Регги. Но как все изменилось здесь за эти несколько часов. Опухоль на ноге у девочки спала, краснота уменьшилась, а главное – она открыл глаза и попросила есть.

– Ну вот и отлично! – сказал Артем, меня повязку и помогая больной выпить раствор мумиё. – Как зовут тебя доченька?

– О-Фанни, – прошелестела девочка слмОым ним. – А тебя – чужеземец Артем, верно?

– Верно, О-Фанни.

– И мама сказала, ты вылечишь меня. Вылечишь, правда?

– Конечно, вылечу. Будешь бегать и прыгать как прежде. А теперь надо поесть. Покорми ее, О-Регги.

– Сейчас покормлю. И ты позавтракай с нами.

– Спасибо, я поем. А дальше так: повязку на ноге не трогай, там все хорошо. Этим вот раствором попоишь ее раза три-четыре. Ну, а вечером я загляну.

– Загляни обязательно, мало ли что...

Перед уходом он снова подошел к больной:

– До свидания, О-Фанни.

– До свидания, чужеземец Артем. Приходи обязательно. Я до тебя спать не буду. И маме не дам.

– Приду, приду. Постараюсь навестить вас еще засветло.

Но засветло не получилось. О-Стелли допоздна задержалась у О-Брайна, вечерние занятия с ней затянулись, и когда Артем смог наконец отправиться к О-Регги, все кругом уже спало мертвым сном. Он подумал даже, стоит ли уж беспокоить так поздно О-Регги с дочкой. Однако та, как всегда, ждала на пороге своей каморки и, услышав таги, бросилась ему навстречу.

– Что, опять плохо? – встревожился Артем.

– Нет, все очень хорошо! Входи скорее!

Он тщательно вытер ноги и прошел в знакомое жилище. Но убогая комнатуха, освещенная лишь ночным светильником, показалась ему на этот раз даже уютной. Все здесь было аккуратно прибрано, пахло какими-то цветами.

Девочка спала на своем топчанчике, положив ладошки под голову, сладко посапывая носом, а сияющая О-Регги, одетая в новое тонкито, красиво причесанная, словно помолодевшая, вихрем металась по комнате, собирая на стол и подробно рассказывая, как прошел у дочери день.

Артем осмотрел ножку девочки, послушал ее дыхание. Кризис явно миновал.

– Ты зря беспокоишься, О-Регги, – сказал он, поднимаясь от постельки больной. – Я уже поел.

– Я знаю, что ты ужинал. Но я угощу тебя таким кушаньем, какого ты не пробовал ни у О-Горди, ни у самой О-Стелли.

– Ну, хорошо, – не желая обидеть женщину, Артем за стол и действительно не мог не воздать должного кулннарным способностям хозяйки. – Ты прекрасно готовишь, О-Регги. Я в самом деле никогда не ел ничего более вкусного.

– Ну уж... – застеснялась О-Регги.

– Да, это так. И вообще... Мне так приятно сидеть у тебя. Как дома...

– Правда? Тебе нравится у меня?

– Правда, Регги.

– Как хорошо ты назвал меня! Регги – так называл меня только мама... – она под села к нему ближе и вдруг обняла за плечи. – Чем мне отблагодарить тебя, наш спаситель? А может... Может, ты останешься у меня на ночь Я ведь одна, без мужа...

– Что ты, О-Регги, как можно! – он поспешно встал из-за стола. – Я же совсем из другого мира... Чужой вам... Не знаю даже, как все это у вас...

– Разве тут нужно что-то знать? – с грустью прошепала О-Регги.

– Нет, это я, конечно, сказал глупость. Но мы с тобой еще так мало знакомы... До свидания, О-Регги.

Она склонила голову к самому столу.

– До свидания, хороший добрый человек. Прости меня! Я хотела только сделать для тебя что-нибудь приятное. А что я могу еще...

– Это ты прости меня, О-Регги, – он шагнул в темноту и, не оглядываясь, медленно побрел по пустынному, едва освещенному редкими ночными светильниками переходу, душе у него была тяжесть. Он не мог отделаться от мысли, что просто так, ни за что обидел хорошего, обойденного счастьем человека. Но вернуться обратно был не в силах. Где-то в глубине сознания все настойчивее пробивал вопрос: разве смог бы он после этого взглянуть в глаза О-Стелли? Хотя что была ему эта гордая капризная внучка властелина? Артем подошел уже почти к знакомой лестнице в свой шатер, как вдруг заметил в темноте смутно белеющую фи гуру человека. Он инстинктивно замедлил шаги. Но вдруг двинулась ему навстречу, и он узнал в ней... О-Стелли.

– О-Стелли?! Ты еще не спишь?

– Я иду как раз спать. Но мне хотелось узнать, как дочка О-Регги?

– Все в порядке. Девочке лучше. Опасность миновала.

– А О-Регги... Она... не предложила тебе остаться с ней?

– Почему ты так подумала?

– Я не думаю, я знаю. И ты не осуждай ее. Так принято у наших молодых незамужних женщин. О-Регги лучше многих других.

– Я понял это. Но я... не мог остаться у нее.

– Почему? У тебя там, в большом мире, осталась жена, невеста?

– Нет, у меня не осталось никого. Я жил один. Но... как тебе сказать...

– Не надо, не говори. Уже поздно, пора спать. Доброй ночи тебе, Артем.

– Доброй ночи, О-Стелли.

Она юркнула в темноту. Но вдруг снова обернулась к нему:

– А это хорошо, что ты не остался у О-Регги.

– Почему?... – растерялся Артем.

– Да так уж... – она рассмеялась каким-то особенным, счастливым смехом. И смех этот, как звон маленького серебряного колокольчика, долго еще метался под мрачными сводами подземных переходов.

Артем медленно поднялся к себе. Но спать не хотелось. Он вышел наружу, отыскал глазами знакомый, чуть подсвеченный изнутри шатер, и долго всматривался в неясные очертания туманного, как светлое облачко, купола, стараясь различить там легкую девичью тень. Иногда это удавалось ему или казалось, что удалось что-то увидеть, и тогда незнакомое волнение охватывало его, и в груди становилось тесно от новых, неведомых ранее чувств. Но вот купол погас. И бархатная чернота опустилась на озеро. Лишь звездная россыпь плавно покачивалась в моде, у его ног. Да шумел на ветру далекий лес...

8

Проснулся Артем не от толчка. Толчок произошел чуть позже. Проснулся он от странного гула, несшегося откуда-то из-под земли, а может, от неясной тревоги, навеянной, как он подумал, сумбурным сном, мучившим его всю ночь. Снилось же ему невероятное. Будто провалился он под землю и все летел и летел сквозь земную твердь, тщетно стараясь остановиться, зацепиться за какую-нибудь неровность грунта.

Подробности этого сна он и пытался восстановить в памяти, когда страшный толчок подбросил его над кушеткой и, перекинув чуть не через весь шатер, обрушил на землю возле люка.

К счастью, удар был немного смягчен разостланными на полу шкурами, но все это было настолько неожиданно, что первое мгновение он не смог сообразить, что же произошло. Оттолкнувшись обеими руками от пола, он сделал попытку подняться, однако земля под

ним продолжала дрожать, как гигантский вибратор, а стены шатра, казалось, готовы были сорваться с места и улететь вместе со всеми вещами, которые сгрудились в одну бесформенную кучу.

И вдруг все стихло. Артем вскочил на ноги и сразу заметил в свете наступающего утра широкую, в два-три пальца, трещину, что, как черная змея, выползала из-под ковра и скрывалась за стенкой купола.

«Баллов шесть-семь, не меньше!»— мысленно оценил он силу землетрясения и, потирая ушибленный бок, поспешил выйти из шатра.

Здесь, снаружи, было уже совсем светло. И ничто не напоминало о только что разразившейся катастрофе, если не считать черной трещины, которая бежала от стенки шатра и уходила под воду.

Артем невольно присвистнул:

— Ничего себе – трещинка! И как далеко ушла она на дно озера?

Его, как геолога, прежде всего встревожила именно судьба озера. И неизвестно, как скоро переключил бы он свои мысли на судьбу подземного города, если бы не появился О-Гримм, который вихрем подлетел к нему и, схватив за руку, повлек в шатер, к люку:

— Скорее вниз, Артем! Там такое... Такое творится!

Артем не стал дальше слушать. Только теперь до него дошло, что трещина, расколовшая дно озера, могла прорвать и каменную облицовку расположенного под ним тоннеля, и тогда...

Он в три крышка спустился вниз и сразу почувствовал что под ногами хлупает вода, а через несколько шагов попал под сплошной водопад, низвергавшийся с невидимого в полутьме потолка. Предчувствие не обмануло его: воды озера ворвались в подземный город.

Кругом творилось нечто невообразимое. Плакали дети, истошно выли перепуганные насмерть женщины, толпы мужчин, как скопище встревоженных муравьев, бестолково метались по еле освещенному тоннелю и, похоже, абсолютно не представляли, чем можно помочь беде.

Впрочем, в одном месте толпа мужчин была погуще и вскоре Артем услышал доносящийся оттуда голос О-Гейма:

— Тащите все тряпки из ваших берлог, все, все, до последнего тащите! И ставьте сюда лари, столы, скамейки! Будем протыкать с них трещину. Так, как делают эти парни. Живо! «Но это же абсолютно бессмысленно!»— подумал Артем.

И действительно, на голову нескольких эрхорниотов, взобравшихся на ларь и пытающихся заткнуть трещину об-рынками одежды, обрушивались потоки воды. Она мгновенно выбивала тряпичные пробки, сводя на нет все усилия отчаявшихся людей.

Артем подошел ближе:

— Слушай, О-Гейм, это ничего не даст. Так воду не остановишь. Ребята только зря вымокнут. Я полагаю...

О-Гейм повернул к нему перекошенное от злобы лицо:

— Что тебе здесь надо, чужеземец? «Я полагаю»! Убирайся прочь, всезнайка! Катись в свой шатер, там не вымокнешь. А здесь я хозяин, и мне лучше знать, что делить в своем доме.

— Да пойми, Мудрейший, вода вытолкнет любые затычки. А время не терпит. Через несколько часов озеро затопит все подземелье. Надо сейчас же...

- Так ты еще не уговорился?! Тебе мало того, что я сказал? Вон отсюда! – загремел О-Гейм, выставив вперед кулаки.— Гоните его, ребята!

Артем понял, что дальнейший разговор с Мудрейшим ни к чему не приведет. Но и уйти отсюда, оставив эрхорниотов в столь бедственном положении, он не мог.

К счастью, издали послышался голос О-Стелли. Он просился ей навстречу.

О-Стелли, где О-Брайн?

— Он на дальнем кордоне.

– Тогда слушай меня ты. Положение очень серьезное. Грщина, разбившая дно озера, прорвала и оболочку тоннеля. Вода может залить все ваши жилища. А то, что вставляет делать О-Гейм, абсолютно бессмысленно. Напор воды столь силен, что никакими затычками ее не остановишь.

– Что же предлагаешь ты?

Трещину надо перекрыть снаружи, со стороны озера. Поэтому прикажи сейчас же, пусть женщины сошьют из самых прочных шкур сплошной полог шириной шага три-четыре, длиной шагов пятнадцать. Я уже выяснил, трещина пробила оболочку тоннеля максимум на десять-двенадцать шагов от моего острова, дальше течи нет. Направление трещины мне известно. Я расстелю над ней полог по дну озера, укрепив шкуры камнями. Да вода и сама прижмёт полог к трещине, а со временем все это занесет илом. Но течь прекратится сразу. Я не говорю, что такое сооружение продержится века. Однако сейчас иного выхода нет, ничего другого сразу не придумаешь. Быстрее, О-Стелли! Пусть женщины сшивают шкуры, а мужчины принимаются носить к моему шатру камни. Я буду следить за поведением трещины там, наверху.

Артем поднялся к себе в шатер и вышел на берег озера. Трещина не увеличилась в размерах, но и не уменьшилась. Здесь у береговой кромки было отчетливо видно, как устремляется в нее вода, увлекая за собой песчинки и мелкие частицы ила. Угроза затопления подземного города была совершенно очевидной.

Сумеет ли О-Стелли выполнить все, что попросил ее Артем? Не помешает ли ей О-Гейм? Но приказы Мудрейшей выполнялись, видимо, столь же беспрекословно, как и приказы самого О-Брайна.

Не успел Артем отойти от трещины, как на мостике, соединяющем остров с берегом озера, показалась целая вереница мужчин, нагруженных камнями. А еще через полчаса снизу подняли свернутый в рулон полог и связку длинных, остро заточенных кольев. Это было очень кстати. Артем не мог не подивиться сообразительности О-Стелли, мгновенно оценившей обстановку и продумавшей предложенный Артемом план даже более детально, чем он сам.

Теперь все зависело от него, Артема. Закрепив конец рулона кольями чуть повыше уреза воды на берегу, он начал разворачивать скатанный полог по оси трещины, одновременно вбивая колья по его краям. Благо, глубина здесь была небольшой, и вскоре весь полог лег на дно так, что границы его отчетливо обозначились двумя рядами кольев. Вот где сказалась предусмотрительность О-Стелли! Колья позволили безошибочно валить камни точно на полог. И Артем смог привлечь к этой работе всех столпившихся на берегу мужчин вплоть до стариков и подростков.

Впрочем, теперь можно было и не торопиться. Выскочивший на поверхность О-Гримм, мокрый, грязный, но сияющий блаженнейшей улыбкой, еще издали радостно замахал руками и, подбежав к Артему, бросился ему на шею:

– Все, Артем! Все! Больше нигде не течет!

– Ну, хорошо...– Артем отер воду с лица и, отойдя чуть в сторону, опустился на землю. Руки у него еще дрожали от напряжения. Ноги одеревенели от долгого пребывания в воде. Но на душе была радость. Сколько детей

И женщин вздохнули наконец спокойно, возвращаясь в свои жилища.

– Да, нигде ни ручейка! Даже не верится...– не мог успокоиться О-Гримм, подсаживаясь к Артему. – Здорово ты это провернул! И что бы мы стали делать без тебя?

– Ну, уж, ты скажешь. Разве я один. И потом... Точно такой план был и у О-Стелли. Я только чуточку опередил ее.

– О-Стелли у нас – молодец! Не то что ее женишок, будь он неладен. А я вот что хотел... Как ты насчет того, чтобы перекусить? Я думаю, после такого купанья...

– Перекусить бы, конечно, неплохо,– вздохнул Артем. – Только, боюсь, сегодня моей кормилице, тетушке Горди, не до приготовления еды.

– Да, пожалуй... А вот у моей старушки, я уверен, и сегодня отыщется, чем накормить двух мужчин. Пойдем.

– Спасибо, с удовольствием.– Артем быстро оделся и готов был уже следовать за О-Гриммом, как вдруг увидел О-Горди.

Старая женщина торопливо семенила со стороны его шатра, судорожно ловя ртом воздух. На лице ее застыла маска тревоги. Артем шагнул ей навстречу:

– Тетушка О-Горди, что случилось?

– Беда, Артем! Там внизу... Наша доченька О-Стелли...

– Что с ней?!

– Соскользнула с мокрой лестницы и прямо ноженькой об пол. Встать не может...

– Бежим туда. Скорее!

– Не могу, сынок, совсем задохнулась... И этот О-Гейм... Не смей, говорит, звать чужезмца! Я уж втихую... А если он увидит меня с тобой... Ведь он зверь лютый! Он, если что...

– Где она? – перебил Артем разговарившуюся старушку.

– Там, в главном тоннеле, возле моей лачужки. Так и лежит, бедненькая...

Артем бросился к люку, спустился в тоннель. Здесь стало уже совсем светло. Внизу, под ногами, еще плескалась вода. Но сверху не было даже капли. Мужчины, вытянувшись в цепочку, передавали друг другу и выносили наверх бадейки с водой. Женщины собирали ее с полу, кто чем мог.

Артем помчался к жилищу О-Горди. Там столпилось с десятков старых женщин. Он попытался растолкать их. Но перед ним встал, растопырив руки, О-Гейм:

– Сюда нельзя!

– Убери руки, Мудрейший.

– Я сказал, сюда нельзя! – повторил О-Гейм, свирепо вращая глазами.

– Мне что, применить силу? – постарался сдержать гнев Артем.

О-Гейм гордо выпрямился и, приняв царственную позу, изрек:

– Слово Мудрейшего: сейчас же уйди из этого тоннеля

– Ну, вот что, господин Мудрейший, – решительно двинулся на него Артем. – Мне твое «слово» – не закон. Бывают обстоятельства, когда и с законом не считаются.

Пропусти меня к больной и не вздумай сунуться следом. Дело может кончиться плохо, – он выразительно поднес кулак к самому носу О-Гейма и, оттолкнув его плечом, подошел к лежащей на полу О-Стелли. Лицо ее заметно ни бледнело, в глазах застыло страдание.

– О-Стелли, что с тобой?

– Нога, Артем... Вот здесь, в колене... Не могу встать. Сейчас принесут носилки.

– Сейчас принесут! Да что эти кретины с ума ни сходили, держат тебя на каменном полу?

– он решительно поднял девушку на руки и перенес на постель О-Горди.

А ну, покажи, что там у тебя?

– У нас не принято, чтобы мужчины... – застеснялась О-Стелли.

– Ну, это ты потом объяснишь, что у вас принято, что не принято. Сейчас не до этого, – он осторожно приподнял тонкито О-Стелли и склонился над больной ногой. Колено покраснело, припухло, коленная чашечка чуть сместилась сторону – обыкновенный вывих. С повреждениями тако! рода когда-то в детстве его сверстники справлялись сами. Он ухватился за ногу девушки:

– Чутьочку потерпи, О-Стелли. Я сейчас...

– Ой! – дернулась она от резкой боли. Но вывих был вправлен.

– Вот и все, – улыбнулся Артем. – Теперь и носилок потребуются.

– Как?

– А вот так, – он с минуту помассировал припухшую ногу и бережно расправил складки тонкито. – Можешь встать и идти. Но лучше немного полежать. До свидания, О-Стелли.

– Постой, Артем. Я хотела спросить... Как дочка О-Регги? Прошло уже три дня...

– Думаю, все в порядке. Я сделал все, что нужно. Больше она ко мне не заходила.

– А ты... Ты тоже не заходил к ней?

– Мне как-то неудобно... Может быть, ты сама? Она поспешно кивнула, стараясь притушить внезапно вспыхнувшую улыбку:

– Да, я зайду к ней. Сегодня же. И все расскажу тебе. До вечера, Артем, – она протянула ему руку, и он не удержался, прижался губами к ее горячим влажным пальцам. Но она резко отдернула руку, с опаской посмотрев на еле задернутый шкурой вход, и тем словно окатила Артема ледяным душем.

Он встал с постели и, не оглядываясь, вышел наружу. Толпа женщин, явно подсматривавшая за всем, что происходило и землянке, в страхе отхлынула назад.

Ну, что столпились? – не смог скрыть раздражение Артем. Идите и займитесь своим делом. А ты, Мудрейший, – обратился он к прохаживающемуся по тоннелю О-Гейму, – можешь войти, проводишь О-Стелли до ее жилища. Никаких носилок ей не понадобится. О-Гейм метнул на него полный бешенства взгляд и скрылся в землянке О-Горди. Артем зашагал к люку своего шатра. Сзади до него донесся приглушенный шепот:

Вы видели, он нарушил Слово Мудрейшего? Слово Мудрейшего! Что-то будет?..

Что будет? Ясно, О-Гейм не простит столь открытого неповиновения своей власти и предпримет все возможное, чтобы сделать жизнь Артема в общине невыносимой. Но это его не так уж и расстроило: он давно понял, что рано или поздно они с О-Геймом станут врагами не на жизнь, а на смерть.

Больше встревожило другое. Видя, какое страшное бедствие может принести озеро в случае повторного землетрясения он решил составить схематический план города, чтобы точно установить, какая часть его лежит непосредственно под акваторией водоема. Дело было непростое. Целый день ушел только на то, чтобы нанести на олоотоо магистральные тоннели подземелья. А ведь нужно было еще привязать их к каким-то ориентирам на поверхности.

Однако уже на следующее утро он обнаружил, что весь его с таким трудом составленный чертеж напрочь исполосован бесчисленными штрихами, а в правом верхнем углу красуется знакомое изображение перекрещенных ножей па фоне молнии. Самое неприятное заключалось в том, что в течение всего времени, когда чертеж лежал на столе, он ни на минуту не покидал шатра и, следовательно, кто-то побывал здесь ночью, во время его сна, что само по себе наводило на очень грустные размышления.

Стоило ли тревожить О-Стелли рассказом об этом новом вмешательстве каких-то таинственных недоброжелателей в его дела? Вспомнив, с каким испугом она восприняла его первое сообщение подобного рода, он решил не делать этого. Но отказался и от продолжения своей работы ни, планом города. Что-то подсказывало ему, что за этим недвусмысленным предупреждением стоят более грозные силы, чем вздорный, но не очень умный О-Гейм.

9

В этот день Артем особенно долго засиделся в комнатке у тетушки О-Горди. На завтра был назначен праздник Длинного дня, который, как он понял, приурочивался у эрхорниотов к дню летнего солнцеворота, и тетушка О-Горд вся ушла в далекие воспоминания.

– Как я любила в молодости этот праздник, сынок! – говорила она, сматывая шерсть с клубка, который держал в руках Артем. – Все мы, молодые, незамужние женщины, ждали его целый год и еще задолго начинали готовить себе праздничные тонкито, прихорашивались, как могли придумывали новые прически. А когда наступал праздник... Да завтра сам увидишь! Это же единственный день в год, когда мы собираемся все вместе. И не под землей, а на зеленом лугу, у озера. Там уже сегодня, наверное, строят большой навес, ставят длинные столы, скамейки. А сколько там будет всякой еды, питья! Но самое главное – бег молодых мужчин вокруг озера. Они бегут наперегонки, и те, кто прибегут первыми, выбирают трех распорядительниц праздника, одну главную и двух ее

помощниц. Это так красиво, Артем! Все молодые женщины встанут в ряд, а победители-мужчины возьмут венки из цветов и возложат и на головы своих избранниц. Это большая честь для них. В течение всего праздника этим девушкам подчиняются все кто придет на озеро, даже сам Мудрейший из Мудрейших. А главное – каждый из победителей может потом попросить старшего позволить взять свою избранницу в жены.

– Постой, тетушка О-Горди! Как это просить старшего позволить? А разве без его разрешения молодые люди не могут пожениться?

– Ни в коем разе! Тут слово старшего – закон! А как же иначе? Мало ли кому что в голову взбредет? Я вот помнится, еще девчонкой была, приглянулся мне один пастушок. Славный такой, веселый. Погуляли мы с ним, побаловались, пошли к старшему – в ту пору им еще О-Дрей был – а он и говорит: нет, О-Горди, приготовил я тебе другого жениха, постарше, посамостоятельнее. Ну и поженил нас. Поначалу я даже серчала на него: жалко пас тушка было. А потом – ничего. Всю жизнь прожили. Тихо мирно, как дай всякому. И если бы не та болезнь... Да что теперь об этом! Так вот, выберут, значит, трех распорядительниц, и поведут они всех за стол, укажут, кому где сидеть. Перечить им не смей! Иной раз так рассадят, что потом разговоров на все лето. Помню, однажды посадили меня с тем самым пастушком. Он тогда уж и семьей обзауелся. А как сели мы рядышком да вспомнили наши шалости по темным закоулкам... Эх, и праздничек был в тот был! Но это так, к слову...– вздохнула старушка и, вытерев тряпочкой глаза, продолжала.– Ну, рассадят, значит, всех за стол. И ешь, пей, сколько чего хочешь! И разговоры разные... Так хорошо!

Ну, а после? – заинтересовался рассказом старой женщины Артем.– Что бывает после?

– Что после? Все! Чего же еще?

– Так ведь праздник! А где же песни, танцы?

– Какие песни, танцы? Я и слов таких отродясь не слышала.

– Ну да...– смутился Артем, поймав себя на том, что Машинально употребил два русских слова. Так у него получалось частенько. Но эрхорниоты понимали Артема. То ли потому, что догадывались по смыслу того, что он говорил, то ли он мог удачно помочь себе жестами и мимикой. Но сейчас надо было объяснить тетушке О-Горди значение непонятных слов.

– Песня это... Как тебе сказать? Это, когда человек не просто говорит, а растягивает слова и плавно так, красиво меняет высоту голоса...

– А зачем нужно растягивать слова?

– Я говорю, красиво это, радует слух. Или вот, скажем, когда наши женщины укладывают ребенка спать, они мс просто говорят с ним, а напевают ему. Вот так: «Спи-и, оыно-о-чек, сладко-о, сладко-о»– пропел он первое, что пришло в голову.

Тетушка О-Горди вздрогнула. Глаза ее расширились. В них мелькнули то ли грусть, то ли боль.

– А ну-ка еще, сынок.

Артем запел дальше. Старушка прикрыла глаза, сильно наморщила лоб. Она явно старалась что-то вспомнить. Артем допел до конца:

– Ну, как? Теперь понятно?

О-Горди молчала, словно ушла в себя, вернулась куда-то в далекое прошлое.

– А твоя мать не певала тебе так? – догадался спросить Артем.

Она очнулась:

– Мать – нет. А вот бабушка... Да, я припоминаю...

припоминаю... Когда я была совсем еще крошкой, бабушка, как это ты сказал... пела мне. Только тихо-тихо. И лишь тогда, когда никого, кроме нас, не было. Похоже, она боялась петь...

– Боялась?! Почему? Кого?

– Кого можно у нас бояться, Мудрейших, наверное...

– Но почему? Они запрещали людям петь?

- Не знаю. Это ведь было так давно. И я была такой маленькой. Видно, так повелевал Великий завет...
- Опять этот Завет! Да отчего бы ему запрещать петь?
- Не знаю. Только хорошо вспоминаю теперь: бабушка боялась петь. А больше никто никогда у нас не пел. Одна бабушка. Да и зачем петь? Эти, как ты сказал, песни берегут душу. Я вот чуть не расплакалась сейчас. Нет, на празднике у нас не поют. Посидят, поедят, посмотрят друг на друга, поговорят о том, о сем. И все. Гляди-ка, всю шерсть смотали! И не заметили как. С разговорами-то.
- Да, конец! – Артем быстро распустил оставшийся от клубка моточек, посмотрел, куда бросить заложенную внутрь него бумажную основу: в комнатке старушки, не пример другим, всегда была идеальная чистота.
- Ну, спасибо тебе, сынок! – тетушка О-Горди укре пила катушку с пряжей на станке, снова под села к Артему. – Так о чем мы с тобой говорили?... Да, о завтрашнем празднике! Так вот, соберутся там и стар и млад. А уж дев чонки, что заневестились, все, как одна, явятся. Ты и смотри! Может, какая придется по сердцу. Тебе-то старшей любую отдаст, я знаю.
- Нет, тетушка О-Горди, рано еще мне заводит! семью. – Артем машинально расправил на ладони скомканный бумажный комочек, и вдруг его словно обожгло: откуда здесь бумага?!
- Тетушка О-Горди, это что?
- Это? А-а, пустяки. Это то, на что клубок навивали. Пряжа-то тонкая, сразу клубок не начнешь. Вот и приходится брать, что под руку попадется.
- . – Но это же бумага. Бумага! На ней даже что-то написано. Это обрывок книги или газеты.
- Какая книга? Какая газета? Ничего такого у нас нет. И отродясь не бывало. Да что тебе дался этот мусор? Мало ли что попадется под руку прядильщице. И когда это было! Шерсть-то давнишняя. Давай, я выброшу.
- Ну, нет, тетушка О-Горди, этому мусору цены нет. И засиделся я у тебя. Пора на занятие к О-Стелли
- Ну, ступай, ступай. Да не забудь, что я сказала. О празднике-то.
- Но Артему было уже не до праздника. Он сразу прошел к себе в шатер и, едва дождавшись своей наставницы, положил перед ней найденное сокровище:
- О-Стелли, что это? Как могло попасть сюда, к вам и котловину?
- Она заметно нахмурилась:
- Где ты взял это?
- В старом клубке пряжи, который мы распутывали О-Горди.
- Нашел, чем заниматься! Но что тебя так удивило?
- Так это же обрывок книги!
- Возможно. Почему не допустить, что у наших предков были книги.
- Значит, у вас есть письменность? Значит, вы можете писать и читать? Почему же все ваши люди неграмотны?
- О-Стелли усмехнулась:
- Не слишком ли много вопросов сразу? Задавать вопросы всегда легче, чем отвечать. Но я попробую удовлетворить твое любопытство. Да, у наших предков была письменность. Наши предки могли писать и читать. Но это было слишком давно. Нынешние эрхорниоты действительно не тают грамоты. Просто потому, что у них нет в этом необходимости. Им нечего читать: у нас нет теперь ни од-иной книги. Им незачем писать: при нынешнем образе жизни они вполне обходятся разговорным языком, в крайнем случае используют рисунки на олоотоо. Жизнь предков была по-видимому, иной.
- Но кто они, все-таки, ваши предки?
- Я уже говорила, что не смогу ответить на этот вопрос.

- Хорошо. Тогда еще один, может быть, не совсем скромный: ты сама знаешь эрхорниотскую грамоту?
- Да, – коротко ответила О-Стелли.
- А если я попрошу тебя научить ей и меня?
- Что же, это совсем не сложно. Если хочешь, сегодня и начнем. Только что это тебе даст?
- Мне лично – ничего. Но, если уж мне суждено остаться здесь, я научил бы грамоте ваших детей...
- Зачем? – приподняла брови О-Стелли.
- Затем, чтобы если не они, то хотя бы их дети снова написали книги, стали поэтами, художниками, научились делать станки, машины...
- Здесь, в этой отгороженной от всего мира дыре? Какой ты мечтатель, Артем! Здесь приходится думать об одном: как бы выжить. Только выжить!
- Выжить – ради чего?
- Не знаю... Я как-то не думала об этом. – О-Стелли пожала плечами. – Может быть, ради детей...
- Ради детей? Детей, которые лишены у вас всяк медицинской помощи, которые с ранних лет ковыряют палками землю в огородах, которые не знают никаких радостей, кроме еды и сна, которым не о чем даже мечтать. Эх, О-Стелли, уж если жить ради детей...
- То что же?
- То хоть научить их грамоте, раскрыть глаза на окружающий мир, заронить им в душу искру дерзания. Д.ч им будущее! Неужели ты не видишь, не чувствуешь, что ваша община умирает?
- Наша община умирает?! Ты слишком сгущаешь краски, Артем. Хотя... В чем-то ты, может, и прав... вспомнила сейчас дочку О-Регги, своего мальчика-посыльного и вообще... Обо всем этом надо, конечно, подумать. Что же касается твоего предложения, учить детей грамоте... Я поговорю об этом с дедом. Только не сегодня и завтра. Завтра у нас большой праздник...
- Я знаю, мне сказала О-Горди.
- И посвятила тебя в то, что там будет?
- В общих чертах.
- А ты не собираешься принять участие в состязании мужчин?
- Нет, конечно.
- Глаза О-Стелли брызнули насмешливым огоньком:
- Ты считаешь себя стариком? Или там, в твоём большом мире, ты никогда не бегал и не плавал?
- Почему же, там я бегал и плавал, но... Завтра это будет, как я понял, не просто состязание. Кое для кого в них будет решаться сама судьба. В такой деликатной ситуации мне будет просто неудобно вступать в противоборство с вашими мужчинами.
- А если я попрошу тебя?.. – неожиданно заявил О-Стелли с какой-то загадочной улыбкой.
- Ты попросишь меня?! – не смог скрыть удивления Артем.
- А почему бы нет. Мне было бы очень интерес и увидеть, как ведут себя в подобных случаях мужчины вашего мира. Но ты волен, конечно, поступить как хочешь.
- Не знаю, право... – вконец смутился Артем.
- Хорошо, не будем терять время на такие пустяки... И уж коль ты, в самом деле, загорелся желанием научиться грамоте эрхорниотов, займемся нашей немудрящей азбукой. – О-Стелли мгновенно стерла с лица последние следы улыбки и решительно потянулась к олоото, словно стараясь подтвердить, насколько пустячным и не стоящим внимания был их разговор о празднике. Однако именно эта нарочитая поспешность невольно наводила на мысль, что разговор о предстоящем состязании был затеян не случайно. О-Стелли почему-то действительно хотелось, чтобы он принял в нем участие. Но зачем ей это нужно?

Эта мысль не оставляла Артема и на следующий день, когда он, с трудом укротив буйно разросшуюся шевелюру и приведя по возможности в божеский вид успевший пообтрепаться костюм, направился на южный берег озера, откуда неслись нестройные звуки праздничной суеты.

Утро было великолепным. Солнце, поднявшееся из-за гор, быстро рассеяло повисший над озером туман, и теперь оно блестело, как громадная капля ртути. Трава на островах и по берегам еще отсвечивала жемчужной белизной, но здесь, на небольшом пригорке, где под высоким, пестро раскрашенным тентом собралась уже изрядная толпа участников праздника, от росы не осталось и следа.

Это было впервые, если не считать «субботника», когда перед глазами Артема предстала почти вся община эрхорниотов, и он с особым интересом присматривался к каждой группе мужчин и женщин.

Самой многочисленной была группа пожилых эрхорниоток. Они сидели, сбившись плотной массой, с торжественно отрешенными лицами, изредка перебрасываясь короткими фразами и с кажущимся любопытством оглядывали каждого вновь прибывшего на праздник. Однако и это делалось скорее по привычке. Ни одной светлой искорки не вспыхивало в потухших глазах. Чувствовалось, что все здесь давно в прошлом. И сам этот день будил в памяти старушек лишь горькое сожаление о несбывшихся надеждах.

Неподалеку от них расположился кружок пожилых мужчин. Тут, напротив, шел оживленный разговор, но, судя по выражению лиц, отнюдь не на веселую тему. Будто пришли старики не на праздник, а на деловой сход. Видно, жизнь под землей и однообразный изнурительный труд в мастерских и на пастушеских кордонах не очень располагали к веселью.

Девушки и молодые женщины сгрудились вокруг небольшого стола со сладостями. Здесь обстановка была более непринужденной. Изредка слышался даже негромкий смех. Но и тут не чувствовалось настоящего праздничного настроения. Девушки будто стыдились показаться веселыми или боялись, что их осудят за это. Во всяком случае, было в их словах, жестах что-то неживое, неискреннее, как в плохом любительском спектакле. Даже дети, мелькавшие в толпе женщин, выглядели уставшими от жизни старичками.

И только молодым мужчинам, заметно возбужденным, с горящими от волнения глазами, не стоялось на месте. Разбившись на пары или небольшие группы, они медленно прохаживались под тентом, поглядывая на девушек, или, отделившись от общей толпы, сходили вниз, к самому озеру, и даже опускали ноги в воду, пробуя, насколько она холодна.

Артем понимал, что все они взволнованы предстоящим состязанием. Но дело было не только в этом. По сложившейся здесь традиции большая часть молодых мужчин почти постоянно находилась на дальних пастбищах, в то время как девушки оставались в подземных мастерских или работали на полях и в огородах. Виделись они редко. Поэтому такие вот праздники были своего рода смотрами для тех и других, хотя право выбора принадлежало, очевидно, только мужчинам, да и они могли лишь просить Мудрейшего из Мудрейших разрешить взять свою избранницу в жены. Впрочем, как уже знал Артем, победа в состязании давала большой шанс, поэтому возможность войти хотя бы в тройку победителей была заветной мечтой каждого молодого эрхорниота. Стоило ли удивляться, что все они так волновались перед забегом.

Но вот под тентом появился О-Брайн. Все разговоры разом смолкли. Он хлопнул в ладоши, и желающие принять участие в состязании столпились вокруг Мудрейшего из Мудрейших. Артем не слышал, о чем он говорил с молодыми людьми, но видел, как те дружно закивали головами и, как по команде, обернулись в его сторону. Артем хотел тут же скрыться в толпе, однако О-Брайн махнул ему рукой, давая знак подойти поближе. Пришлось подчиниться.

– Добрый день, Артем! – обратился к нему О-Брайн. – Я рад видеть тебя на нашем празднике и от себя лично и от имени моих соотечественников приглашаю принять участие в традиционном состязании молодых мужчин. Ты стал членом нашей большой семьи, тебе долгие годы предстоит жить с нами и пора привыкать к обычаям и традициям наших людей. Я не знаю, захочешь ли ты со временем завести свою маленькую семью, это твое личное дело. Но помериться силой и ловкостью со своими новыми братьями, а может быть, и принять участие в выборе приглядевшейся тебе девушки ты можешь уже сейчас. Мы все просим тебя.

Артем снова вспомнил вчерашний разговор с О-Стелли. Ясно, что это она надоумила О-Брайна предложить ему принять участие в состязании. Но отказываться теперь было бы по меньшей мере неприлично.

– Хорошо, благодарю вас, я побегу, – кивнул он О-Брайну и в тот же миг увидел О-Стелли. Она стояла в кругу девушек-претенденток на титул распорядительниц праздника и, видимо, собиралась, как и все они, попытать счастья получить заветный венок. Этого Артем не ожидал. Не хватало еще выиграть забег и увенчать О-Стелли веником. То-то взъярился бы ее женишок. Кстати, он тоже, кажется, собирается принять участие в забеге. Нет, пусть уж сам Мудрейший благодетельствует свою нареченную. Он, Артем, и не подумает вступать между ними. Но за каким чертом понадобилось О-Стелли ввязывать его в это идиотское состязание? Чтобы выставить в смешном виде перед своим женихом? Нет, этого он тоже не допустит! Но что же делать? Как вести себя во время забега? Жаль, что он смалодушничал и не отказался от предложения О-Брайна. Но теперь уже поздно. Тот успел похлопать Артема по плечу и отойти в сторону, бросив на ходу:

– О-Бирнс, объясни нашему молодому другу условия состязания.

– Условия простые, – отозвался высокий симпатичный юноша, беря Артема под руку и направляясь в специально раскинутый шатер, где им предстояло переодеться. – Бежит кто как может и кто где хочет. Хочет, – вдоль самой кромки воды, хочет, – подальше, вдоль опушки леса. Первый путь короче, но труднее: берег местами слишком зыбкий. Второй – легче, суше, но – сам понимаешь – значительно длиннее. Однако главное – все эти бухточки, заливы: они удлиняют путь чуть не вдвое. А преодолевать их можно тоже кто как хочет: и вплавь и вброд и просто обегая кругом. Важно прийти первым к исходной точке. Ну заходи, переодевайся скорее, а то опоздаем.

В шатре, действительно, не было уже ни души. Задержав полог, О-Бирнс сбросил тонкитю и надел что-то вроде узкой набедренной повязки, перехваченной тонким кожаным ремешком. Затем натянул плотные шерстяные носки, подбитые деревянной подошвой и водрузил на голову некое подобие берета. Артему ничего не оставалось, как последовать его примеру. Но до чего же смешным показался он себе в этом странном одеянии!

Однако это было еще не все. Одетым таким образом «спортсменам» предстояло вернуться под тент и обменяться с претендентками на титул распорядительниц праздник.: традиционным эрхорниотским приветствием, то есть коснуться друг друга ладонями вытянутых рук. А ведь среди них была О-Стелли! Подойдя к ней, Артем готов был провалиться сквозь землю от стыда за свой «олимпийский» костюм. Однако О-Стелли не только улыбнулась ему, как никогда прежде, но еще и тронула кончиками пальцев его подбородок, как бы говоря: «Выше голову, Артем!»

Наконец все приготовления закончились. О-Брайн поднял руку. Девушки тотчас смешались с толпой, а участники состязания спустились к подножию пригорка, выстроились в линию и по сигналу О-Брайна устремились вперед.

Забег начался. Но как вести себя дальше? Вложить ли в борьбу все, на что он способен, или отдаться воле случая? Взвесив еще раз все «за» и «против», Артем решил не делать ни того, ни другого: ни в коем случае не бороться за первенство, но сделать все возможное, чтобы не оказаться в числе последних. Поэтому, не зная оптимального маршрута и способностей всех бегущих, он счел за лучшее выбрать кого-нибудь из лидеров и, не отставая, бежать за ним.

Впрочем, первые сотни метров все бежали сплошной массой и в таком темпе, какой не требовал от Артема ни малейшего напряжения. Он начал даже подумывать, что эрхорниоты вообще не умеют бегать и все состязание превратится для него в сплошной нелепый фарс. Но так продолжалось недолго. Стоило миновать крутой подъем, как трое из бегущих резко увеличили скорость и сразу вырвались вперед. Это были О-Бирнс, О-Гейм и какой-то незнакомый Артему рыжеватый мужчина.

«Ну, так вас ненадолго хватит!»— усмехнулся Артем. Он также увеличил темп, ни мало не сомневаясь, что это всего лишь кратковременный рывок.

Однако на следующем подъеме все трое не только не снизили скорость, но побежали еще быстрее. Это бы уже сверх всякого ожидания. Артем понял, что жестоко ошибся в оценке своих соперников: все они были, видимо, отличными бегунами, и ему придется изрядно попотеть, чтобы не опозориться на финише. В самом деле, темп бега не снижался теперь ни на секунду.

«Что тут удивительного, это же потомственные пастухи»,— вспомнил Артем в свое оправдание. Но теперь ему приходилось напрягать все силы, чтобы не отстать от лидирующей тройки.

А вот и первый залив, узкий, шага дна в ширину, но с вязкими заболоченными берегами. Все трое перепрыгнули его не сбавляя темпа.

«Ловко!»— отметил про себя Артем и попытался так же с ходу преодолеть это первое, не очень значительное препятствие. Но те, трое, видимо, точно знали место, где следовало оттолкнуться от берега. Артем же соблазнился самым узким местом, ноги его завязли, хорошего толчка не получилось, и он плюхнулся в воду. Благо, залив оказался неглубоким, выбраться из воды не составило труда. Но разрыв между ним и лидерами увеличился на добрый десяток метров.

Артем начал входить в азарт. Нет, он по-прежнему не собирался прибежать первым. Но отстать от О-Гейма... А разрыв все увеличивался и увеличивался. Да и бегущие сзади начали наступать на пятки. Двое из них бежали уже вровень с Артемом. Он попытался снова увеличить скорость. Но все напрасно! Те трое приближались уже ко второму заливу.

Артем окинул его взглядом. Залив был достаточно широк, по-видимому, довольно глубокий, и вдавался и берег не менее чем на сто пятьдесят—двести метров. Как поведут себя здесь соперники Артема: бросятся вплавь или пойдут в обход? Это было очень немаловажное обстоятельство: когда-то Артем имел первый разряд по плаванию, и едва ли кто из эрхорниотов сможет обойти его на воде. Да, только это и могло помочь ему вновь сравняться с лидерами. А если они плавают не хуже него?..

Но нет, О-Гейм и рыжебородый, обставившие теперь О-Бирнса, резко свернули в сторону и пошли вдоль берега залива.

«Прекрасно!»— мысленно воскликнул Артем. Теперь эти двое не страшны. Можно сбавить темп и немного передохнуть. Однако О-Бирнс продолжал бежать к заливу. Что он, собирается плыть? Да, подбежав к берегу, наставник Артема на миг замешкался, словно не решаясь ступить в воду, затем решительно прыгнул и поплыл.

«Что же, это даже лучше,— подумал Артем.— В противном случае было бы не совсем удобным воспользоваться этим правом одному».— Он с ходу последовал за О-Бирнсом и, легко обойдя юношу уже на первых метрах, в считанные минуты достиг противоположного берега.

Но что это? Сзади послышался крик. Крик о помощи!

О-Бирнс? Артем живо обернулся: юноша, не проплыв и половины пути, отчаянно махал рукой, явно не в силах плыть дальше. Артем, не раздумывая, бросился к нему, подхватил под руку, с трудом выволок на берег. О-Бирнс тяжело дышал, руки его дрожали, лица покрыла мертвенная бледность.

— Что с тобой, друг?— склонился над ним Артем

— Чуть не утонул... Я же совсем не умею плавать.

– Зачем же поплыл?

– Очень хотел опередить того, рыжебородого. Он же... Он давно уже пялит глаза на мою О-Кристи. И если ему удастся прийти раньше меня... Если Мудрейший из Мудрейших поженит их... То лучше мне не, жить, Артем.

Артем перевел глаза на соперника О-Бирнса. Тот уж обогнул залив и нога в ногу с О-Геймом стремительно приближался к берегу озера. Но путь к финишу был еще не близок.

– Ничего, друг! Вставай, бежим! Мы еще посмотрим, кто кого!

– Нет, теперь уже все, – обреченно махнул рукой О-Бирнс. – Этот заплыв отнял у меня все силы. Беги дальше, Артем. Беги, ты еще обставишь их. А я...

– Ну, хватит ныть! – Артем рывком поднял его за руку. – Мужчина ты в конце концов или нет? Да если бы видела тебя сейчас твоя О-Кристи... А ну – вперед!

Они снова побежали вдоль берега. Но те, двое, срезав угол между заливом и озером, опережали их теперь метров на тридцать и расстояние это продолжало возрастать. Встретившиеся вскоре на их пути два заливчика оказались слишком мелкими, все четверо проскочили их вброд.

А финиш был уже совсем близко. По сути дела они выходили на последнюю прямую. Победа тех двух, казалось, предрешена. Нечего было и думать преодолеть столь большой разрыв на оставшихся сотнях метров. Да для самого Артема это по-прежнему не имело ни малейшего значения. Но О-Бирнс! Бедный О-Бирнс! Артем видел, как он судорожно хватается ртом воздух, стараясь выжать из себя последние силы. Но все впустую. Счастливые соперники уходили все дальше и дальше. Особенно О-Гейм. Артем не мог не отдать должного его тактическому расчету. Он сознательно приберег силы на конец дистанции и теперь уверенно наращивал скорость, тогда как все его соперники, в том числе и рыжебородый, могли лишь еле-еле поддерживать прежний темп.

Но вот и последний подъем. Последний пригорок, за которым откроется праздничный навес и толпа ожидающих их эрхорниотов. Как волнуется там, наверное, бедняжка О-Кристи. Как молит судьбу, чтобы ее возлюбленный смог возложить ей на голову заветный венок. И какой удар ее ждет.

«Нажми, О-Бирнс! Нажми хоть сейчас, на этом подъеме!» – мысленно подбадривал он бегущего рядом юношу. Но где там! Головы лидеров уже скрылись из глаз. Теперь они на спуске. Бегут, наверное, так, что только пятки сверкают.

Сжав зубы, Артем рывком поднялся на пригорок и чуть не вскрикнул от неожиданности: прямо перед ним, в каких-нибудь двух-трех десятках метров, блестела на солнце широкая лента воды. Залив! И, видно, глубокий. Потому что лидирующая пара успела свернуть в сторону, торопясь обогнуть эту последнюю преграду. Но ведь это шанс!

– О-Бирнс, давай прямо! – крикнул он, не сбавляя хода. – Проскочим вплавь!

– Нет, как можно, я утону.

– Не утонешь, я помогу тебе!

– Нет-нет, я боюсь. Тут глубоко, а я... – он с тоской взглянул на залив, потом на удалявшихся соперников и в замешательстве застыл на месте.

– Да слушай, что я тебе говорю! – взорвался Артем и, схватив юношу за руку, силой повлек его вниз по склону. – Я отличный пловец, ты же видел. Ухватишься мне за плечи, и проскочим залив в одно мгновение. Ну!

Больше О-Бирнс не сопротивлялся. Вернувшаяся надежда будто влила в него новые силы. Они без труда преодолели залив и, выбравшись из воды, готовы были кричать и смеяться от восторга. Артем радостно похлопал молодого эрхорниота по спине:

– Ну, теперь кто кого?

– Идет! – весело отозвался О-Бирнс.

Артем скосил глаза вправо: О-Гейм с рыжебородым едва успели обогнуть залив. У них с О-Бирнсом оказалось в запасе не меньше двух-трех минут. Но им уже окончательно овладел азарт борьбы. Благо вода освежила его. И последние сотни метров он пролетел, как ветер, видя перед собой только длинную тонкую планку, которую держали перед

входом под тент два подростка и которую, как ему сказали, он должен был поднять над головой и, пронеся ее перед всеми собравшимися, торжественно вручить самому Мудрейшему из Мудрейших.

Все последующее промелькнуло как во сне. Положив планку на стол, за которым восседал О-Брайн, он неловко поклонился ему и остановился в полной растерянности, не зная, что делать дальше. Однако Мудрейший из Мудрейших, на лице которого Артем ни разу не видел даже улыбки, неожиданно рассмеялся и сказал:

– Сегодня ты не мне кланяйся. Сегодня я здесь - никто. И от тебя самого, от твоего выбора будет зависеть, кому все мы будем поклоняться.

Артем снова в нерешительности оглянулся. Но тут же одна из пожилых женщин, видимо, приближенная О-Брайна, вложила ему в руки большой венок из живых цветов и подвела к выстроившимся как на параде претенденткам на роль распорядительниц праздника. Их было человек пятнадцать, смущенных, застенчиво улыбающихся, с трепетом ждущих, на кого из них падет выбор победителя. Были среди них и красивые и даже очень хорошенькие. Но Артем решительно не знал, кому отдать предпочтение. Этой вот, высокой, стройной, с черными печальными глазами и крохотной ямкой на подбородке? Или той, маленькой, светловолосой, не поднимающей глаз от смущения?

И вдруг его словно пронзило током. А если выбор падет на О-Кристи? Ведь он понятия не имел, кто из них возлюбленная О-Бирнса. Но тогда он нанесет О-Бирнсу тот самый удар, какого молодой эрхорниот так боялся со стороны рыжебородого. И это после того, как он, Артем, сделал все, что мог, для счастья нового друга. Как же быть? Если бы хоть одна из претенденток была ему знакома, и он точно знал, что это не О-Кристи. Впрочем, одну из них он знал. Это была его наставница. Но возложить венок на голову О-Стелли...

Однако что еще оставалось делать? Артем оглянулся по сторонам в надежде, что может хоть кто-нибудь подскажет, как выйти из затруднительного положения. Но все кругом, затаив дыхание, смотрели на него, ожидая долгожданного выбора. Тогда он шагнул к О-Стелли и, точно ныряя в омут, возложил венок на ее милую аккуратно причесанную головку. Гул одобрения пронесся под тентом. Дождь живых цветов обрушился на Артема и его избранницу. А та, зардевшись до кончиков ушей, смогла лишь тихо прошептать по-русски:

– Спасибо, Артем. Я так боялась, что не исполнится моя мечта...

Но это услышал только он. Ибо по всем правилам неписаного этикета избраннице на роль распорядительницы следовало выразить удивление и сказать, что она никак не ожидала такой высокой чести, и все собравшиеся несомненно так и перевели непонятные слова Мудрейшей. Л Артем? Он был просто сбит с толку сказанным О-Стелли.

«Ее мечта?! Как это понимать? Конечно, ей, как и всем, очень хотелось и не могло не хотеться стать обладательницей венка главной распорядительницы праздника. Но разве не приятнее было бы получить его из рук своего жениха? Вон как переживал за это О-Бирнс. Или Мудрейшим – «закон не писан»? Ну да бог с ними с обоими!» – Артем хотел тут же откланяться и отступить в толпу. Однако возложение венка было, оказывается, лишь началом ритуала. Согласно тем же правилам этикета, о чем не преминула напомнить женщина, подавшая Артему венок, он должен был взять теперь О-Стелли на руки и отнести ее к специальному, увитому цветами «трону», откуда главная распорядительница вместе с двумя помощницами будет в течение всего дня отдавать приказания своим «подданным».

Взять О-Стелли на руки! Обнять девушку за талию, коснуться ее бедер! Артем даже в мыслях не мог позволить себе ничего подобного. Уж не смеется ли над ним старая плутовка? Но все вокруг, казалось, только и ждали, когда он сделает это. А О-Стелли уже подалась ему навстречу, и, обхватив за плечи, готова была оторваться от земли:

– Ну, что же ты? Боишься, не хватит сил поднять меня на руки? – рассмеялась она знакомым счастливым смехом. – Там, в тоннеле, после наводнения, ты был смелее...–

Смеющееся лицо девушки приблизилось к самым его глазам, и Артему ничего не оставалось, как подхватить ее за спину и чуть повыше колен и прижать к своей груди.

Все произошло так неожиданно и быстро, что в первое мгновение он едва сообразил, что, собственно, произошло. И лишь секунду спустя, ощутив тепло трепетного девичьего тела и почувствовав, как тонкие гибкие руки О-Стелли обвились вокруг его шеи, он понял, что только об этом, не признаваясь даже себе самому, он и мечтал все последнее время и что никогда в жизни не было у него минуты более счастливой, чем эта.

Медленно, стараясь как можно дольше растянуть неожиданно свалившееся счастье, пронес он девушку сквозь расступившуюся толпу, бережно опустил на приготовленный ей «трон» и, не думая уже ни о каком этикете, подчиняясь лишь собственному чувству и желанию, преклонил перед ней колени и прижался губами к тонким вздрагивающим пальчикам.

Гул одобрения вновь пронесся по обступившей их толпе. Но каким взглядом ожег Артема только что прибежавший О-Гейм! Ясно, что отныне и навсегда он обрел в нем смертельного врага, врага мстительного, беспощадного. Но даже это не смогло погасить в нем чувства беспредельной радости. И чтобы не расплескать это новое никогда не испытанное чувство здесь, среди шумно толпы, Артем поспешил скрыться в «раздевалку».

Здесь он не спеша переоделся в свой костюм и, присев на низкую скамеечку возле входа, начал снова перебирать в памяти все детали только что пережитых мгновений. Снаружи, сквозь тонкие стенки шатра доносились все новые и новые взрывы возгласов. Там, под тен том, видимо, чествовали О-Бирнса и О-Кристи, потом О-Гейма или рыжебородого с какой-то ошарашенной ими избранницей. Но Артем потерял к этому всякий интерес. Все самое интересное для него закончилось. И главное – он отлично отдавал себе в этом отчет – никогда больше не повторится...

Вдруг входной полог шатра раздвинулся увидел сияющее лицо О-Бирнса.

– Артем! Ты почему здесь? – искренне удивился молодой человек. – И даже переоделся! Зачем? Пусть все видят победителей! А ты молодец! Поставить в глупейшее положение О-Гейма! Все только об этом и говорят. Его же никто не любит. Ни один эрхорниот! Потому все и взвыли от восторга, когда ты выбрал О-Стелли. Какой он теперь жених?! Даже с праздника убежал. От стыда подальше! А О-Стелли, по-моему, рада-радешенька. Честное слово, рада! Вот бы тебе на ней жениться! Правда, Мудрейший из Мудрейших, говорят, давно обещал ее О-Гейму. Да ведь...

– Чудак! – остановил его Артем. – Я выбрал Мудрейшую только потому, что боялся надеть венок на голову твоей О-Кристи. Я же не знаю ее. И вообще никого из девушек, кроме О-Стелли, не знаю.

– Да?..

– Конечно! Хорош бы я был, если б после всего отнял у тебя невесту.

– Вон оно что. А я думал... Но все равно, здорово получилось. Мой отец до сих пор не пришел в себя от радости.

– Твой отец?

– Да. Я же сын О-Гримма. Ты его знаешь.

– Как не знать. Отличный старик.

– Все говорят, что, отличный. Но ты, Артем... Век тебя не забуду! Ведь теперь мы с О-Кристи...

– Когда же ты познакомишь меня со своей невестой? – перебил его Артем.

– Так я за этим тебя и ишу. Она приказала! Веди, говорит, нашего спасителя сюда! А ее слово сегодня – все!

– Ну, что же, пойдем, раз приказала, – охотно согласился Артем: это был хороший предлог вновь увидеть О-Стелли. Он был уверен, что все три распорядительницы сидят на своих «тронах». Но все оказалось совсем не так. «Троны» были давно пусты. «Официальная» часть праздника закончилась. Он перенесся теперь на прибрежную поляну, где заранее

были сооружены устланные скатертями столы, сплошь уставленные всевозможными яствами и напитками. Все участники торжества, мужчины и женщины, старые и молодые, сидели теперь за этими столами, усердно расправляясь с кушаниями.

Нечего было и думать найти в этих бесчисленных рядах белое тонкито О-Стелли. Да и О-Кристи тоже. Однако спутник Артема довольно быстро вывел его к столу, за которым в группе девушек сидела его невеста. Это была та самая черноглазая смуглянка, на которую Артем чуть было не надел венки. Теперь голова ее была исе-таки увенчана венком. Но то был венок его молодого друга.

– Так вот ты какая, О-Кристи! – приветствовал ее Артем. – Рад с тобой познакомиться.

– И мы рады тебя видеть, дорогой хороший чужеземец Артем. Садись к нам за стол, попробуй наших угощений, – она протянула ему, как принято, обе руки, и он невольно вздрогнул, ощутив большие грубые мозоли на пухлых ладошках совсем еще юной девушки. И она, видимо, почувствовала это, потому что поспешно отняла руки и спрятала их под стол.

«Что же ты так застеснялась, милая глупышка?» – мысленно усмехнулся Артем, все больше проникаясь теплым участием к избраннице своего нового друга, и, видя, что та не перестает прятать руки, снова взял ее за пальцы и поцеловал в жесткие наросты, вьевшиеся о нежные подушечки ладоней.

– Ну, зачем так?.. – окончательно смутилась О-Кристи. – Это от веретена... У всех нас, пряильщиц, та кие отметины. И ничего с ними не сделаешь, как ни старайся. Подружкам нашим, ткачихам, ты здорово помог, А ведь мы тоже...

– Да, надо бы подумать и о вас, – не мог не согласиться Артем. – Вижу, как достается вашим бедным рукам.

– Если бы только рукам! – вздохнула О-Кристи. – Да что мы все о наших горестях? На празднике-то! Садись, поешь с нами, дорогой чужеземец Артем. Не каждый день увидишь такой богатый стол. А нынче Мудрейшие что-то особенно расщедрились.

– Да, в самом деле, – поспешил согласиться Артем, поняв, что все эти женщины, по-видимому, действительно, могут лишь раз в году позволить себе поесть вволю такой вкусной, хорошо приготовленной пищи.

Он оглянулся кругом. За всеми столами повисла почти благоговейная тишина, нарушаемая лишь стуком деревянной посуды да редкими возгласами восторга по поводу столь обильного угощения. Но неужели О-Горди была права, и только в этом заключается весь их праздник? Осторожно подбирая слова, он попытался выяснить это у сидящих рядом девушек. Но те даже не поняли его.

– А что может быть еще? – удивленно пожала плечами О-Кристи. – Только мы долго еще будем здесь сидеть. Поговорим, порадуемся солнышку, отдохнем от наших проклятых веретен. Не уйдем, пока не опорожним всю посуду. Верно, девушки?

Те оживились, согласно закивали головами.

– А как празднуют там, в вашем большом мире? – снова заговорила О-Кристи.

– Как празднуют у нас? – задумался Артем. И вдруг его осенила дерзкая отчаянная мысль. – Сейчас я покажу вам кое-что. Посидите, подождите меня здесь.

11

Артем прошел к себе в шатер. И вскоре вернулся с найденным им музыкальным инструментом:

– Видели вы такую вещь? – спросил он, снова подсаживаясь к своим новым знакомым.

– Нет, а что это такое? – сразу обратились к нему десятки любопытных глаз. – Ты сделал еще какой-то станок?

– Разве это похоже на станок? – невольно рассмеялся Артем. – Нет, это совсем другое. И сделал эту вещичку не я. Я нашел ее здесь, у вас, во время прошлой большой уборки. А что это такое? Вот, послушайте! – Артем поудобнее устроился на скамье и осторожно прошелся по струнам. Мягкий мелодичный перезвон прося по поляне. Струны словно

приглашали к раздумью. Все насторожились. Секундная пауза. И вот уже лавина звуков, гордых и мятущихся, радостных и грустных, сказочно-чарующих и больно щемящих душу, обрушилась на головы тех, кто с рождения не слышал иной музыки, кроме шума ветра да шелеста листьев на деревьях. Глубокая тишина мгновенно воцарилась на поляне. Люди, казалось, перестали дышать.

А Артем, еще раз проиграв вступление к любимой песне своей юности, неожиданно для себя запел тихим задушевым голосом:

*«Я люблю тебя, жизнь.
Что само по себе и не ново. Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова...»*

Петь Артем любил. И получалось это у него неплохо. В студенческие годы он участвовал даже в самодеятельной капелле. Но выступать перед такой ауди-юрией... Однако голос его, вначале несмелый, с хрипотцой, постепенно окреп, обрел уверенность и силу. Он сам увлекся любимой песней и, сильно ударив по струнам, дал волю нахлынувшему вдохновению.

Песня лилась, ширилась, как вышедшая из берегов река. Струны звенели все громче, все призывнее. Голос певца гремел теперь над всей поляной.

*«...Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!»—*

с чувством пропел он заключительные слова песни и, сделав небольшую паузу, продолжил ее на эрхорниотском языке, с ходу подбирая слова под эту несложную, но захватывающую мелодию:

*«Человек, для чего
В этот мир ты заброшен судьбою?
Для чего ты рожден
И возвращен материнской слезою?
Разве только затем,
Чтоб не видеть неделями света,
Чтоб всю жизнь под землей
Спину гнуть, быть рабом безответным?
Чтоб дрожать день и ночь
В вечном страхе в зловонном жилище
И тужить лишь о том,
Как бы вдруг не остаться без пищи?
Или только затем,
Чтоб дать жизнь своим детям и внукам?
Завещать им свой страх
И обречь на такую же муку?
Нет, коль ты человек,
Жизнь должна доставлять тебе радость
И дарить красоту:
Только в ней скрыта высшая сладость.
Пусть всегда над тобой
Голубеют небесные дали,
Пусть исчезнут на век
Страх, нужда и любые печали.*

Артем дважды пропел последний куплет и положил ладонь на струны. Ни звука не пронеслось в мгновенно наступившей тишине. Он поднял голову и даже вздрогнул от неожиданности: ни за одним столом не! осталось ни одного человека. Все участники праздника столпились вокруг него, Артема, и словно застыли, пораженные невиданным чудом. Так продолжалось несколько секунд. И вдруг воздух взорвался от сотен голосов!!

– Еще! Еще! Ради нашего праздника! Ради наших распорядительниц! Еще! Еще, чужеземец Артем!

Артем обвел глазами лица обступивших его людей. Никогда, за всю свою жизнь не видел он таких удивленных, таких восторженных, таких благодарных взглядов, какими сопровождалась эти возгласы. Кричали все: и мужчины и женщины, и взрослые и дети, и принимавшие участие в забеге «спортсмены» и их избранницы. Не было среди этой ликующей толпы лишь О-Стелли. Она вместе с другими Мудрейшими, видно, давно покинула праздник. Да и что им было делать здесь, среди этих забытых нуждой и страхом людей, все мечты и надежды которых сводились до сих пор только к тому, чтобы набить желудок. А как мало, оказывается, было с нужно, чтобы разбудить в них извечно заложенную в человеке жажду прекрасного, подарить им радость, дать почувствовать себя настоящими людьми. Артем видел, что на глаза многих женщин набежали слезы и сам готов был прослезиться от нахлынувших на него чувств. А толпа продолжала неистовствовать:

– Еще! Мы просим тебя, чужеземец Артем! Еще!

Он попытался отнекиваться, указывая на горло, на уставшие от непривычного инструмента пальцы. Но гул голосов не смолкал. Тогда поднялась со своего места О-Кристи:

– Дорогой чужеземец Артем, пользуясь предоставленным мне сегодня правом, я тоже прошу тебя еще раз дать нам послушать это удивительное действо, которому мы не таем даже названия. Я вижу, что это очень не просто, ты устал. Поэтому пусть все сядут на свои места, поедят, попьют. А когда ты отдохнешь и поешь с нами, то не откажешься, наверное, еще раз доставить столь большую, неведомую нам радость.

Артем молча поклонился. И снова буря восторженных возгласов расколола воздух. После чего все снова разошлось по своим местам и, казалось, как прежде, занялись лишь едой. Но как посветлели их лица, как по-иному звучали голоса, как осветились улыбками обычно тусклые безжизненные глаза. Они словно ожили, оттаяли, проснулись от долгого сна.

И Артем снова и снова играл и пел им, и вместе с ними радовался их пробуждению. И решил даже здесь же, на этой праздничной поляне, попробовать научить их немудреному искусству пения. Но из толпы вдруг выступил знакомый ему по забегу рыжебородый эрхорниот, единственный, кто, как заметил Артем, с полчаса назад покинул праздник, и зычно прокричал:

– Слово Мудрейшего: праздник окончен! Праздник кончен!

И миг исчезли улыбки. И потускнели глаза. И все, инк по команде, встали со своих мест и безропотно, унылой вереницей потянулись к люкам в подземелье. Вместе с другими двинулись под землю и «распорядительницы праздника» и только что потешившие Мудрейших «спортсмены».

Один лишь рыжебородый, маленький, шупленький, с заметным горбом на спине продолжал стоять на месте, гордо, как полководец, взирая на это мрачное шествие и бросая ирремя от времени злобные взгляды на Артема.

Артем тронул за плечо О-Бирнса:

– Кто он такой, этот рыжебородый?

– О-Стипп, – досадливо махнул рукой О-Бирнс. – Дрянь, а не эрхорниот. Прежде был пастух, как все. Потом проданся О-Гейму – теперь житья от него нет: за всеми подсматривает, всех подслушивает, женщинам проходу не дает. Давно мечтаю поколотить его. Да попробуй, тронь такого! Правая рука Мудрейшего! Ну, прощай, друг, мне тоже

пора под землю: слово Мудрейшего – закон.– Он протянул Артему по обыкновению обе руки.

Но Артем крепко, по-русски, обнял его за плечи и похлопал по спине:

– Не отчаивайся, О-Бирнс! Мы еще постоим за себя! Одно мне непонятно: чем не по душе пришлась моя затея О-Брайну?

– Зачем О-Брайну? Ты же слышал, что сказал этот негодяй: «Слово Мудрейшего». Мудрейшего, а не Мудрейшего из Мудрейших. Так что О-Брайн тут ни при чем. Все это проделки О-Гейма.

– Ну это еще не так страшно. О-Гейм и О-Стипи не фигуры.

– И все-таки, послушай меня, Артем, поосторожнее с этим О-Стиппом. Сдается мне, не зря он бегал к Мудрейшему. Прощай.

– Прощай, друг!

Артем проводил его взглядом до люка, в который мед. ленно вливалась длинная вереница людей, и даже чертыхнулся с досады. Как не похоже было это на то, что происходило здесь всего полчаса назад. Как отличалось это скорбное шествие от той ликующе-радостной толпы которая бурей встречала каждую его песню, каждую сыгранную вещь.

Так неужели все впустую? Нет, не может быть. Просто у людей сработала привычка, вбитая в них годами. Просто они не привыкли еще доверяться своим чувствам. Но так не может продолжаться вечно!

Проводив взглядом последнего эрхорниота, Артем медленно направился в свой шатер. Нервное напряжение, не покидавшее его в течение последних часов, постепенно улеглось, и он смог трезвыми глазами взглянуть на все, что произошло в этот, богатый событиями, день. Какой же властью должны были обладать Мудрейшие, если одного «Слова» последнего из них оказалось достаточно, чтобы мгновенно превратить празднично ликующих людей в стадо безропотных животных! Впрочем, дело здесь, по-видимому, не в одной власти. Вся власть порождает и противодействие ей. А вот если отнять у человека все человеческое, лишить его возможности слушать музыку, читать книги, любоваться творениями мастеров живописи и скульптуры, разрушить его храмы, памятники, гробницы, отнять у него историю, фольклор, лишить его даже привычной среды обитания, загнав под землю, тогда не потребуются и большой власти, чтобы превратить свободного человека в покорного раба.

Были ведь и в нашей истории периоды, когда стоявшие у власти «вожди» методически, целенаправленно, всеми имеющимися в их распоряжении средствами, вплоть до прямого физического уничтожения деятелей искусств, лишали народ культуры.

У эрхорниотов этот процесс дошел, видимо, до своего логического конца. Но может ли человек остаться человеком, будучи лишенным всех атрибутов культуры? Не являются ли они столь же необходимым элементом его экологии, как вода, воздух, источники питания, климатические факторы в экологии любого другого организма? То, что случилось с эрхорниотами – прямой ответ на этот вопрос.

Не ясно пока только, что привело их к такой трагедии: естественная ли катастрофа, поражение в войне с каким-то жестоким безжалостным врагом или намеренная акция со стороны их собственных правителей, лишивших их всех без исключения культурных ценностей с единственной целью – держать в узде даже души своих подданных.

Но если это так, то можно представить, что последует за доносом О-Стиппа О-Гейму или О-Брайну. Ну да черт с ними! Он, Артем, не давал никаких обязательств поддерживать их идиотские порядки. Только бы не травили они в это дело О-Стелли.

Однако уже на следующий день, во время утреннего занятия, О-Стелли, словно между прочим, спросила:

– Я слышала, ты разыскал где-то наш древний музыкальный инструмент комизо и даже играл на нем?

– Да, играл и пел. А разве это запрещено у вас? – сразу решил расставить все точки над «i» Артем.

– Нет, почему же, – спокойно ответила О-Стелли. – Мы просто утратили секрет игры на этом инструменте, и если ты заново раскрыл его, мне хотелось бы послушать...

– Да, но вчера...

– Я жалею, что неотложные дела заставили меня уйти с праздника раньше времени, и буду очень признательна, если ты повторишь свое выступление для меня.

– Ты хочешь, чтобы я сыграл на комизо?

– Сыграл и спел.

«Вот оно что! – больно кольнула Артема мелькнувшая догадка. – Это всего лишь проверка доноса О-Стиппа. Спасибо, очаровательная О-Стелли! Но следователь ты никудышный».

– Что ж, я попробую, – сказал он как можно безразличнее. – Спую тебе ту самую песню, которую пел вчера твоим соплеменникам сначала по-русски, потом в переводе на ваш язык. Впрочем, для тебя перевода не потребуется, ты поймешь и русский текст.

Он взял комизо и, пройдясь по струнам, запел:

*«Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново...»*

О-Стелли внимательно слушала, чуть склонив голову набок и прикрыв глаза. И под конец сказала:

– Очень хорошая песня. И ты замечательно поешь. Спасибо, Артем.

– А вот вашему О-Стиппу, я слышал, песня не понравилась, – не удержался Артем. – Впрочем, может быть, я неудачно перевел ее слова...

– Идиот всегда останется идиотом! – коротко отрезала О-Стелли.

«Гм, идиот... – мысленно усмехнулся Артем. – Хорошо, что у этого «идиота» не было диктофона или чего-нибудь подобного. Иначе едва ли Мудрейшая так презрительно отозвалась бы о его способностях», – он боялся, не попросит ли О-Стелли исполнить песню в том переводе, в каком он пел ее на празднике, поспешил составить в голове хотя бы начальные строки текста, более или менее соответствующего оригиналу.

Но О-Стелли, видимо, сочла инцидент исчерпанным.

– Комизо... Так вот ты какой, комизо! – несколько раз повторила она, беря в руки инструмент и поглаживая тщательно отполированный корпус. – Какая прелесть! Я слышала о нем не раз, но вижу впервые. Ты научишь меня играть, Артем?

– С удовольствием. Это совсем несложно.

– А как он попал к тебе?

– Я обнаружил комизо в грудe мусора во время последней уборки тоннелей, помнишь, когда мы всей общиной...

– Как не помнить, ты тогда все вверх дном перевернул. Но неужели комизо в самом деле валялся в мусорной куче?

– Почти. Я извлек его из-под обломков старой мебели. Ваши молодцы едва не отправили его в яму с другим хламом.

– Какое варварство!

– Ну, положим, не такое уж большое, если учесть, что они знать не знали, с чем имеют дело. А вот то, что кто-то в свое время сознательно выбросил абсолютно исправный инструмент в мусор – больше, чем варварство. Это преступление. Преступление перед самой сущностью человека.

– Можно ли судить так строго, не зная, кто и почему это сделал?

– Не только можно, но и нужно! Чтобы вновь не повторилось то же самое.

– Ну, это я гарантирую тебе. Не знаю, как другим, а мне ты доставил сейчас несказанное удовольствие, и я буду рада, если ты сможешь иногда вот так же снова поиграть и попеть для меня. Если это не очень затруднит тебя...

– Напротив, я буду счастлив хоть этим доставить тебе радость, но я хотел бы играть и для всех других.

Брови О-Стелли стремительно взметнулись вверх:

– Как для всех других?

– Так, как вчера на празднике.

– Это невозможно, Артем. И не только потому, что нынешние эрхорниоты не знают, не поймут твоей музыки. Жизнь их настолько сурова, что они не могут позволить себе оставить работу даже на короткое время.

– Зачем же оставлять работу. Все работы у вас, насколько я знаю, заканчиваются, как только зажжется ночное освещение. Вот после этого я и сыграл бы для них.

– После этого им надо поесть и поспать. О-Брайн не может заставить их слушать музыку после работы.

– Почему заставить. Пусть слушают те, кто захочет.

– Да пойми ты, упрямец, здесь делают не то, что хотят, а то, что считает нужным Мудрейший из Мудрейших.

– Вот оно что!

– Да, так сложилось у нас издавна. И когда-нибудь ты убедишься, что здесь, в этой котловине, в этих тяжелейших условиях существования, просто нельзя жить иначе. А музыка... Она не облегчит, а лишь усилит страдания моих соплеменников.

– Ну, это, как сказать...

Да, это так, Артем. Зачем вызывать в человеке излишние эмоции, зачем будить в нем несбыточные желания? А кстати, знаешь, что просил передать тебе он сам? И даже не передать, а... Как бы это тебе сказать... В общем, он хотел, чтобы я уговорила тебя жениться.

– Мне жениться?! На ком?

– Ну, хотя бы на...О-Регги. Он молча покачал головой.

– Разве она не нравится тебе?

– Нет, почему же... О-Регги славная женщина. Но... Я не собираюсь еще обзаводиться семьей.

– А если бы собрался?

– Видишь ли, О-Стелли, у нас, там, в нашем мире, этот вопрос решается несколько иначе, чем у вас. Вначале человеку встречается другой человек, которого он полюбит так, что не может без него жить. А тогда уж семья возникает сама собой.

– А если такой человек не встретится?

– Бывает и так. Тогда не будет и семьи.

– А если встретится, но некоторые обстоятельства...– замялась О-Стелли.

– Любовь сильнее всяких обстоятельств.

– Любовь сильнее всяких обстоятельств...– повторила она, как эхо.– Но ведь это...

– Тебе кажется это странным.

– Не знаю... Я никогда не думала об этом. Не думала, что любовь может быть такой... сильной.

– Иначе это не любовь.

– Не знаю, не знаю...– она встала, собираясь уйти.

– А почему О-Брайну так хочется, чтобы я поскорее женился? – остановил ее Артем.

– Ну, во-первых, чтобы тебе полегче здесь жилось, наверное. Он очень хорошо к тебе относится. А потом... потом...– она вдруг покраснела.– Да мало ли какие еще могут быть соображения у Мудрейшего из Мудрейших.

Артем пристально взгляделся в зардевшееся лицо девушки:

– Так-так... Кажется, я начинаю понимать... Она покраснела еще больше:

– Ничего ты не понимаешь! И никто ничего не понимает! Не хочешь жениться на О-Регги, и не женись! Мудрейший из Мудрейших сам ничего не понимает! И хватит об этом! – она рассмеялась знакомым Артему счастливым смехом и пошла к люку.

Он молча проводил ее глазами, в задумчивости прошелся по шатру:

«Нет, Мудрейший из Мудрейших-то все понимает и видит. Потому и торопится связать меня женитьбой. А вот О-Стелли... Неужели в ее отношении ко мне в самом деле... Нет-нет, надо смотреть на вещи здраво. О-Стелли прекрасная девушка. Но ведь я совсем не знаю ее. Что, если за всеми этими полунамекками, этим русалочьим смехом – всего лишь беспечная игра, минутный каприз избалованной аристократки?

Как он хотел бы ошибиться в своих предположениях! Но уже через два дня, похоже, оправдались самые худшие из его предчувствий.

13

В тот день он с утра засел в своем шатре, прики-мывая, как лучше скомпоновать отдельные звенья будущей механической прялки. Накануне вечером они с Гриммом допоздна просидели в мастерской, перебрали но меньше десятка вариантов и подошли наконец к тому, что было, кажется, вполне приемлемым и осуществимым. Но машина получалась слишком громоздкой, и теперь Артем пытался «довести ее до ума», снова и снова перечерчивая на олоото отдельные узлы и детали.

Днем раньше он поделился своими соображениями с О-Стелли. Однако та, хоть и не стала отговаривать его от задуманной идеи, тем не менее отнеслась к ней довольно холодно.

– Все это небезынтересно, конечно,– сказала она, играя остро заточенным годоро,– но какой смысл в таком нововведении? Наши женщины вполне справляются с работой без всяких машин.

– Да. Но что им это стоит! Ты видела, какие мозоли на руках у прядильщиц?

– Уверяю тебя, они им абсолютно не мешают,– рассмеялась О-Стелли.– А вот что будут делать те же прядильщицы, если у них появится уйма свободного времени? Об этом ты подумал?

– Что тут думать. Почти у каждой из них, насколько я знаю, есть дети. А воспитание детей...

– Мы растим детей для трудовой жизни,– строго возразила О-Стелли.– И воспитываем их трудом. Только трудом!

– Но не с пеленок же! Я слышал, многие дети умирают у вас совсем маленькими. Не потому ли, что у матерей нет времени заниматься ими даже в грудном возрасте?

– Смерть ребенка – вещь вполне естественная. И умирают самые слабые. А вместо каждого умершего рождается новый. Мудрейший из Мудрейших строго следит за этим. Мы не допускаем чрезмерного уменьшения общины. Но должны заботиться и о том, чтобы она не слишком разрасталась: наши ресурсы очень ограничены. Пока баланс соблюдается.

– Но это черт знает что! – взорвался Артем.– Баланс соблюдается! Ты говоришь о человеческой общине, как о поголовье козьего стада. А встань на место каждого отдельного человека. Наверное, если умрет твой ребенок, тебя не утешит, что у соседки родилось двое?

– Так может рассуждать какая-нибудь О-Регги. А мы, стоящие у руководства общины, не можем позволить себе подобных сантиментов.

– И тем не менее, когда случилось несчастье с дочерью О-Регги, ты, как и я, не осталась равнодушной к ее горю.

– Да, к сожалению, во мне еще слишком много чисто женского. Потому-то, в соответствии с нашими традициями, женщина не может занять место Мудрейшего из Мудрейших.

– Но неужели Мудрейший из Мудрейших должен быть обязательно глухим к чаяниям каждого отдельно взятого эрхорниота?

– Ты прекрасно знаешь, что чаяния отдельно взятого человека и высшие интересы общины не всегда совпадают. Кто-то должен заботиться и об этих, общих для всех интересах. Особенно в наших тяжелейших условиях существования.

О-Стелли поднялась с места, еще раз окинула взглядом разложенные на столе олоотоо:

– Я убедила О-Брайна разрешить тебе работать над механической прялкой. Пусть нашим девушкам-пряильщицам будет немного полегче. Но не увлекайся сверх мерь;, Артем. И не противопоставляй себя О-Брайну и сложившейся у нас системе.

– Это что, угроза? – буркнул Артем.

– Это дружеский совет. Только совет. Неужели ты не веришь мне?

Нет, он верил ей. И не сомневался в искренности ее рассуждений. Община эрхорниотов действительно сложилась как система. Но что это за система, где интересы общины идут вразрез с интересами отдельных ее членов, то для чего нужны эти «общие для всех» интересы, если для каждого отдельного человека они оборачиваются лишь каторжным трудом и лишениями во всем, что касается личной жизни, а для утверждения их требуется целая армия надсмотрщиков и соглядатаев? Да и что это вообще такое – высшие интересы общины, если они не во благо составляющих ее членов? Значит, это всего лишь интересы правящей элиты? Ну, в это-то он О-Стелли не союзник. Как и в том, чтобы оберегать эрхорниотов от приобщения к культуре. Нет, черт возьми, уж коль ему суждено здесь жить, то не в роли почетного придворного.

Артем снова придвинул к себе олоотоо с чертежами, но входной люк вдруг раскрылся, и в шатер поднялся незнакомый подросток с небольшим ящичком в руках. Он несмело приблизился к столу, за которым работал Артем, и, поставив ящик на пол, залпом, как из автомата, выпалил явно заранее вызубренную тираду:

– Мне поручено принести эту вещь сюда и сказать, чтобы ты доставил ее поверху, не спускаясь под землю, к шатру Мудрейшей.

– Что? Доставить это к шатру О-Стелли? – переспросил Артем, с трудом отрываясь от своих мыслей. – А что здесь, в этом коробе?

– Не знаю. Я передаю лишь то, что мне велено. – Мальчуган шмыгнул носом и пошел к люку.

– Постой! – вернул его Артем. – Когда я должен отнести это Мудрейшей?

– Сказали, сейчас. Мудрейшая ждет.

– А что передать Мудрейшей?

– Ничего. Сказали, она все знает. Просто поставить ящик у ее шатра.

– Но кто все это сказал? Кто послал тебя? – продолжал недоумевать Артем.

– Послал сам О-Понс. И велел не задерживаться у тебя. Поэтому я пойду.

– Ну, ступай...

Мальчуган бросился к люку и мгновенно исчез из глаз.

«Странно... Что бы все это значило? – задумался Артем. – Кто этот О-Понс? И почему именно ему, Артему, следует доставить эту срочную посылку своей наставнице? Нет ли тут какого-нибудь скрытого подвоха, даже опасности для О-Стелли? Но что может быть здесь? Не бомба же! – он приподнял ящик с пола: он был не тяжелее пустой картонной коробки. – Нет, на бомбу не похоже. Да и что за дикие мысли лезут сегодня в голову?.. Шатер вот он, рядом, в трех минутах ходьбы. И О-Стелли, по-видимому, там, раз «ждет его». Можно окликнуть ее, прежде чем оставлять посылку. И все разъяснится».

Артем взял ящик и вышел из купола наружу. День был ясным, солнечным. Озеро словно застыло в сонной дреме. Стайка стрекоз мирно вилась над самой водой.

Он быстро миновал два мостика, ведущие к остроу О-Стелли, и будто споткнулся на подъеме к знакомому шатру: в проеме его стоял О-Гейм. Этого еще не хватало! Но отступать было поздно. Артем подошел к щурящемуся на солнце Мудрейшему и сказал:

– Добрый день, Мудрейший. Меня попросили доставить сюда эту вещь.

В ответ О-Гейм не выразил ни малейшего недоумения. Коротко усмехнувшись в бороду, он удовлетворенно кивнул и указал рукой на небольшую полянку у моста:

– Поставь ящик сюда, открой крышку и можешь идти.

«Только и всего!»— Артем легко сдвинул доску, прикрывавшую сверху принесенный им короб, и тотчас выронил его из рук: тысячи разъяренных пчел вырвались оттуда на волю и вмиг облепили его лицо, шею, руки, не меньше десятка хищных жал, острых, как раскаленные иглы, вонзились в тело.

Благо, рядом была вода. Пнув злополучный ящик, Артем, не раздумывая, бросился в озеро, и последнее, что мелькнуло перед его глазами, было высунувшееся из проема шатра смеющееся лицо О-Стелли.

Когда, добравшись вплавь до своего острова, он вышел на берег и, стряхнув с головы последних, запутавшихся в волосах пчел, смог наконец перевести дыхание, все лицо его успело превратиться в сплошную вздувшуюся маску и горело как в огне. Но еще больше горела душа от полного бессилия расплатиться за подлое иезуитское оскорбление.

Сбросив намокшую одежду, он быстро прошел в шатер и, стиснув зубы от все усиливающейся боли и обиды, сразу повалился на постель. Как ненавидел он сейчас своих «гостеприимных» хозяев! Чем не поступил бы, чтобы плюнуть в глаза всем Мудрейшим и их прихвостням!

— «Система!»... «Высшие интересы общины!» — скрежетал он зубами в бессильной злобе. — Не система, а сверж негодяев, узурпировавшая власть над одичавшими, потерявшими человеческий облик трусами! А с тобой, очаровательная О-Стелли, я с сегодняшнего дня — ни слова! Ни с тобой, ни с О-Брайном! Хватит! Хотите, сажайте в подземный каземат, хотите, гоните в горы. Но с сегодняшнего дня — вы мои враги. И никаких компромиссов! — он отвернулся к стене и не поднял даже головы, когда послышались чьи-то осторожные шаги и тихий вздох возле его кушетки.

— Ну-ка, покажись,— мягко потребовал приглушенный старческий голос.

— Это ты, О-Гримм? — узнал Артем.

— Да, я. И со мной О-Кристи. Сейчас мы поможем тебе. Артем попытался подняться. Но О-Гримм поспешил опередить его:

— Лежи, лежи! Повернись только лицом кверху. Мы немного полечим тебя. Моя старушка прислала такое средство, что вмиг полегчает. Сама она, правда, немного приболела. Да ведь ручки О-Кристи не уступят ее дряхлым ладоням, а? Ну-ка дочка, смажь ему все болячки, как учила твоя будущая вторая мать.

Артем почувствовал, как знакомые шершавые ладошки коснулись лица и начали массировать пылающую кожу, втирая какую-то остро пахнущую освежающую жидкость. И жгучая боль начала проходить, будто вбираясь в проворные девичьи пальцы. А через несколько минут он смог уже разомкнуть опухшие веки и увидел низко склонившееся над ним милое девичье лицо с большими черными глазами и крохотной ямочкой на подбородке.

— Вот и все,— кивнул головой О-Гримм.— Хватит, О-Кристи! К обеду заживет. Никаких следов не останется. Но каков подлец О-Гейм!

— О-Гейм? — зло усмехнулся Артем.— О-Гейм и компания! Все они одной ниточкой повязаны. И О-Гейм, и О-Брайн, и любезнейшая О-Стелли!

— Ну-ну! Зачем же всех в одну кучу? — мягко возразил О-Гримм.— Я понимаю, тебе больно и обидно. Но гнев плохой советчик. Не разобравшись, можно такого натворить! Я сам не жалую Мудрейших. Но в данном случае О-Брайн тут совершенно ни при чем. И если он узнает обо всем, О-Гейму не поздоровится. И уж совсем зря ты рассердился на О-Стелли. Это добрейший, милейший человек.

— Куда уж добрее! Видел бы ты, как только что покатывался с хохоту этот милейший человек.

— Так, дорогой мой, я сам чуть удержался от смеха, когда увидел, как ты крутанулся на одной ноге, а потом — камнем в воду. Я больше чем уверен, что она и не поняла, что произошло. А вот О-Гейм...

— Но почему ты все валишь на О-Гейма? Почему думаешь, что все подстроил он один?

– Не думаю, а знаю. Потому, во-первых, что пчелиный ящик его любимая «шуточка». Я сам как-то на нее попался. А во-вторых, скажи-ка, что передал тебе посыльный, принесший пчел? Он сказал, кто прислал его?

– Да, он сказал, прислал какой-то О-Понс.

– О-Понс? – неожиданно рассмеялся О-Гримм. – Я так и думал. О-Понс – один из преданнейших подручных О-Гейма. И самый глупый к тому же. Ну, посуди сам. Какой здравомыслящий человек позволит назвать себя, ввязавшись в авантюру, за которую неизбежно придется рас плачиваться?

– Расплачиваться перед кем?

– Перед О-Брайном прежде всего. Будь спокоен, О-Гейм сегодня же доложит обо всем О-Брайну и сам попросит всыпать по первое число этому О-Понсу, если тот не придумает какого-нибудь благовидного оправдания.

– А зачем он будет докладывать О-Брайну?

– Чтоб оправдаться в глазах О-Стелли.

– Но какой смысл О-Понсу так выслуживаться перед О-Геймом, даже во вред себе. Не понимаю...

– Тебе многое еще предстоит понять, мой друг. Мудрейший своих прихлебателей вот где держит! – О-Гримм сжал костлявый кулак. – Для нас-то он что? Ну, работу подсунет потяжелее, едой обделит или устроит какую-нибудь пакость, вроде того же пчелиного ящика. А те ему с потрохами продались. Он их и на смерть пошлет – не отвертятся. Словом, попасть в когти к О-Гейму стократ страшное, чем к самому О-Брайну. Но сегодня Мудрейший зарвался. Определенно зарвался! Подбросить пчелиный ящик тебе! Да еще на глазах О-Стелли.

– Так для нее, по-видимому, и был разыгран весь этот спектакль, – мрачно усмехнулся Артем. – Как не потеипль невесту перед свадьбой!

– Не знаешь ты нашей О-Стелли. Ее не потешишь такой дешевкой. Просто Мудрейший решил взять реванш свое поражение на празднике. И еще большее поражение под землей.

– Какое поражение под землей? – не понял Артем.

– А то, какое он потерпел во время катастрофы. Это посерьезнее забега вокруг озера. Там, на празднике, люди посмеялись над Мудрейшим, и все. Беспомощность О-Гейма при ликвидации наводнения не простит никто. И прежде, всего не простит ему этого О-Брайн. Уж где-где, а там он окончательно понял, чего стоит он и чего стоишь ты, хоть и не было его при вашем «состязании».

– О-Брайн! Он мне тогда даже спасибо не сказал, – продолжал упорствовать Артем.

– Мудрейший из Мудрейших ничего не говорит, но все знает и все помнит. Так что потешил сейчас О-Гейм лишь самого себя. И снова просчитался. Сдается мне, что если О-Брайн разберется во всем до конца, а обычно бывает именно так, то эта потеха Мудрейшего станет для него последней.

– Ты хочешь сказать, что О-Брайн...

– Я не знаю точно, что сделает О-Брайн. Но в том, что эта выходка О-Гейма не пройдет для него безнаказанно, не сомневаюсь. Ну да хватит о них! Ты, я смотрю, даром время не терял, – кивнул он на разложенные на столе олоото. – Это ведь для вас, прядильщиц, О-Кристи, он старается, механическую прялку вон придумывает. Чтобы, значит, мозолей на руках у вас не было.

– Правда, Артем? – подскочила к нему О-Кристи! – Ой, как здорово! Спасибо тебе от нас большее!

– Ну, до спасибо, положим, далеко. Надо еще работать да работать. И придумал это не я один. Именно с дядюшкой О-Гриммом вчера все обговорили.

– Ладно-ладно: с дядюшкой О-Гриммом! – отмахнулся старик. – Дядюшка О-Гримм жизнь доживает. А ему и в голову ни разу не пришло, что проклятое веретено все руки девчонкам провертело. А работы тут действительно немало. Ну да всем миром навалимся, всей нашей мастерской. Благо, опыт теперь есть. А мастера наши, сам знаешь...

– Мастерство здешних резчиков выше всяких похвал, – согласился Артем, – только... Давно я хотел тебя спросить, да все как-то неудобно было. Скажи, этк посуду, в какой приносят еду мне, и эти вот ва-очки на столе, их тоже у вас в мастерской делали?

– А то где же?

– Но ведь это совсем не то, что вы режете сейчас. Некоторые из тех бокалов и чаш да и эта вазочка с цветами исполнены такого совершенства, от них глаз не оторвешь. А если присмотреться...

– Что же тогда? – насторожился О-Гримм.

– Тогда увидишь, что это старые вещи. Похоже, очень старые. А ваши нынешние изделия... Нет, они тоже удобны, прочны, добротнo сделаны, но... Где же та красота, то совершенство линий, то поразительное изящество, какими отличаются поделки прошлых лет?

– Эх, Артем, – вздохнул старый резчик. – Если бы ты знал, какую рану разбередил во мне. Да сейчас я покажу тебе такое... Он быстро вышел из шатра и через несколько минут вернулся с небольшим свертком в руках.

– Вот, смотри, – коротко кивнул он, подсаживаясь к Артему на кушетку и бережно разворачивая сверток. Смотри и ты, О-Кристи. Только чтобы ни одна живая души не узнала, иначе... – он снял последний лоскут тряпичном обертки, и перед глазами Артема и О-Кристи предстала мастерски вырезанная из дерева женская головка.

Артем взял ее в руки, повернул лицом к свету. Это было истинное произведение искусства. Скульптурный портрет такой силы мог выйти только из рук большого талантливого художника. С трудом верилось, что это чуди красоты возникло из обыкновенного куска дерева под ножом простого, забитого нуждой резчика посуды.

Артем перевел взгляд на О-Гримма. В глазах того блестели слезы:

– Вот, хотел показать... Это, как твои песни... Артем с чувством сжал руку старика:

– Дядюшка О-Гримм, дорогой мой, я просто не нахожу слов... Что мои песни! Что песни всего мира по сравнению с этим шедевром! Взгляни, О-Кристи. Видела ты что-нибудь подобное?

– Ой, как живая! – воскликнула девушка, беря скульптурку в руки.

– Да, – подхватил Артем, – так и кажется, сейчас мы услышим ее голос. Но почему ты прячешь ее, дядюшка О-Гримм? Почему никто не видит этой красоты?

– Э-е, разве ты до сих пор не понял нашего проклятья? Забыл, как О-Стипп раньше времени погнал нас с праздника только потому, что мы слушали твои песни? Да попади эта скульптурка на глаза одному из таких выроdkов...

– А кто сделал ее? Ты, дядюшка О-Гримм? – перебила его О-Кристи.

– Что ты, дочка! Кто позволил бы мне заняться в мастерской таким делом? А иметь ножи вне мастерской слышали, наверное, не разрешено никому. Скульптурку вы резал мой дед. И это была последняя поделка такого рода. Именно в тот год Мудрейший из Мудрейших выступил а Словом, в котором строжайше запрещалось выносить но, «и из мастерской, а в самой мастерской резать то, что не имело прямой хозяйственной ценности. Но это еще не все. Вскоре последовало новое Слово. В нем Мудрейший из Мудрейших, как всегда исключительно «заботясь о нашем благе, потребовал сдать все, что мешало «разумной трудовой жизни» эрхорниотов. Все вырезанные нами безделушки украшения, женские вышивки – все, вплоть до детских игрушек.

– И вы сдали? – не мог скрыть горечи Артем.

– Пришлось сдать. Подручные Мудрейших обшарили нее до последнего угла. Да им и без того было известно, что у кого есть. Жизнь простого эрхорниота, сам знаешь, у всех на виду, ничего не скроешь. Как дед умудрился сохранить это сокровище, ума не приложу. Смелый, видно, был человек. Таких теперь не осталось. А может, даже у тогдашних опиттов не поднялась рука на такую красоту или никто не знал о последней работе деда: головка, еели присмотреться, немного недоделана. Во всяком случае, я ее увидел лишь у своего отца, после смерти дедушки. И теперь вот мне приходится прятать и

перепрятывать бесценную реликвию, дрожа от страха перед Мудрейшими. Правда, нынешний Мудрейший из Мудрейших не очень потеет. А если место его займет О-Гейм... Словом, смотри, О-Кристи, никому ни слова!

– Не беспокойся, дядюшка О-Гримм, я, если надо, могу молчать. Только хочу еще спросить. А ты сам мог бы сделать такую вещь?

– Не знаю, дочка, не пробовал. Хоть и хотелось бы, ох, как хотелось бы попробовать! Да где там. С утра до вечера – одни чашки-плошки! Хорошо еще Артем добился разрешения на свои машины. Все-таки отрада для души. Недаром все мастера так набросились на новое дело. Но это не то. Совсем не то! – Он бережно взял скульптурку в руки, погладил ее большой грубой ладонью. – Вот к чему душа рвется. И не у одного меня. Есть еще кое-кто из моих сверстников, в ком живет тоска по красоте. А молодежь смирилась. Да и не знает, наверное, на что способен нож резчика. – Он принялся снова завертывать скульптуру в тряпье.

– Стой, дядюшка О-Гримм, не торопись прятать свое сокровище. – Артем встал с кушетки. Ты что же, хочешь, чтобы это никто никогда не видел?

– Мало ли что я хотел бы.

– А если я попрошу оставить на время скульптурку у себя?

– Зачем?

– Чтоб показать ее не только твоим сверстникам.

– Что ты, Артем? А если узнают Мудрейшие?

– О том, как попала ко мне скульптурка, Мудрейшие не узнают никогда. За сохранность ее я ручаюсь головой.

– Ну, если так... Я и сам хотел бы, чтобы люди увидели творение деда. Только страшно. Вот ведь и твои песни...

– Да, теперь мне понятно, почему погнали людей с праздника. Видно, ваши Мудрейшие специально лишили вас всего, что мы называем искусством, культурой вообще. Но я назло им в ближайшие же дни устрою еще один концерт.

– Если тебе разрешат...

– А я не буду спрашивать никакого разрешения. Запрещать-то мне тоже никто не запрещал. Вот только придут ли люди?..

– Ну, в этом можешь положиться на нас с О-Кристи Верно, дочка?

– Можете не сомневаться! Стоит мне шепнуть девочкам...

– Вот и ладно. Поправляйся, Артем. А на О-Стелли не серчай. Сдается мне, ей самой сейчас не сладко. Потом все сам поймешь. Прощай, друг.

Проводив гостей и вдоволь насмотревшись на очаровательную головку, Артем решил немного развлечь себя игрой на комизо. Музыка всегда помогала ему в трудные минуты жизни. А сегодня, после разговора с О-Гриммом на душе было особенно тягостно. Встав с кушетки, он рас и рыл небольшой шкафчик, где хранился инструмент, и не вольно отдернул руку: прямо на салфетке, прикрывавшие комизо, лежала пластинка олоото, где знакомая рука наняла контуры инструмента, перечеркнутые двумя жирным! линиями, и чуть ниже – все то же изображение перок решенных ножей на фоне молнии.

– Та-ак... – зло усмехнулся Артем. – Опять запрет. И снова угроза. Все словно сговорились. Но теперь – хвд тит! Плевал я на все ваши запреты и предостережения! Артем взял комизо и, устроившись поудобнее на кушетке, громко, во всю мощь инструмента, заиграл задорный русский перепляс.

Он знал, что сейчас его слышат и в шатре О-Гримма, и в шатре О-Стелли, и, возможно, где-то еще, где прячутся трусливо скрывающиеся за своим инкогнито авторы зловещей эмблемы, знал, что бросает вызов какой-то враждебной, может быть, беспощадной силе и был рад, что может наконец хоть таким образом выразить свой гнев, ев негодование, свой протест.

Все последующие недели Артем вновь по целым дням не выходил из мастерской. Снова они с О-Гриммом с утра до вечера сидели над чертежами или отлаживали, шлифовали, подгоняли одну к другой готовые части будущей машины. Снова почти все резчики, молодые и старые, забросив свои дела, вырезали по их эскизам бесчисленные детали, не переставая удивляться со все возрастающим любопытством взирали на возникающее на их глазах диковинное сооружение. Сам же Артем, казалось, только и жил своим детищем. А когда после долгих неудач сдвинулось наконец с места, завертелось все быстрее колесо его новой машины, когда снова обступили его радостные лица пряильщиц, ткачих, помогавших ему резчиков посуды, когда десятки любопытных, привлеченных невиданным зрелищем, заполнили до отказа помещение мастерской, он поднялся на скамью, громко, стараясь перекрыть шум работающей прялки радостный гомон толпы, сказал:

– А сегодня вечером, друзья, сразу, как только зажжется ночное освещение и вы поедите и чуточку отдохнете от работы, я приглашаю вас на свой концерт... Ну, как мы называем, когда кто-то играет и поет. Я буду ждать вас и всех ваших знакомых и близких, кто пожелает меня послушать, на той самой поляне, где вы слушали меня в день праздника, и где я обещал вам эту новую встречу.

– Придем! Обязательно придем! – сразу отозвалось сколько резчиков и молодых пряильщиц.

Но Артем видел, что были среди толпы и такие, кто принял его предложение с опаской: ведь это было всего лишь приглашение чужеземца, а не Слово кого-нибудь из

Мудрейших, и потому весь оставшийся день он места себе не находил от волнения не только из-за того, что бросал немой вызов таинственным шантажистам, сколько потому, но не мог побороть в себе сомнение, как отнесутся к его приглашению большинство эрхорниотов.

«Придут или не придут! – билась в голове неотступная мысль. – Неужели О-Стелли окажется права, и все они или большинство из них предпочтут сон концерту? Неужели прах перед Мудрейшими и боязнь покинуть подземелье пересилит желание послушать явно понравившуюся им музыку?»

Может статься и так. Слишком на многое сразу замахнулся Артем. Если бы он предложил им собраться где-нибудь в подземных мастерских или тоннелях, это еще куда ни шло. Но пригласить их подняться в столь позднее время на поверхность земли, выйти на берег озера, куда большинство эрхорниотов, как он знал, не отваживались выходить по вечерам ни разу в жизни. Это была довольно дерзкая затея.

Однако Артем решил идти ва-банк. Укрепить пробудившуюся у них тягу к музыке и избавить от вечной боязни открытого, особенно ночного неба. Больше того, он решил сегодня же, в этот вечер, показать им и скульптурку О-Гримма. В этом был большой риск, но и большой смысл: именно обаяние красоты, наряду с обаянием музыки должно заставить их забыть о страхе.

Но вот и зажглось ночное освещение. Все работы эрхорниотов закончились. Артем решил выждать еще с полчаса и идти на берег озера. Но такая отсрочка оказалась свыше его сил. Не прошло и четверти часа, как он взял комизо, спрятал у себя под пиджаком завернутую в ткань скульптурку и вышел из шатра.

К счастью, ночь была ясной, лунной. Это было очень кстати. Иначе он просто не смог бы познакомить собравшихся на концерт с выпрошенной у старого резчика скульптуркой. Но было в этом и небольшое неудобство: Артему очень не хотелось, чтобы кто-то увидел его раньше, чем соберется достаточное количество народа. Поэтому, миновав мостик, соединяющий остров с берегом, он заставил себя замедлить шаги, соображая, где лучше схорониться, наблюдая за подходящими людьми. Удобнее всего это было сделать там, на поляне, в окружающих ее кустах. И сделать именно сейчас, пока народ не поднялся из подземелья.

Он взошел на последний пригорок и... едва поверил своим глазам: вся поляна была белой от бесчисленных тонкито эрхорниотов. А навстречу ему уже бежали О-Гримм, О-Кристи, знакомые резчики, ткачихи, прядильщицы. Они схватили его за руки и повели сквозь расступившуюся толпу к небольшому возвышению, сделанному из свежих жердей. Без этого возвышения ему, конечно, было бы не просто выступать перед столь большой массой народа. Но когда они успели соорудить такой помост?

– Долго ли мастеровому человеку, – ответил О-Гримм на немой вопрос Артема. – Вот тебе и стульчик. Садись, устраивайся, пока все не собрались.

Артем поднялся на помост и воздел вверх руки, при ветствуя столпившихся перед ним людей. Гром возгласов был ему ответом. А люди все шли и шли. Некоторые мужчины вели за руки совсем дряхлых стариков. Женщины нес ли на руках детей. Даже на празднике Артем не видел столько народа, сколько сгрудилось сейчас вокруг импровизированной сцены.

Но вот все расселись: на кучах сухого валежника, прямл на траве. Наступила тишина. Артем встал, поклонился, взял в руки комизо.

– Дорогие друзья, – начал он чуть хрипловатым от волнения голосом. – Прежде всего – большое спасибо за то, что вы пришли на эту нашу встречу. Я с удовольствием сыграю и спою полюбившиеся вам песни моей Родины. Но сегодня мне хотелось бы познакомить вас еще и с музыкой иного рода. С музыкой, родившейся здесь, созданной много лет назад одним из ваших соплеменников. Я хочу показать случайно найденное мной у вас изображение человеческого лица, сделанного из дерева. Лица столь прекрасного, что оно подействует на вас сильнее самой задушевной песни. А главное – покажет вам, на что способны были ваши отцы и деды, в душах которых, я уверен, всегда звучала музыка. – Он быстро развернул принесенную с собой скульптурку и передал ее сидящим перед самым помостом пожилым мужчинам.

Мягкий свет луны озарил тонкие черты юного девичьего лица, сделав его еще одухотвореннее, еще прекраснее. Вздых изумления вырвался у десятка людей. Все сразу истали. Задние начали теснить передних.

Артем поднял руку:

– Сидите все, как сидели. И передавайте скульптурку друг другу, пока ее не посмотрят все. А я в это время буду играть и петь вам. – Он сел на стульчик и, пригнувшись к комизо, осторожно тронул струны.

Вмиг наступила полная тишина. Все словно застыли, устремив на Артема полные ожидания глаза. Он несколько минут импровизировал, будто подыгрывая шуму прибора. Затем выпрямился и, сильно ударив по струнам, запел самое близкое его сердцу:

*«Я люблю тебя, жизнь.
Что само по себе и не ново...»*

Он пел по-русски и, не желая дальнейших конфликтов с Мудрейшими, не переходил больше на эрхорниотский язык, но видел, чувствовал, что все слушатели его мысленно повторяют те слова, какие он сложил для них на празднике. И именно поэтому так горели глаза женщин и так сурово сдвигались брови мужчин.

Потом он спел несколько старых русских песен, грустных и задумчивых, сыграл два веселых наигрыша и шуточный русский перепляс, пропел все любимые песни военных и послевоенных лет. И не желая больше злоупотреблять терпением уставших за день людей, показал жестом, что концерт окончен.

Но народ и не думал расходиться.

– Еще! Еще, чужеземец Артем! Пожалуйста, еще! – несло со всех сторон.

Пришлось подчиниться. Артем снова опустился на стул и не встал с него, пока не переиграл и не перепел, кажется, все, что смог вспомнить и сыграть на комизо. Только

тогда он снова поднялся и, вскинув обе руки вверх, голосом, охрипшим от усталости, сказал:

– А теперь, доброй ночи, друзья! Спасибо вам за то, что пришли на мой концерт. И до следующей встречи, здесь же, на этой поляне.

И снова, как тогда, на празднике, воздух взорвался от восторженных возгласов. И снова он видел радостные улыбки и благодарные лица. И снова потеплело на душе от сознания, что он может дать радость этим людям.

Он трижды поклонился им, вытянув, как было принято здесь, вперед обе руки, и начал не спеша спускаться с помоста, как вдруг точно электрический ток пронзил все его существо. Он заметил, что в дальнем углу поляны блеснуло под луной не совсем обычное тонкито. Такое тонкито носил лишь один человек во всем племени эрхорниотов.

«Возможно ли: О-Стелли?!»

Он не видел ее много дней. Все их встречи неожиданно прекратились. На следующее утро после инцидента с пчелиным ящиком она поднялась к нему в шатер взволнованная, явно расстроенная, и, не поднимая глаз, извиняющимся тоном сказала, что, начиная со следующего дня, ей не удастся уделять ему много времени, так как Мудрейший из Мудрейших завалил ее какой-то срочной работой.

Артем сразу понял, что это за «работа». Его победа над О-Геймом и все, что произошло на празднике, не могло не насторожить О-Брайна. Он, видимо, почувствовал, что его планы поженить О-Стелли и О-Гейма могут натолкнуться на серьезные осложнения и решил постепенно прекратить или, по крайней мере, резко ограничить встречи О-Стелли с Артемом. Но, зная независимый характер своей внучки и не желая портить отношения с полезным и нужным ему чужеземцем, он сделал это тактично, не ущемляя достоинства ни того, ни другого. Впрочем, могло быть и иначе: О-Стелли сама решила почему-то порвать с ним всякие отношения.

Как бы там ни было, Артем не видел ее больше ни разу, но только теперь почувствовал, как, не признаваясь в этом самому себе, переживал прекращение их обычных ежедневных занятий.

Он спрыгнул с помоста и попытался пробиться сквозь толпу туда, где еще мелькало белоснежное тонкито. Но гда там! Его окружили сплошной стеной, похлопывали по спине, по плечам, сжимали руки, без конца говорили какие-то ласковые слова. А под конец, когда они двинулись, наконец, с О-Гриммом и О-Кристи к его шатру, к нему подбежала маленькая девочка и протянула большой букет свежих полевых цветов.

– Это от нас с мамой, – сказала она.

– От вас с мамой?! – удивился Артем. – А кто она, твоя мама?

– Ну, мама... – еще больше смутилась девочка.

– Да, конечно, – невольно рассмеялся Артем. И вдруг узнал: это же дочка О-Регги. Тонкая, как тростинка, с худеньким бледным личиком и густой копной вьющихся золотистых волос, она была точной копией матери. – Вспомнил, вспомнил! – обрадованно воскликнул он, подняв девочку на руки и целуя в обе щеки. – Вспомнил и тебя и твою маму. Забыл только, как зовут тебя?

– О-Фанни, – мягко проворковала девочка, доверчиво обхватив Артема за шею. – А маму – О-Регги.

– Это я помню. Как твоя ножка, О-Фанни?

– Совсем-совсем не болит! Я уже бегаю быстрее всех девочек. И помогаю маме работать на огороде.

– Молодец, О-Фанни. Я очень рад за тебя. Ступай к маме и передай ей от меня самое большое спасибо.

– Передам, обязательно передам. А ты... А когда ты снова придешь к нам, чужеземец Артем? – глаза девочки с мольбой смотрели прямо ему в глаза, и он впервые почувствовал, как трудно соврать ребенку:

– Не знаю, О-Фанни. Не знаю, милая.

- А мы ждем тебя. И я и мама. Ты обязательно приходи. А если забыл, где мы живем, то я...
- Нет, это я не забыл. И как только выдастся свободный вечер...
- Скорее бы он выдался, такой вечер! – воскликнула О-Фанни и, помахав ручкой, скрылась в толпе женщин, столпившихся у кромки люка.
- Бедные дети подземелья! – вздохнул Артем, проводив ее взглядом.
- Да, радостями они не избалованы, – мрачно заметил О-Грилш. – Ведь такие, как ее мать, не имеют даже шатров на островах.
- И всю жизнь проводят под землей?
- Кроме тех нескольких дней в четверть хода луны, когда работают в огороде или в поле. Да и там...
- А что там?
- О-Гримм нахмурился:
- Сходи как-нибудь, посмотри!
- Как только представится случай...

15

Впрочем, случай представился быстрее, чем он предполагал. Уже на следующий день, едва он вышел из каморки тетушки О-Горди и направился в свой шатер, в конце перехода послышался детский плач, а еще через минуту его догнала бегущая со всех ног О-Фанни.

– Чужеземец Артем! Чужеземец Артем! – закричим девочка, схватив его за руку. – Там маму убивают!

– Как убивают?! Что ты говоришь? – растерялся Артем.

– Там, на огородах. Беги скорее за мной!

Артем помчался вслед за девочкой и через несколько минут стал свидетелем отвратительнейшей сцены. Рослый эрхорниот-мужчина, вцепившись в волосы молодой женщины, в которой Артем сразу узнал О-Регги, пригнул ее голову к земле и, занеся над ней громадный кулачище, орал на все поле:

– Опять недорыхлила вчера участок! Опять пришла сегодня всех позднее! Убью, скотина!

Артем в два прыжка подскочил к разъяренному надсмотрщику и, схватив его за руку выше запястья, сжал так, что тот вскрикнул от боли:

– Ты чего? Чего тебе надо?

– Мне надо, чтобы ты сейчас же извинился перед этой женщиной и улепетывал отсюда подобру-поздорову!

Он круто, всем телом повернулся к Артему:

– А это ты, чужеземец! А ну, отпусти руку. Отпусти руку, тебе говорят! И не лезь не в свое дело. А то!..

Но Артем схватил его и за другую руку и резко свел их за спиной эрхорниота. Тот взвился от боли:

– А-а-а! Пусти! Что ты ко мне привязался? Чего тебе надо?

– Я сказал, что мне надо!

– Ну, извиняюсь, извиняюсь, чтоб вас обоих... Пусти-и-и! Артем пнул его коленом пониже спины и брезгливо сплюнул:

– А теперь катись отсюда в свою нору и учти, что если ты хоть пальцем тронешь эту женщину, то впредь так легко не отделаешься!

Эрхорниот прыжком отскочил к люку подземного перехода и погрозил кулаком:

– Ты попомнишь меня, проклятый чужеземец! Ты заплатишь за все, за все!

Но Артем и не взглянул больше в его сторону, так сильна была тревога за О-Регги: крик перепуганной девочки все еще стоял у него в ушах, он готов был к самому худшему, лихорадочно соображая, как оказать первую помощь несчастной женщине. Однако та уже поднялась с земли, отряхнула пыль с колен и, поправив прическу, сама протянула обе руки Артему:

- Снова я отнимаю у тебя время...
- Какое время?! О чем ты, Регги? Скажи, как ты себя чувствуешь? Он сильно побил тебя? Тебе больно?
- Нет, он не успел и раза ударить. Хотя, если бы не ты... Второй раз ты приходишь мне на помощь. А мне нечем даже отблагодарить...
- Да брось ты, О-Регги! За что благодарить? А ну-ка, О-Фанни, поможем маме! Чем вы рыхлите эти грядки? Этим?! – поднял он с земли длинную палку с толстым востренным сучком.
- Чем же еще? Хорошо хоть этим снабжает начальство, – проводила она недобрым взглядом скрывшегося надсмотрщика.
- А кто он, этот начальник? – любопытствовал Артем.
- Грилль О-Понс. Разве ты не знаешь его? «Грилль О-Понс! – мысленно присвистнул Артем. –
- Г'мк вот каков он, подручный О-Гейма, главный исполнитель самых неблагоприятных замыслов Мудрейшего!»
- Да, Грилль О-Понс, он самый, – продолжала О-Регги. – Никому от него житья нет. А мне в особенности.
- За что же он так невзлюбил тебя?
- Вытряхнула раз из своей землянки. Вот и злобится. Да что мы все о нем? Стоит на эту пакость слова тратить! Как сам-то поживаешь, добрый чужеземец Артем? Может, помощь какая тебе требуется, так ты только скажи.
- Нет, спасибо, О-Регги. Я ни в чем не нуждаюсь. А вот тебе мы с О-Фанни сейчас поможем. Верно, дочка?
- Верно, чужеземец Артем!
- Он снова взял заостренный сук, поплевал на руки, как делал когда-то в детстве, и принялся дробить слежавшуюся землю. Работа оказалась не из легких. Сначала он снял рубаху, а затем и майку. Зато как приятно было размять мышцы на свежем воздухе. Да еще благодарным взглядом милой женщины и горящими от счастья глазенками никогда не знавшего радости ребенка.
- Здесь же, на грядках, они и пообедали принесенной О-Регги едой и только поздно вечером усталые и счастливые спустились в мрачный подземный переход.
- О-Фанни уже спала на руках Артема. О-Регги несмело опиралась рукой на его локоть. Так дошли они до знакомого поворота, и Артем плотнее прижал к себе спящего ребенка, чтобы случайно не ударить о стену в узком плохо освещенном переходе, когда на пути их вырос мальчик-посыльный О-Стелли:
- Чужеземец Артем, Мудрейшая просила сказать, что ждет тебя в шатре для занятий.
- Что ты сказал? Меня ждет О-Стелли?! – Артем даже споткнулся на ровном месте. – Хорошо, скажи Мудрейшей, сейчас приду, только уложу девочку в постель.
- Иди, Артем, иди сейчас, – мягко коснулась его плеча О-Регги. – Я уложу ее сама. О-Стелли нельзя заставлял, ждать, – она взяла у него О-Фанни и, чуть помедлив, со вздохом скрылась в темноте.
- О-Стелли встретила его с нескрываемым укором:
- Я уж потеряла надежду, что мой посыльный разыщет тебя.
- Прости, О-Стелли. Пришлось помочь одной женщине взрыхлить ее участок в огородах.
- Участок О-Регги?
- Да. Ты знаешь, у нее маленькая дочь. Ей очень трудно...
- Здесь всем трудно, Артем. Но каждому не поможешь. А у меня хорошая новость. О-Брайн разрешил тебе учить детей грамоте.
- Спасибо.
- С чего же ты начнешь?
- Я еще не думал об этом.
- Может быть, подумаем вместе?

– Если тебе угодно.

– Если мне угодно... Как странно ты говоришь со мной сегодня. Что случилось, Артем? Ты молчишь...– голос девушки дрогнул, глаза наполнились плохо скрываемой болью.

«О-Стелли, милая!»– бешеная радость готова была взорвать Артема. Но перед глазами вдруг снова всплыл хищный оскал надсмотрщика и огромный кулачище, занесенный над головой незащищенной женщины, всплыл, как символ тирании Мудрейших, а, следовательно, и ее, О-Стелли. И радость померкла, будто подернулась пеплом.

– Мне нечего сказать тебе сейчас.

– И все-таки, должна быть какая-то причина... Может быть, то, что я так долго не могла навестить тебя. Но ты должен был попить, что есть обстоятельства...

– Да, я знаю, у вас готовится большое семейное торжество.

Брови О-Стелли удивленно приподнялись. В глазах мелькнуло что-то похожее на затаенное страдание. Она медленно покачала головой:

– Ты слишком легко принимаешь на веру все, что болтают тетюшка О-Горди и другие старики и старухи.

– Разве у них нет основания?

– Основание есть. Только...

– Что только?

– Да нет, ничего... Так ты, говоришь, помог О-Регги рыхлить землю? – поспешила она переменить тему разговора.– Я знаю, это очень тяжелая работа. Но нам всем здесь трудно. Мы уже говорили с тобой об этом. Правда, ты утверждал, что не нам, Мудрейшим, судить о трудностях. А между тем...

– Ты снова хочешь убедить меня в противном?

– Не в этом дело. Я была на твоём концерте...

– Я знаю.

– И вот там...– она перевела дыхание, явно стараясь справиться с охватившим ее волнением, и долго молчала, явно вслушиваясь в звуки какой-то далекой музыки и в то же время страдая от нее, потом тихо продолжила. И вот там, в тот вечер, когда я услышала твоё пение при свете Луны, под огромным ночным небом, когда увидела ту чудную головку, будто сказочно возникшую из лунных бликов и звуков твоих песен... Я, поверишь ли, в первый раз в жизни позавидовала простым прядильщицам и ткачихам.

– Позавидовала этим несчастным? В чём же?

– В том хотя бы, что каждая из них могла в тот вечер свободно подойти к тебе, выразить свой восторг, даже обнять тебя, пригласить к себе в гости, а я... Я даже сейчас, наедине с тобой, должна следить, чтобы не сказать лишнего слова, не выразить своё собственное, идущее от сердца мнение о твоём концерте, не признаться, как много пережила в эти последние дни...– голос её прервался. Она вскинула на Артема ставшими вдруг беспомощными, полными горечи глаза и глотнула слезы.

Острое чувство жалости кольнуло Артема. Он склонился к столу и осторожно накрыл ладонью маленькую руку О-Стелли. Она была холодна, как лёд. Он легонько погладил её кончиками пальцем:

– О-Стелли...

– Что, Артем? – Её лицо выражало теперь полное смятение. В глубине глаз затаилось что-то похожее на страх и боль. Её рука чуть дрогнула и покорно затихла под его ладонь. И он готов был уже покрыть поцелуями эту слабенькую, так доверчиво покорившуюся ему руку. Но в памяти вновь всплыл хищный оскал надсмотрщика и его огромный кулачище, занесенный над головой незащищенной женщины, всплыл, как символ Системы, символ могущества Мудрейших. И он только сказал:

– О-Стелли, что связывает тебя? Что не даёт тебе быть самой собой?

Она отняла руку и вмиг словно окаменела:

– Что связывает меня? Что же, я скажу тебе... – медленно будто через силу произнесла она, чеканя каждое слово. – Я связана Великим заветом. Да, есть у нас такой молох – Великий завет...

– Великий завет? Я слышал о нем. Но ведь он, кажется, обязателен для всех мужчин и женщин общины?

– Да. Но никто из них, этих мужчин и женщин, ни знает, что это такое. А я знаю. Обязана знать! И не только знать, но и подчиняться ему. И не только подчиняться, но и подчинять всех своих соплеменников.

По лицу О-Стелли пробежала еле заметная усмешка:

– Когда-то я видела в этом свое высшее предназначение. Гордилась этим. Упивалась этим. И только там, в тот вечер поняла, какое это страшное несчастье – распоряжаться жизнью других, не имея права на жизнь собственную. Да, жизнь наших женщин трудна. И в тот день, день твоего концерта, они, как всегда, к вечеру валились от усталости. Но вот услышали твои песни, увидели эту созданную кем-то красоту и потянулись к тебе, потянулись к этому «Чему-то», для чего нет в нашем языке ни слова, ни понятия, что иллюзорно, как воздух, чего нельзя ни съесть, ни взять в руки, ни пощупать. Но что доставляет почему-то человеку большую радость, большее удовольствие, чем любые еда и питье. И они наслаждались этим. И благодарили тебя за это. И уходили с таким чувством, будто уносят в груди какое-то бесценное сокровище. А я... Я должна была убеждать себя, что все это абсолютно не нужно, даже вредно, ибо может расшатать предписанный Заветом порядок в общине. Более того, я должна была прекратить это безобразие. Этого требовал Великий завет, мои обязанности главы общины. Но я лишь ушла, не сказав никому ни слова. Ушла, чтобы ничего не видеть и не слышать. Ушла, чтобы в первый раз в жизни поплакать над своей судьбой...

Она опустила голову, закрыла глаза рукой:

– Ты понимаешь, наверное, что я могла бы многое еще сказать тебе. Но тот же Завет запрещает мне даже это. Вот так, Артем...

– Но это черт знает на что похоже! – взорвался тот. – Великий завет! Почему ты обязана безропотно подчиняться какому-то архаичному, неведомому составленному завещанию? Почему не можешь сама – сама! – оценить, что в нем осталось разумного, а что давно изжило себя, как напрочь истлевшее тонкитовое? Кто заставляет тебя так рабски пресмыкаться перед жалким клочком бумаги?

– Кто меня заставляет?... – она чуть помолчала. – Есть такая сила, Артем, – безжалостная, беспощадная... – она обреченно покачала головой и даже вздрогнула, как вздрагивают от внезапно нахлынувшего страха. Но тут же овладела собой, попыталась переменить тему разговора. – А ты не мог бы еще раз показать ту женскую головку. Я знала, что в древние времена у нас существовало нечто подобное. Но чтобы такое совершенство...

– Да, такой красоты я не встречал ни в одном из музеев. А главное, как ни странно, она и ты...

Щеки О-Стелли слегка порозовели от смущения:

– Ты хочешь сказать, что она и я... Что она немного похожа на меня?

– Немного похожа... Да это вылитая ты! Потому я и храню скульптурку, как самую дорогую реликвию.

– Что?... – скорее выдохнула, чем произнесла О-Стелли. Радость, испуг, смещение, как в калейдоскопе, сменяя друг друга, пробежали по ее лицу.

– Что ты сказал, Артем?... – повторила она еще тише.

– Я сказал... Я давно хотел сказать, О-Стелли... Ой, что это?! – он развернул скульптурку и чуть не выронил ее из рук: все лицо прекрасной незнакомки было изуродовано каким-то острым режущим инструментом, а на тонкой изящной шее ее вымечено, подобно безобразному шраму, зловещее изображение трех перекрещенных ножей на фоне молнии.

– О-о-о! – сдавленно простонала О-Стелли, закрыв руками расширившиеся от ужаса глаза.

А Артем метнулся к шкафчику, где хранилось комизо, и едва смог сдержать возглас проклятья: все струны на инструменте были оборваны, а на гладком полированном корпусе его красовалась все та же зловещая эмблема трех ножей.

Несколько минут они не говорили ни слова, потрясенные кошмарным зрелищем чудовищного вандализма. Потом Артем подошел к беззвучно рыдающей девушке и тихо спросил:

– Ты упомянула о какой-то безжалостной силе, О-Стелли... Это они?

Она лишь молча кивнула головой.

– Но кто они, эти варвары, эти звери в образе людей?

– Не спрашивай меня, Артем. Это страшно. Это так страшно...

– Но имею я право знать, кто в любую минуту может расправиться и со мной!

Она явно боролась с собой:

– Да... Тебе, наверное, надо знать, что у нас здесь...

Но в это время люк раскрылся, и знакомый посыльный О-Брайна шагнул прямо к столу, согнувшись в полупоклоне перед О-Стелли.

– Прошу прощения, Мудрейшая. Но Мудрейший из Мудрейших гневается и просит немедленно спуститься к нему.

Лицо О-Стелли покрылось мертвенной бледностью:

– Хорошо, ступай. Скажи Мудрейшему из Мудрейших, я сейчас буду.

Посыльный скрылся в люке. О-Стелли коротко вздохнула:

– Этого следовало ожидать... Я не могу послушаться О-Брайна. А то, о чем спросил ты, в двух словах не объяснишь. Извини меня, но...

– Я понимаю...

– Если бы ты действительно мог понять! Но я сама запуталась во всем. Я в полной растерянности, Артем. Мне так хотелось поговорить сегодня с тобой, я думала, ты придешь пораньше... Нет, ты не виноват, я знаю... Но когда я почувствовала, что мысли твои где-то далеко... Словом, все получилось так сумбурно! Я ничего не успела... не смогла объяснить тебе. А теперь вот...

– Прости меня, О-Стелли. Я в самом деле был немного не в себе сегодня: случайно пришлось стать свидетелем отвратительной сцены там, в поле. Ну и сама понимаешь...

– Что же ты не сказал об этом сразу?

– Не знаю... Но мы еще вернемся к нашему разговору. И я надеюсь, что в следующий раз...

– Боюсь, это будет очень не скоро, – следующий раз. Я говорила тебе...

– Да, эти твои «сверхсрочные дела»...

– Не надо, Артем. Ты знаешь, что я не могла сказать тебе иначе. Как знаешь, догадываешься, по крайней мере, и что стоит за этим. Доброй ночи тебе, мой друг, и... передай от меня привет О-Регги.

– Спасибо. Только я едва ли увижу ее в ближайшие несколько дней.

Она быстро обернулась к нему, видимо, хотела сказать что-то еще. Но лишь махнула рукой и скрылась в люке.

16

Никогда еще, кажется, Артем не волновался так, как в этот день, перед первым занятием с детьми эрхорниотов. С чего бы это? Ведь было время, и совсем в недавнем прошлом, когда он читал лекции студентам университета, выступал на научных конференциях перед большими учеными. И там он тоже волновался. Но не так. Совсем не так!

Там все было обычным, шло по известному, давно определенному кругу, и нужно было только войти в этот круг, научиться тому, что другие уже умели, на худой конец, скопировать приемы своих учителей.

А здесь?... Как построить занятие здесь? С чего начать? Как заинтересовать своих будущих учеником и том, о чем они понятия не имеют?

Все эти вопросы мучили Артема уже много дней . И ни на один из них он так и не смог найти ответа. Но отступить было поздно. Вопрос об открытии школы был решен, день первого занятия назначен. Осталось рассчитывать на то, что сами дети подскажут, как вести себя и столь не обычной обстановке.

И вот этот день наступил. В условленное время и в большом шатре, специально оборудованном для этой цели, собралось десять мальчиков и двенадцать девочек. Совершенно разные и по возрасту и по характеру, они сидели сейчас, боясь пошевелиться, и не сводили глаз со странно одетого, удивительно светловолосого и светлоглазого человека, толком не зная, зачем их сюда собрали и что им предстоит делать.

Артем раздал каждому по олоотоо и пишущему стерженьку и, встав за свой стол, с минуту молчал, всматриваясь в двадцать две пары устремленных на него глаз.

С чего все-таки начать? Как подвести к основам грамоты этих маленьких дикарей, никогда не видевших ни книг, ни журналов, не слышавших ни радио, ни магнитофонных записей. Ведь они не знали даже таких понятий, как писать и читать. Но все глаза светились неподдельным любопытством. А это было уже кое-что.

– Скажите, дети,– начал Артем как можно более доверительным голосом.– Кто из вас был наверху, на летних пастбищах?

– Я... Я был,– несмело отозвался один из мальчиков, внук брата О-Гримма О-Чейз.

– И понравилось тебе там, в лугах? – продолжал Артем, подбодря мальчика улыбкой.

– Еще бы!

– А что все-таки понравилось?

– О-о, там так красиво! Кругом – трава, цветы. А вдали – горы. Высокие – страшно смотреть! И над всем этим – небо. Огромное, синее. И белые облака, как пух ягненка...

– Отлично, О-Чейз! Ты нарисовал словами целую картину. Неправда ли, дети, вы словно увидели все это?

– Да...

– А если бы сохранить этот рассказ? Чтобы и завтра вы словно увидели все это. И через год. И через много-много лет, когда и О-Чейза не будет. И даже те, кого нет сейчас с нами, скажем, ваши папы и мамы, тоже словно бы увидели все, что сказал О-Чейз...

Дети понимающе заулыбались: добрый чужеземец приглашал их послушать веселую шутку. О, они так любили эти шутки. Только очень уж редко звучали шутливые речи в их убогих жилищах.

– А ведь это легко сделать,– неожиданно заявил Артем.– Не верите?

Нет, они не верили. Это было видно по глазам.

– Тогда скажите, рассказ О-Чейза состоит из слов? Одних слов и ничего другого?

Да, с этим они согласны.

– А если каждое его слово изобразить на олоотоо? Снова – недвумение. Как это изобразить? Нарисовать

что ли? Нарисовать можно дерево, стол, человека. Но слово?

– И я сделал это,– продолжал Артем.– Послушайте! Он взял олоотоо в руки, и, медленно вода пальцем по

написанным им строкам, громко прочел:

– О-о, там так красиво! Кругом – трава, цветы. А вдали горы. Высокие – страшно смотреть! И над всем этим – небо. Огромное, синее, И белые облака, как пу ягненка...

Дети раскрыли рты от удивления.

– Ну что? Вот вы и снова услышали рассказ О-Чейза. И, глядя на мое олоотоо, сможете слышать его и завтра, и послезавтра, и через много лет. И нет здесь ничего мудреного. Любое слово можно действительно изобразить на олоотоо. Как? А вот как. Возьмем какое-нибудь всем знакомое слово. Скажем, слово «мама». Оно состоит из звуков: «м», «а», «м», «а». Так? А если для каждого Пука придумать свой рисунок, свой значок? Смотрите! – он поднял олоотоо и начал рисовать.– Пусть для звука «м» это будет значок М, а для звука «а»– значок А. Тогда слово «мама» можно легко изобразить этими значками: МАМА.

Он взял другое олоото и, снова написав: «мама», поднял его высоко над головой:

– Что вы видите на этом олоото? Что за слово изображено здесь?

– Мама... Мама! – сначала неуверенно, потом все более убежденно ответило несколько голосов.

– И что вы словно бы увидели, глядя на эти значки? – продолжал Артем.

– Маму. Маму! Мою маму! – понеслось со всех сторон.

– Видите, как все просто, – улыбнулся Артем. Значки, которые я вам показал, называются буквы Их совсем немного. Еще до конца лета вы будете знать все буквы до одной. И сможете написать и прочесть любое слово, воспроизвести любое событие, любую понравившуюся ним картинку. А теперь поучимся рисовать те две буккы, какие я уже показал.

Все головы склонились над олоото. Дети усердно выводили первые в своей жизни буквы, писали первое слово, а некоторые даже пририсовывали тут же изображение того, что оно означало – портрет самого любимого на свете существа, своей матери.

Артем поздравил себя с удачей. Был сделан первый, самый трудный, самый ответственный шаг. Теперь важно было не потерять доверие ребят. Он переходил от стола к столу, показывая, как удобнее держать в руке гоноро, терпеливо исправлял очертания букв, а главное, где шуткой, где улыбкой, где ласковым словом помогал избавиться от стеснительности и робости детей перед столь необычным для них занятием. А они старались вовсю. Кое у кого даже волосы взмокли от пота. Надо было дать их ручонкам передохнуть, занять, ребят чем-то новым, интересным.

Артем отошел к своему столу:

– А сейчас, друзья, я познакомлю вас еще с одной возможностью выражать свои чувства и настроения. Кто из вас был на последнем празднике или недавно вечером на берегу озера, где я играл и пел?

– Я! Я! И я! – сразу раздалось со всех сторон.

– Значит, все вы знаете, что значит играть и петь. И понравилось вам это?

О, миг загоревшиеся глазенки были красноречивее всяких слов.

– А ведь петь могут все. И взрослые и дети. И я и научу вас этому прямо сейчас.

Дети переглянулись: что он, снова шутит? Однако странный чужеземец взял комизо и весело кивнул им головой

– Вот послушайте для начала. Подойдите ко мне поближе.

Артем заранее, еще дня три назад, с трудом отремонтировав изуродованный инструмент, сочинил на эрхорниснском языке несколько простых, легко запоминающихся четверостиший, подобрал к ним мелодию одной из наиболее ритмичных детских песенок и теперь, ударив по струнам, запел:

*«Белым пухом плывут облака в синеве,
Алым пламенем светятся маки в траве.
Мы под музыку с песней идем по лугам,
Даже небо и солнце завидуют нам»*

И надо было видеть, что сделала немудреная песенка со сгрудившимися вокруг него маленькими дикарями. Глаза их разгорелись, щеки разрумянились, рты раскрылись от удивления и восторга.

– А теперь давайте все вместе. – Артем медленно, по слогам повторил слова первого куплета и, пройдясь по струнам, снова запел.

Дети молчали.

– Ну, давайте же, давайте! Вместе со мной! – Артем отошел от стола, подсел ближе к ребятам. – Итак:

«Бе-лым пу-хом плы-вут об-лака в си-неве...»

– Так-так! – радостно взмахнул он рукой, услышав наконец ломкий голос О-Чейза.
«Алым пла-менем све-тятся маки в тра-ве...» – зазвенел нежный, как колокольчик, голосок О-Фанни.

И вот уже целый хор мальчишеских и девичьих голосов подхватил заключительные строки куплета:

*«Мы под музыку с песней идем по лугам,
Даже небо и солнце завидуют нам.»*

Не прошло и полчаса, как песня была разучена от начала до конца и, подхваченная двумя десятками молодых звонких голосов, понеслась над всем озером, взламывая веками устоявшуюся здесь тишину.

– Ну, вот и отлично, дети, – сказал Артем, откладывая в сторону комизо. – Можете петь теперь эту песню дома, в городах, папам, мамам, дедушкам и бабушкам. А сейчас садитесь на свои места, еще немного попишем наши буквы. Все снова склонились над столами. Вдруг полог шатра распахнулся, и Артем увидел О-Гейма.

– Что это такое? Что здесь происходит? – с ходу закричал тот, заглядывая через плечи детей на разложенные перед ними олоотоо.

– Прежде всего, здравствуй, Мудрейший, – спокойно ответил Артем. – Дети, поздоровайтесь с Мудрейшим.

– Здравствуй, Мудрейший! – раздался нестройный хор голосов.

– А теперь выйдем, поговорим, – обратился к нему Артем.

– Что значит выйдем? – встал в позу О-Гейм.

– Выйдем, выйдем! – Артем взял Мудрейшего за локоть и почти вынес его из шатра.

– Так чем ты здесь занимаешься?! – рявкнул О-Гейм с перекошенным от злобы лицом.

– Я учу детей грамоте, – все еще сдерживая себя, ответил Артем.

– Какой еще грамоте? Кому и зачем это нужно? И что за вой подняли вы на все озеро – хоть уши затыкай! – орал Мудрейший, размахивая руками перед самым лицом Артема. – Кто разрешил тебе, чужаку, вмешиваться в наши порядки?

– Чтобы ответить на все эти вопросы, надо слишком много времени. А я занят, меня ждут дети. Если хочешь, поговорим сегодня вечером, в моем шатре. Только не в таком тоне. Иначе я вообще не буду с тобой разговаривать.

– Что-о?! – окончательно вышел из себя О-Гейм. – Да знаешь ли ты, кто я? Знаешь ли, что я могу с тобой сделать?! Знаешь ли...

– Знаю. Все знаю. И проваливай отсюда, господин мудрейший! А если еще раз вздумаешь мешать нашим занятиям, я выкупаю тебя в озере, вмиг остынешь!

– Ну, хо-р-рошо! Ты вспомнишь еще этот день!... – он круто повернулся и чуть не рысью направился в сторону шатра О-Стелли.

Артем вернулся к детям. Однако настроение было испорчено. Позанимавшись еще с полчаса, он закончил урок и, не заходя в свой шатер, прошел в южный конец озера, где не было ни полей, ни огородов, и где можно было ни загорать и поплавать, не боясь попасться на глаза хозяевам котловины.

Здесь он прежде всего постирал свое белье и развесив его на густой высокой траве, бросился в искрящуюся на солнце воду. Это был испытанный прием: плавание всегда снимало излишнее нервное напряжение. Однако на этот раз не помогло и плавание. Неприятный осадок, оставшийся от разговора с О-Геймом, так и не прошел. На душе оставалась тревога. Стычка с мудрейшим могла привести к самым непредвиденным осложнениям. Стоило ли обострять отношения с этим вырожденком?

Но тут Артем вспомнил, как О-Гейм плюнул на сделанный им станок, как заставил бежать от разъяренных пчел, и упрямо тряхнул головой. Да, стоило! Подлецу надо прямо сказать, что он подлец. А если О-Селли вздумает защищать своего жениха, то он так же прямо скажет это и ей, О-Стелли.

Артем вышел из воды и, отжав плавки, повалился на теплый прогретый солнцем песок. Высоко в небе над ним плыли жемчужно-белые горы облаков. И вспомнилось детство: небольшой пляж над речным омутом, у мельницы, где он частенько лежал вот так же на теплом песке, смотрел на бегущие облака и мечтал умчаться вслед за ними в далекие неведомые страны. Жизнь исполнила эти мечты с лихвой. И что же?..

Вдруг послышались шаркающие в траве шаги. Он поднял голову и увидел приближающегося к нему О-Гримма.

– Вот где ты прячешься от глаз людских! Еле отыскал тебя,– сказал старик, по обыкновению разглаживая седую окладистую бороду.

– Здравствуй, дядюшка О-Гримм,– приподнялся с песка Артем.– Занялся вот хозяйственными делами. А как ты вырвался из своего подземного каземата?

– Так это спасибо тебе. Помнишь то Слово О-Брайна, в котором он назначил меня старшим над мастерами по поделке станков? Пустяшное вроде бы звание. А теперь я о всякое время могу уйти из мастерской: то затем, чтобы нужное дерево подобрать, то еще за чем-нибудь. Зато вот и солнышко лишний раз доводится увидеть и свежим воздухом подышать.

– Ну, садись, погрейся на припеке. Давно мы с тобой не толковали.

– Да, давненько,– согласился старик, присаживаясь рядом с Артемом.– А потолковать надо бы. Благо здесь ни один шпион-доносчик не помешает.

– А много таких?

– Двое тебе известны. Всех не знаю и я.

– Двое – это О-Питт и О-Понс?

– Особенно О-Понс. Да ты, я слышал, успел с ним лично познакомиться. О-Регги рассказала мне о вашей стычке.

– Было дело...

– А сегодня я сам слышал, как ты сцепился с мудрейшим.

– Ты вроде осуждаешь это?

– Как тебе сказать... Я сам с удовольствием плюнул бы в их мерзкие физиономии. Да ведь...

– Что же ты замолчал?

– Да ведь паршивого козла травить, что яму себе рыть. Один ты тут ничего не добьешься. Изведут они тебя, Артем. До смерти изведут. Это я тебе, как сыну, говорю.

– Что же, спасибо за доброту. Только почему ты говоришь, я один? Нас с тобой уже двое. И даже не двое: с нами и твой О-Бирнс и О-Кристи да и О-Регги тоже. А если нас поддержит вся община?

– Как она поддержит, если все с детства дрожат перед Мудрейшими? Да и что мы, простые эрхорниоты, по сравнению с ними? Так, мразь, ничтожество, дурачье необразованное. А ведь мудрейшие...

– Вот-вот, это ты точно заметил! Дурачье необразованное... А почему необразованное? Почему так случилось, что вы, нынешние эрхорниоты, не можете ни писать, ни читать? Почему не знаете ни музыки, ни всего иного, что мы называем искусством? Почему вам не интересно, кто вы, кем были ваши предки, как устроен мир? Почему ваши дети не слышат даже сказок? Я с самого начала понял, что все ваши беды от этого, но не мог понять, как вы дошли до такого состояния, как растеряли все, что у нас называется культурой, духовной жизнью общества. Твой недавний рассказ раскрыл мне глаза на многое. Как я и предполагал, мудрейшие намеренно лишили вас всех знаний, всех элементов культуры. Да, намеренно, потому что это же легче – держать в повиновении «необразованное дурачье». А если вернуть все отнятое? Если снова сделать всех вас знающими, культурными людьми? Чем тогда мудрейшие обоснуют право властвовать над вами?

– Э-э, мало ли чем! Ведь только они знают, как спастись от большого мора. А страх перед ним до сих пор не может побороть ничто. Да ты сам прошлый раз сказал, что основание

дли такую страхи есть И это главное, чем держат нас мудрейшие в руках. Большинство из нас боится на солнышко выползти, лишний раз на небо глянуть. А мудрейшим только этого и надо. Они не перестают внушать нам, что большой мор может спуститься с гор каждую минуту и что только они, члены Орио, в состоянии спасти общину от неминуемой гибели.

– Большой мор... Давай-ка все-таки разберемся с этим «мором». Я действительно прошлый раз предположил, что ваши мудрейшие имеют в виду последствия ядерной войны, если б такая разразилась на Земле.

– Так я тебя и понял...

– Но ведь Великий завет, с его предсказанием Большого мора, как следует из твоих рассказов, был составлен человеком, жившим лет полтораста тому назад?

– Да, если посчитать всех, кто сменил О-Стрема.

– Так в то время люди еще понятия не имели о ядерных бомбах.

– Как?!

– А вот так. Первая бомба была изобретена и взорвана всего лишь несколько десятков лет назад. А до этого люди и представить не могли ничего подобного.

– Значит, что же...– вконец растерялся О-Гримм,– Значит, мудрейшие просто обманывают нас, просто нарочно придумали этот Большой мор?

– Кто знает... Может быть, в те далекие времена, когда составлялся Великий завет, и существовал миф о какой-то глобальной катастрофе, иначе зачем было создавать ваши гигантские подземелья. Легенд о конце света хватало у каждого народа, как хватало и диктаторов, умело использовавших эти легенды в своих целях. Но чтобы вера в такой миф сохранилась до наших дней... Такого только и можно было добиться, лишив народ всех накопленных человечеством знаний, всех без исключения проявлений духовной жизни. Что и сделали ваши мудрейшие. Но так не может продолжаться вечно. Вот почему я хочу избавить вас от страха и хоть немного приобщить к культуре.

– Что ты хочешь,– понятно,– грустно улыбнулся О-Гримм,– И сделать это, наверное, сможешь. Люди верят тебе. Страх перед мором велик, но то, что ты называешь искусством, сильнее страха. Я почувствовал это на себе. Только не накликай бы еще большую беду. Страх страхом, а есть у мудрейших и кое-что посущественнее.

– Что ты имеешь в виду?

– Многое что. Да вот хоть такое дело. Весь наш подземный город, как ты знаешь, бесперебойно снабжается отличным чистым воздухом. А как? За счет чего? Об этом ты подумал?

– Да, мне сразу показалась загадочной система вентиляции такой уймы тоннелей. В первые дни я специально обошел все закоулки города, пытаюсь найти какие-нибудь компрессоры или иные установки, нагнетающие воздух под землю.

– Ну и что, нашел?

– Нет, это так и осталось для меня загадкой.

– Вот видишь. А ведь что-то все-таки существует. И Мудрейшие знают об этом. Так что им стоит в случае малейшего неповиновения людей взять и прекратить подачу воздуха во все наши жилища и мастерские?

– Да, это возможно,– не мог не согласиться Артем.

– Дальше... Возьмем наши люки. Как они действуют, ты знаешь. А знаешь ли, что можно сделать так, чтобы в один прекрасный момент все они перестали открываться. Все до единого! Как это сделать, не знает никто, кроме Мудрейших.

– Вот это для меня новость!

– Но это еще не все. Мы понятия не имеем, чем заправляются наши «огнива», с помощью которых зажигаются ночные светильники и домашние очаги. Мы не знаем даже, где хранятся ножницы для стрижки коз: их два раза в год выдает пастухам сам О-Гейм, и горе тому, кто потеряет или сломает хоть одни из них. Однако самое страшное, что могут сделать Мудрейшие, как рассказывал мой отец... Впрочем, это ни к чему!

– Как ни к чему? Рассказывай все, я слушаю.

– Нет-нет, только не это! Отец умер и взял с меня клятву никому не говорить о Вратах в небо. Не будем тревожить его покой. Нельзя этого делать.

«О вратах в небо?!»– Артем понял, что прикоснулся еще к одной тайне эрхорниотов, но решил не торопить пока О-Гримма дальнейшими расспросами:

– Ну, хорошо. Нельзя так нельзя. Ты и без того на многое раскрыл мне сегодня глаза. Я и раньше догадывался, что Мудрейшие держат вас в повиновении не одним страхом перед мором, а теперь окончательно убедился, что у них в руках вся ваша жизнь, весь механизм, поддерживающий ваше существование.

– И опять ты не совсем прав. Я уже как-то говорил тебе, не могут они делать все, что хотят. И над ними есть сила... Более того. Я могу ошибаться, конечно, но сдается мне, что те же шпионы-доносчики следят и за Мудрейшими.

– Да кому им доносить на Мудрейших? – удивился Артем.

– Говорю тебе, есть такая сила, которой побаивается сам О-Брайн. Только никто ничего не знает о ней.

Артем сразу вспомнил последний разговор с О-Стелли.

– Эта? – он поспешно набросал на песке изображение скрещенных ножей.

– Так и ты с ней столкнулся? – испуганно оглянулся по сторонам О-Гримм.

– Столкнулся, к сожалению... Только не знаю, кто вы водит такие вензеля.

– Ну, этого тебе никто не скажет. Никто и никогда! И не вздумай спросить кого-нибудь. Каждый скорее умрет чем заговорит об этом.

– А ты?

– И я ничего не скажу. Да если б и хотел, ничего не мог сказать. Кроме того, что страшнее этого нет ничего на свете.

– Да-а, действительно, сложилась тут у вас с и с т е м а! Но все равно, дальше так продолжаться не может. Только вижу, что прежде чем вступить с ней в борьбу, надо раскрыть ваши бесчисленные секреты. А для этого надо, по крайней мере, знать кто вы, откуда пришли сюда, как сложилась ваша община со всеми ее загадками и нелепостями. Ведь все это покрыто сплошной завесой тайны. Я сделаю все возможное, чтобы раскрыть ее, понять феноменальный ход вашей истории. Но мне нужна твоя помощь. Подумай, вспомни все, что ты видел, слышал или замечал когда-то. Поговори с другими стариками. Не может быть, чтобы мы не докопались до истины. Любая тайна выдаст себя, если тщательно фиксировать все, с чем она соприкасается. А ведь вы живете с ней всю жизнь. Ну, а я в ближайшее время хочу заняться самой котловиной. В ней тоже много загадочного. Я давно уже собираюсь полазить по вашим скалам. Думаю, теперь мне позволят это.

17

Проблема возникновения столь необычной котловины не шла у Артема из головы с первого дня, как он приземлился в ней, выпрыгнув из гондолы аэростата. Уже тогда она поразила его своими размерами, неправдоподобно правильной формой, а главное – невозможностью подвести происхождение ни под один из известных геологических процессов. Последующие дни и месяцы, проведенные на дне гигантского амфитеатра, ни на йоту не приблизили его к решению этого вопроса. Более того. Знакомство с таинственным племенем эрхорниотов, являющихся, несомненно, осколком какой-то чрезвычайно высоко развитой цивилизации, не только не прояснило ни одной стороны загадочного феномена, но и сделало его еще более интригующим и необъяснимым.

Была ли какая-то связь между геологическими особенностями котловины и судьбой населяющих ее людей? Не могли ли какие-нибудь детали в строении этой уникальной структуры навести на след происхождения самой цивилизации эрхорниотов?

Все это могло проясниться только в ходе детального изучения пород, слагающих верхние ярусы амфитеатра, располагающиеся над альпийскими лугами. Но разве отпустили бы его

туда, за черту сторожевых кордонов, в те первые недели, когда неясно было даже, гость он или пленник своих хозяев. Нечего было и думать в то время обращаться к О-Брайну с подобной просьбой. Он мог не только усомниться в истинных намерениях чужеземца, но и истолковать их как попытку к бегству из котловины. И только теперь, когда Артем почувствовал, что положение это более или менее определилось и появилось известное взаимопонимание с Мудрейшим из Мудрейших, он решил попробовать наконец попросить разрешения на небольшую экспедицию к голым скалам. Но как практически это осуществить?

Просить об аудиенции лично О-Брайна было нежелательным. О-Стелли исчезла с его горизонта окончательно: после памятной встречи, прерванной посыльным Мудрейшего из Мудрейших, он не видел ее ни разу. А наводить справки, как разыскать ее или хотя бы как передать ей тою просьбу, он не хотел даже через тетушку О-Горди: уж если О-Стелли не могла выделить даже нескольких минут, чтобы увидеться с ним, то у него должно хватить гордости не напоминать о себе ничем.

Впрочем, хоть гордости у него и хватило, но чем дольше он не видел О-Стелли, тем больше тосковал по ней и, наверное, совершенно скис бы от отчаяния, если бы не организованная им «школа». Этой «школе», занятиям с малышами-эрхорниотами, он отдавал теперь все свои силы и знания. На уроках, которые становились все длиннее и многотруднее, он не только учил их читать и писать, но рассказывал и о жизни растений и животных, и о строении Земли и Солнечной системы, и о странах и народах всего огромного мира, что лежал за пределами котловины, а по вечерам частенько заглаживал в жилища своих питомцев, знакомился с их отцами и матерями, расспрашивал тех о жизни и работе, помогал, чем мог.

Так прошло с полмесяца или чуть более, и Артем готом был уже расстаться со своими планами «полазить по го рам» или, по крайней мере, отложить их до следующего лета, как вдруг однажды под вечер, едва он успел распустить своих учеников, в школьный шатер проскользнул по сыльный О-Стелли и, почему-то понизив голос, объявил, что «Мудрейшая ждет чужеземца в его шатре по очень важному делу».

– Спасибо, сейчас иду, – быстро собрав со столов оло тоо, Артем вышел из шатра и, не спускаясь под землю, прямо по переходным мостикам поспешил в свой купол.

О-Стелли встала ему навстречу: 4

– Здравствуй, Артем! Как ты живешь, как чувствуешь себя? Как идут занятия с детьми?

– Столько вопросов сразу? – невольно усмехнулся Артем. – Ну что же... Чувствую я себя хорошо. Занятия в школе идут прекрасно. Дети выучили уже половину букв, понемногу начинают читать. А как поживаешь ты?

– Я?... В общем, тоже хорошо, только... Я слышала, ты крупно повздорил с О-Геймом...

«Так... Вот что за «важное дело» привело тебя сюда, Мудрейшая!» – зло подумал Артем:

– Ты хочешь, чтобы я извинился перед ним? – жестко сказал он. – Этого не будет!

– Нет, совсем нет! – поспешила возразить О-Стелли. – И не думай, что я собираюсь защищать его, но... Как бы это тебе объяснить? Члены Орио наделены у нас определенными правами, предписанными Великим заветом, и О-Гейм...

– Все ясно! Не надо больше ничего объяснять. Я еде-; лаю необходимые выводы, и тебе не придется больше утруждать себя приходить ко мне по столь «важному делу»!

– Ну зачем так, Артем? Поверь, я хочу тебе только добра. А О-Гейм...

– Что такое О-Гейм, я понял уже давно. И хватит о нем! А сейчас, пользуясь случаем, я хочу обратиться к тебе с просьбой. Не могла бы ты попросить О-Брайна разрешить мне подняться в горы. Я, как ты знаешь, там, на своей родине, был геологом, занимался изучением горных пород. А ваша котловина, на мой взгляд, интереснейшее, даже единственное в своем роде образование. И мне хотелось бы выяснить, как она возникла, что за породы слагают ее склоны, нет ли в них каких-нибудь полезных для вас камней и металлов.

– Металлов? А для чего нам металлы?

– Ну, это старая песня! Тебе и О-Гейму они, конечно, не нужны. Я имею в виду всю общину эрхорниотов.

Хватит им ковырять землю сучьями и рубить деревья каменными топорами. Ну да мы уже не раз говорили об этом, не стоит больше время терять. Скажи мне только, иго я здесь, пленник или гость? А если не пленник, то согласна ты передать мою просьбу О-Брайну и поддержать ее со своей стороны?

– Ты хочешь подняться на голые скалы?

– Да, я прошу, чтобы мне разрешили небольшую экспедицию в горы.

– Надолго?

– Дней на пять – семь.

– Дней на семь! Но это опасно! Там, на склонах гор, нет ни одного убежища.

– А зачем они мне? Чего там бояться?

– Ну, мало ли... Нет, это опасно! А я сейчас слишком занята, чтобы...

– Так я и не приглашаю тебя с собой. Ты можешь спокойно заниматься своими «неотложными делами». И если в число их входит даже твоя свадьба, то и ей мое отсутствие не мешает. Тем более, что я не собираюсь быть вашим гостем. Заранее прошу прощения у вас с О-Геймом.

– Спасибо за предупреждение, горько усмехнулись О-Стелли. – Только что за странное пророчество я уже не в первый раз слышу от тебя? Ты что, обладаешь каким-то даром прозрения, что можешь предвещать мою судьбу? Или тебе просто не терпится увидеть меня женой О-Гейма?

– Ну, почему же, – ответил Артем с нарочитым равнодушием. – Мне это совершенно безразлично.

– Как безразлично? Тебя ничуть не тронет, если я действительно стану чьей-то женой?! – Она вдруг словно сжалась, в глазах ее мелькнуло что-то похожее на растерянность.

Артем понял, что сказал несусветную чушь. Но он не мог уже, как это часто бывает, в силу какой-то инерции, перевести разговор в иную плоскость:

– А собственно, с какой стати...

– Ну да, – прервала его О-Стелли, – с чего бы тебе относиться к этому иначе... И все-таки, как можно говорить о том, что дано знать только мне? Мне одной! Почему ты – Ты! – решил, что я собираюсь выйти замуж за О-Гейма?

– Так ведь все говорят...

– Ах, все говорят!

– Да ты и сама сказала в прошлый раз, что есть какие-то основания...

– Да, у них, этих «всех», есть какие-то «основания».

А у тебя? Разве ты и эти «все» одинаково знают меня? Разве они, эти «все», так же много были со мной, как ты? Разве они, эти «все» видят и чувствуют то, что можешь видеть и чувствовать только ты? Или ты ничего не видишь и не чувствуешь?! – Она смерила его уничтожающим взглядом. – Нет, ты не умный человек. Ты не добрый человек. Ты... Ты... Я не хочу больше говорить с тобой! Не хочу даже видеть тебя! – она вскочила с кресла и выбежала из шатра.

– О-Стелли! – он бросился за ней следом. Но дорогу ему неожиданно преградил О-Бирнс:

– Здравствуй, дружище. Зайдем к тебе, дело есть.

– Зайдем... – вздохнул Артем, с тоской прислушиваясь к удаляющимся шагам О-Стелли.

– А ты что, вроде расстроен чем-то?

– Нет, ничего...

– Тогда слушай. Отец рассказал мне о вашем недавнем разговоре. И я вспомнил, что видел у одного старика картинку. Она у него в семье как реликвия хранилась, переходила по наследству от отцов к сыновьям чуть ли не со времен самого О-Стрема. Странная, непонятная картинка. И непонятно на чем нарисована. Но тебе она, может, что-нибудь объяснит. Словом, выпросил я у деда эту картинку. Вот, смотри! – О-Бирнс достал из складок своего тонкиты небольшой рулончик и развернул на столе перед Артемом.

– Так это Луна! – сразу узнал Артем. – Да, фотография Луны.

– Что значит – фотография?

– Ну, так у нас называют изображения, полученные с помощью специального устройства – фотоаппарата.

– Значит, и у нас были когда-то фотоаппараты? Я говорил отцу...

– Подожди, О-Бирнс. Фотоаппарат – это еще не все Фотоаппараты у вас, может быть, и были. Не в этом дело

– А в чем же?

– А в том, что слишком детально эта фотография. Ведь все эти «цирки» и «моря» простым глазом не увидишь. А тут... О, ч-черт! – Артем даже стукнул себя по лбу.

– Что еще? – с испугом посмотрел на него О-Бш

– Да ведь это... Это обратная сторона Луны! Да, и море Москвы. И цирк Менделеева к югу от него. И парочка цирков: Кэмпбелл и ДАламбер к северо-востоку. А вот и Аполлон рядышком с Оппенгеймером. И Королев над ними. Я помню все это отлично: сам рисовал прошлой зимой к рту для лекции о происхождении Луны. Но встретить это здесь, у вас... Мистика какая-то!

– А что все-таки так удивило тебя?

– Да то, что эту сторону Луны никто никогда с Земли не видел. Она всегда повернута к нам одним боком. А эту, фугую ее сторону, впервые сфотографировала наша космическая станция, облетевшая Луну. И было это всего несколько десятков лет тому назад. Несколько десятков лет, понимаешь? А эта фотография, если тебе верить... Сколько лет тому старику?

– Много. Не меньше, чем моему отцу.

– А он получил фотографию от своего деда?

– Да, еще мальчишкой. Я говорю, она у них чуть ли не со времен О-Стрема хранится.

– Ничего не понимаю... Решительно ничего! Что вы за люди? Где возникла ваша цивилизация? Как попали вы сю-ш, в эту котловину? А что ты сам думаешь об этом, О-Бирнс?

– Не знаю... Но уверен, не всегда мы жили так убого, как теперь. Кто-то отнял у нас все. Кто-то специально упрятал в эту яму. Может, эта картинка поможет найти нашу родину, наших предков?

– Может быть. Но пока это лишь еще одна загадка. Самая невероятная. Ты сможешь оставить фото! рафию у пеня?

– Конечно. Для этого и выпросил. Ну, я пошел. Меня на кордоне ждут. А надо еще к О-Кристи заскочить.

– Да, беги.

Артем проводил юношу до выхода из шатра и снова взялся за карту. Это был, несомненно, фотоснимок. Фотоснимок отличного качества, сделанный им какой то поразительно плотной и прочной фотобумаге. И если он действительно принадлежит эрхорниотам и пролежал здесь не меньше сотни лет...

Артем поднес карту ближе к глазам и вдруг заметил в верхнем ее углу небольшой замысловатый вензель, нечто вроде полураскрывшегося бутона, с вписанным в него эрхорниотским шрифтом одним-единственным словом: «Наи» «Наира, то есть, по-русски, «молния».. Но при чем здесь молния? Молния, как природное явление, разумеется, ми при чем. Значит, это либо символ фирмы, сделавшей фото, либо название какого-то города, страны, корабля. Во всяком случае, в том, что карта принадлежит эрхорниотам, можно было уже не сомневаться.

Но как они получили изображение обратной стороны Луны? Сами они не могли этого сделать, сколь бы высокого развития не достигала в прошлом их цивилизации. Значит, контакт с внеземным разумом?

А почему бы нет? Почему не допустить, что когда и в отдаленные времена это племя, где бы оно ни проживало, посетили пришельцы из космоса и оставили им свои письменность,

свои знания, кое-какие металлические изделия и даже такие удивительные вещи, как загадочный шарик О-Стелли. Не исключено, что ими был построен и подземный город с его уникальными тоннелями, сегментными люками и безукоризненной системой воздухообеспечения. Может быть, даже тот таинственный О-Стрем, который оставил им какой-то Завет, и был одним из таких пришельцев? Тогда получили бы объяснения все кажущиеся несуразности в жизненном укладе эрхорниотов. Но неужели даже Мудрейшие ничего не знают об этом? Нет, этого не может быть! И теперь, если показать карту О-Стелли...

О-Стелли!.. Но ведь она так обиделась на него сегодня. Он так глупо, так бестактно снова заговорил с ней об этой свадьбе. Да еще сказал, что ему это совершенно безразлично! Зачем понадобилась такая бессовестная ложь? И с чего, в самом деле, он взял, что О-Стелли собирается выйти замуж? Послушал О-Горди, О-Гримма других здешних «знатоков»? Да что они, действительно, могут знать о личной жизни Мудрейших?

А он сам? Как это сказала О-Стелли: «Разве все они видят и чувствуют то, что мог видеть и чувствовать только ты?» Мог видеть и чувствовать? Да разве можно было ничего не услышать, ничего не почувствовать хотя бы в счастливом смехе О-Стелли в тот вечер, когда он возвращался от больной дочки О-Регги, или не увидеть, с какой нежностью касались ее маленькие пальчики его ободранных в кровь ладоней в лугах, у голых скал? Разве можно было забыть, с каким волнением прошептала ему на празднике: «Я так боялась, что не исполнится моя мечта...» и не заметить, какая боль метнулась у нее в глазах, когда он в первый раз намекнул ей, что знает о приближающейся свадьбе?

А та последняя встреча после стычки с О-Понсо. Разве можно было не увидеть, не почувствовать, как изнемогает она в противоборстве с каким-то роком, с какими-то фатальными силами, навязывающими ей чужую в заставляющими поступать вопреки ее желаниям? Правда, весь тот вечер он не мог отрешиться от гнусной картины насилия, свидетелем которой оказался в поле. Но разве она, О-Стелли, виновата в том, что их система породила подобных негодяев-опричников, да и в существовании самой системы, сложившейся за сотни лет до ее рождения?

«Дурак! Дремучий дурак!!! – клял он себя, меряя шагами шатер. – Надо сейчас же разыскать О-Стелли, извиниться перед ней, сказать, как она дорога ему, как и был слеп и глуп, ревнуя ее к О-Гейму и порицая только за то, что судьбе угодно было сделать ее внучкой Мудрейшего из Мудрейших и членом Орио».

Но легко сказать: разыскать! А как это сделать, если никто не знает даже, где располагаются жилища Мудрейших? Единственный, кто мог бы помочь ему, была тетушка О-Горди. Но та сразу сказала, что О-Стелли заходила к ней и предупредила ее, что в ближайшие два дня она категорически запрещает кому бы то ни было искать встречи с ней, что бы ни случилось.

Кто мог сказать, распространялось ли это запрещение на Артема? Но это было Слово Мудрейшей. А он слишком хорошо знал, что значит такое Слово: в течение двух дней ни тетушка О-Горди, никакой другой эрхорниот не посмеют даже помыслить нарушить единение О-Стелли.

Весь следующий день прошел как в тумане. Где бы ни был, что бы ни делал Артем, мысли его постоянно обращались к О-Стелли. Теперь он ясно сознавал, что только свидания с ней, думы о ней, ожидания новых свиданий и позволили ему выносить это противоестественное существование в подземных катакомбах эрхорниотов.

А если действительно прекратятся все их встречи? Если и самом деле он потеряет возможность даже вот так, изредка видеть ее и говорить с ней? Если произойдет все-таки ужасное: она станет женой О-Гейма?

Это невозможно даже представить! Тогда останется только бежать отсюда, несмотря на всю безнадежность такого предприятия. Или вообще уйти из жизни.

Теперь он точно знал, что любит О-Стелли, что она стала для него самым дорогим человеком на Земле. И если бы сейчас произошло невероятное: ему предложили

немедленно покинуть котловину и вернуться на родину, он не смог бы этого сделать, по крайней мере, не повидав еще раз О-Стелли.

Ночь он почти не спал. Вплоть до самого рассвета просидел на лужайке возле своего купола, не спуская глаз с шатра О-Стелли. Там так не появилось ни огонька.

Ничего нового не принес ему и следующий день. И тольпоздно вечером, когда, потеряв всякую надежду, Артем 'обрался уже лечь спать, полог шатра распахнулся, и он увидел в сгустившихся сумерках знакомый тонкий силуэт

– О-Стелли! – бросился он ей навстречу. – Как я рад тебя видеть! Я еще вчера весь день...

– Добрый вечер, – прервала она его ледяным голосом. – Я пришла сказать, что О-Брайн разрешил тебе подняться на склоны котловины. Все необходимое: продукты, теплую одежду, складной шатер, огниво – получишь у тетушки О-Горди. Я все объяснила ей и сказала, что ты выйдешь завтра утром.

– Спасибо, О-Стелли.

– Меня не за что благодарить. Я выполняю лишь поручение О-Брайна. Желаю успехов в твоей экспедиции. Она стремительно повернулась и пошла из шатра.

– Подожди, О-Стелли! Мне надо сказать тебе...

– Извини, я очень спешу.

– Ну, хоть минуту, О-Стелли! Я непременно должен объяснить...

– Да свидания, Артем. Нет-нет, идти за мной нельзя.

– Но, может, ты хоть проводишь меня завтра? – ухватился он за последнюю соломинку.

– Зачем? – она пожала плечами. – Тетушка О-Гордй сделает все, что нужно.

Полог шатра сомкнулся. Тьма сразу будто сгустилась под куполом. Звонящая тишина повисла в воздухе. Тугой комок подкатил к горлу. Он бросился на кушетку и зарылся лицом в подушку, чтобы не застонать от лютой боли.

18

А утро следующего дня застало Артема уже шагающим по лесу, который окаймлял все озеро и простирался до самых альпийских лугов. Час был ранний. Солнце едва поднялось из-за гор, и здесь, под высокими тенистыми деревьями, было сумрачно и сыро.

Можно было выйти и попозже. Но он проснулся задолго до рассвета, сон не шел к нему. К тому же трудно было рассчитывать, что тетушка О-Горди быстро соберет все необходимое для похода.

Однако предусмотрительная старушка позаботилась обо всем еще с вечера. И приготовила даже удобный мешок с лямками, наподобие рюкзака. Осталось позавтракать и отправиться в путь.

Впрочем, небольшая задержка все-таки произошла. Когда Артем, уложив «рюкзак» и укрепив его на плечах, па целовал на прощание заботливую помощницу и готов был уже подняться к люку, она вдруг всплеснула руками воскликнула:

– Постой, Артем, – главное забыла! – О-Горди снова метнулась в свою комнатку и вернулась с маленьким цилиндрическим стерженьком из какого-то графитоподобно-г9 материала.

– Вот, возьми, – протянула она стерженек Артему. – с'прячь понадежнее, так, чтобы он всегда был при тебе. И не вздумай потерять или оставить где-нибудь!

– А что это, тетушка О-Горди? – спросил Артем, в недоумении вертя в руках непонятный предмет.

– Кто его знает? Я сама отродясь такого не видывала. Только больно О-Стелли наказывала, чтобы не забыла я передать эту штуку и чтобы не потерял ты ее и не вы-оросил, какое бы лихо с тобой не приключилось. А если сганет тебе совсем уж неможоту или забредешь в такие дебри, откуда и выбраться не сможешь, то нап'равь ее вот этим, узким концом в небо и покрепче нажми снизу пальцем.

– А дальше?

– А дальше – все! Больше она ничего не наказывала.

– Но когда это было? Когда? – затормошил Артем словоохотливую старушку.

– Когда? Вчера вечером. Я уж и спать легла. Вдруг вбегает она, грустная, расстроенная. «Тетушка О-Горди, – говорит, – забыла я одну вещь Артему передать». «Эка беда, – говорю, – пойдешь сейчас к себе, по пути и занесешь». «Нет, – говорит, – поздно к нему сейчас. Он уже спит, наверное, на, передай ему сама, да скажи, чтобы он всегда держал ее при себе, не потерял, не оставил где-нибудь, что бы с ним ни случилось».

– Спасибо! Спасибо, дорогая тетушка О-Горди! – воскликнул Артем, снова целуя ее в щеку.

– Да за что мне-то спасибо? Говорю, это она, О-Стелли, примчалась в ночь-полночь, словно невеста что приключилось. Я думала и в самом деле беда у нее какая. А она – эвон! – всего-навсего забыла тебе какую-то игрушку передать. Ну, иди, иди! И пусть все у тебя будет хорошо.

– Да разве может теперь быть что-то нехорошо, – твердил себе Артем, продираясь сквозь лесную чащу и сжимая в ладони крохотный цилиндрок, хранящий еще, как ему казалось, тепло рук любимой.

Он был почти уверен, что ему не придется воспользоваться чудесным стерженьком, но то, что его прислала О-Стелли, да еще с таким многозначительным наказом, сразу придало ему значение некоего талисмана, какой дарят на счастье. А главное, – как он узнал, талисман этот О-Стелли передала О-Горди уже после того, как ушла «\» него. И, значит, она еще думала о нем и, может быть, даже простила его идиотскую выходку.

Окрыленный такими мыслями, Артем прошагал без отдыха весь день и остановился лишь тогда, когда деревья расступились перед ним и он увидел широкий разлив лугом и белеющие вдали известковые утесы. Тут только он почувствовал, что живот у него сводит от голода, а ноги гудят от навалившейся усталости.

Артем взглянул на солнце. Оно висело над самой кромкой гор. И трава в лугах уже поседела от росы. Хватит на сегодня!

Он раскинул шатер, наскоро поужинал и, завернувшись в легкое, но очень теплое, из козьего пуха, одеяло, мгновенно заснул, точно провалился в черный омут.

А поднимающееся солнце застало его уже на голых скалах. Он обошел одну из них, другую, и азарт геолога скоро подчинил себе все мысли Артема. Но – черт возьми! – у него не было даже геологического молотка. Пришлось присматриваться к каждой промоине, каждой свежей трещинке. И сразу возник вопрос. Все толщи известняков, слагающие утесы, оказались сильнейшим образом мраморизованными. За счет чего?

Он отлично знал, что известняки превращаются в мрамор лишь под действием высоких температур и давлений, как бывает, в частности, на контактах их с магматическими расплавами. Однако кругом не было видно никаких магматических пород. Чему же обязаны эти гигантские тол и мраморов? Может быть, магматический очаг был дальше? Там вон скалы вроде темнее...

Но тщетно обходил Артем скалу за скалой. Всюду было одно и то же: мраморы, мраморизованные известняки, реже – крепкие сливные песчаники. Да и сам облик котловины исключал всякую возможность магматической деятельности.

Но что могло произойти здесь много миллионов назад? Что все-таки создало эти вздыбившиеся к небу мраморные колоссы? Увы, природа не хотела раскрывать перед ним своей тайны.

Наконец, обойдя не меньше десятка утесов и прошагав по осыпям не один десяток километров, Артем сел на небольшой уступчик под скалой, стараясь еще прокрутить в памяти все, что он знал о перекристаллизации известняков.

День клонился к вечеру. Тень от скалы успела накрыть всю верхнюю часть осыпи, но за пределами ее зной не спадал, и Артем не спешил покинуть скрытый от солнца, тщательно отполированный водой и ветром альков, словно специально предназначенный для уставшего, изнуренного жарой человека.

Он хотел даже снять обувь и намокшую от пота рубаху, как вдруг сверху, у него над головой, послышался шорох, и частый дождь мелкой гальки посыпался к ногам. Что это, предвестник камнепада?

Он быстро вскочил, прижался всем телом к скале, спрятал голову под нависший карниз. И в тот же миг целая лавина камней с грохотом обрушилась к подножью утеса, засыпав большую часть осыпи вместе с уступчиком, на котором он только что сидел.

Артем подождал еще с минуту и, убедившись, что лавина прошла, в два прыжка выскочил из-под карниза и глянул вверх: там, в нагромождении каменных глыб мелькнуло и скрылось что-то белое.

Дикая коза или человек?

Скорее всего, коза. Эрхорниоты, как он знал, так высоко в горы не забираются. Прыгнула, видно, какая-то плутовка на неустойчиво лежащий камень, и тот увлек за собою всю скопившуюся над карнизом каменистую осыпь.

Он еще раз взглянул на свежую грудку камней:

– Да, удачно отделайся! Достаточно было, пожалуй, одного из них, чтобы остаться здесь навсегда. Однако пора подумать и о ночлеге.

Отыскав площадку поровнее, он раскинул шатер, разжег небольшой костерок и, уминая сытную, приготовленную заботливыми руками О-Горди снедь, не мог не вздохнуть, глядя на бесполезно прогорающие сучья:

– Сейчас бы чайку горячего...

Но вскипятить чай было не в чем. Эрхорниоты вообще не знали чая, как не знали ни супов, ни борщей. Мясо они просто запекали на горячих углях. А большинство из них вообще не ели мясного, довольствуясь исключительно молочной и растительной пищей. Но каково русскому человеку без чая?

Он снова вздохнул, загасил костер и, завернувшись в одеяло, скоро забылся крепким сном.

Однако на этот раз долго поспать не удалось. Он вдруг увидел во сне, будто кто-то душит его. Потом, как наяву, услышал отчаянный крик О-Стелли. А когда проснулся, то почувствовал отвратительный запах гари. Весь шатер был в дыму. В горле першило от смрадного чада. А в задней стенке шатра зияла огромная обугленная дыра.

Быстро вскочив, Артем выбросил вещи наружу и, сорвав шатер с крепящих его сучьев, принялся затапывать обеими ногами. Вскоре огонь был потушен. Но спать было уже поздно. Небо на востоке посветлело. Приближалось утро.

Артем не без сожаления отбросил в сторону негодный теперь шатер. Это легкое, круглое, напоминающее большой ниспадающий до земли зонт, сооружение оказалось очень удачным укрытием на ночь. От дождя оно, конечно, не спасло бы. Но от ветра, всякого рода мошкары и ночной сырости защищало весьма надежно.

Но отчего все-таки загорелся шатер? Ведь костер он загасил как следует. Впрочем, какая-нибудь шальная искра могла залететь под полог шатра и раньше. Ткань-то не брезентовая – все та же козья шерсть. Словом, дороги пришлось заплатить за вчерашнюю мечту о чае. Но могло быть и хуже.

Наскоро позавтракав, Артем собрал свое нехитрое имущество и снова полез на скалы. Теперь его заинтересовал массивный карниз, нависший над мраморными утесами. Одно то, что это был именно карниз, свидетельствовало о большой прочности слагающих его пород. И действительно, поднявшись к нему, Артем увидел, что это был сплошной роговик – чрезвычайно твердая окварцованная порода, возникшая за счет преобразования глин. Но ведь и глины превращались в роговики под действием гигантских температур. Откуда взялись они здесь? Опять тот же вопрос.

А скоро Артем увидел, что и роговик-то был не совсем обычным. Вот тут в нем видны зерна граната, сердолика, шпинели. А там... Что за прозрачные кристаллики блестят там, над головой?

Он поднялся выше, подчистил камнем гнездышко кристаллов и чуть не вскрикнул от удивления: прямо перед глазами у него искрились на солнце самые натуральные алмазы. Алмазы в роговике?! Что за наваждение? А впрочем... Он же читал о чем-то подобном. Да-да, года два или три назад ему случайно попалась небольшая статья, в которой описывались именно алмазы в роговиках. Но не просто в роговиках, а в роговиках из метеоритного кратера.

Так вот оно что! Он обвел глазами залитую солнцем котловину. Вот как образовалась эта колоссальная воронка! Ее вырыл гигантский метеорит. Теперь стала понятна и удивительно правильная форма ее, и поразительно одинаковая высота окружающих ее гор. Понятными стали и мраморизация известняков и ороговикование глин. Ведь при падении раскаленного болида такой громадной массы здесь должны были возникнуть температуры не в одну тысячу градусов. Но раз так, то где-то, возможно, сохранились и остатки самого метеорита.

Артем пошарил глазами по склонам и почти сразу увидел километрах в полутора от себя большое бурое пятно. Его стоило посмотреть.

Однако прошло не менее часа, прежде чем он подобрался к обширной темной осыпи, состоящей, как он и предполагал, из рыхлого бурого железняка, и еще столько же, прежде чем раскопал в ней оплавленную глыбу метеоритного железа. Рядом гнездились и более мелкие обломки самой различной формы и размера.

– Вот это подарочек друзьям-эрхорниотам! – воскликнул Артем и вдруг услышал знакомое шуршание над головой.

Опять козы? Он отступил на шаг от выкопанной им ямы, но не успел поднять голову кверху, как тонкая гибкая бичева со свистом прорезала воздух и в одно мгновение обвилась вокруг его тела, больно сжав руки и ноги, сдавила грудь, лишила всякой возможности двигаться.

Он инстинктивно рванулся в сторону, но тут же упал в груды бурого железняка и чуть не задохнулся в рыхлой пыли, мгновенно забившейся в рот, в нос, в глаза. Лишь ценой огромных усилий удалось ему перевернуться на спину, и в тот же миг до слуха донесся отвратительный смех О-Гейма.

Так вот что значили вчерашний камнепад и ночной пожар в шатре! Коварный эрхорниот, видимо, все эти дни шел за Артемом следом, подыскивая удобный случай расправиться с ним. И добился-таки своей цели.

Как можно было не подумать о такого рода опасности, зная, что у тебя есть смертельный враг? Артем попытался освободиться от стягивающих его пут. Но это оказалось абсолютно невозможным. Тонкое лассо, свитое из специально выделанных ремней, было прочнее капрона. Такие лассо эрхорниоты применяли при ловле диких коз. И вот теперь О-Гейм использовал его, чтобы уничтожить ненавистного чужеземца.

Артем оцепенел от ужаса, представив, какая мучительная смерть уготована ему здесь, на голой скале, под жгучими лучами безжалостного солнца. Он уже сейчас чувствовал нестерпимые муки жажды. А смех его врага звучал все дальше и дальше. Мудрейший был настолько уверен в неминуемой гибели Артема, что не захотел даже пачкать руки, чтобы добить его или сбросить в пропасть.

Артем стиснул зубы, чтобы не застонать от боли и от чаяния. И вдруг увидел в двух шагах от себя выпавший из кармана черный стерженек:

«Так ведь это...– безумная надежда вмиг перехватила дыхание.– Так ведь это шанс! Как сказала тетушка О-Горди? Если станет совсем уж немоготу, то направить узкий конец стерженька в небо и покрепче нажать снизу пальцем... Только как это сделать со связанными, прижатыми к туловищу руками? Но иного выхода нет. Это действительно последний шанс. И надо воспользоваться им во что бы то ни стало.

С трудом повернувшись на бок и подтянувшись поближе к стерженьку, Артем кое-как приподнял его намертво стянутыми пальцами и, приставив к небольшому камню так, что он занял более или менее вертикальное положение, попытался прижать тупым концом к

земле. Но стерженек маленького помощника риорито, который передала тебе лишь вдавливался в рыхлый, как пыль, грунт. Пришло!.. найти глазами другой камень, с неимоверным трудом под тащить к стерженьку, пододвинуть под его нижнее основание. Наконец удалось и это. Осталось посильнее прижать стерженек к камню. Но стянутые ремнями, распухшие до бесчувствия пальцы отказывались подчиниться Артему. Лишь после пятой или шестой попытки смог он наконец прижать стерженек настолько сильно, что тот слегка завибрировал, и яркий голубой луч ударил из него в небо.

Однако не успел Артем проследить за направлением луча, как стерженек покачнулся, упал с камня и, быстро, скатившись вниз по склону, исчез в глубокой расселине.

Холодный пот мигом покрыл Артема: рухнула последняя надежда на спасение. Луч поднялся в небо за столь короткое время, что его, конечно, никто не успел заметить. А извлечь теперь стерженек из расселины было бы не под силу и человеку со свободными руками.

Артем лег на спину и сомкнул набрякшие веки. Потекли безмерно долгие часы мучительной агонии. Солнце будто остановилось в безоблачной выси. Воздух раскалился, как в доменной печи. Жажда стала непереносимой. Артем потерял всякое представление о времени.

И вдруг послышался новый шорох. Так этот выродок решил вернуться и все-таки добить его? Да, видимо, так: шорох все ближе, ближе... Вот уже совсем рядом. Вот уже у самой его головы. Артем закрыл глаза, чтобы не видеть ненавистной торжествующей физиономии врага.

Но что это? Пути, стягивающие его, начали ослабевать, в рот влилась живительная влага. Он открыл глаза:

– О-Стелли!

Милое девичье лицо склонилось к самым его глазам, быстрые проворные руки торопливо распутывали впившиеся в тело ремни. Крупные горячие слезы капали ему на лоб и щеки. Жгучий комок рыданий сдавил горло Артема:

– О-Стелли, я...

– Нет-нет, ничего не говори! – она снова поднесла его губам туесок с незнакомой, приятно пахнущей жидкостью. – Пей еще. Пей больше. Это борджо. Оно сразу восстановит твои силы.

Артем сделал еще несколько глотков:

– О-Стелли, милая, родная! Как ты узнала? Как оказалась здесь?

– Как я узнала? – она глотнула слезы. – А ты думал, отпущу тебя в такие дебри так просто, даже без моего маленького помощника риорито, который передала тебе О-Горди и которой непрерывно информировал меня о месте, где ты находишься. Ты думал, я смогу спокойно сидеть дома, а не метаться с кордона на кордон, не сводя глаз со своего рионата, который принимал сигналы риорито. Ты думал, я действительно только и занята приготовлением к свадьбе, которой никогда не будет.

– О-Стелли! Прости мою глупую болтовню. Я вел себя как последний идиот. Забудь все, что я сказал тебе в тот день. И знай, что я люблю тебя, что ты мне дороже жизни, что я...

Она закрыла глаза. Лицо ее вспыхнуло, губы задрожали:

– Ты... любишь меня... Какое красивое жгучее слово... Повтори еще! коленам:

– Я люблю тебя, люблю, люблю!

Она склонилась к нему еще ближе, зашептала в самое ухо:

– Я тоже, наверное... люблю. Но я не знаю, что это такое. Я знаю только, что если с тобой что-нибудь случится, я не смогу жить одна, я умру...

– Ничего не получается. Решительно ничего! – Артем бросил на землю вновь потемневший кусок раскаленного метеорита и устало опустил на траву. Железо не

ковалось. И дело было, видимо, не в том, что в распоряжении Артема не было ничего, кроме грубого каменного ударника, а в качестве наковальни служила глыба сливного кварцита. Железо не ковалось из-за большой примеси никеля. А это значило, что надо накаливать его при значительно большей температуре. Но для этого нужно было дутье, нужны были меха. А как сделать их здесь, из ничего?

Артем с тоской посмотрел на белеющие вдали шатры.

– Где же О-Стелли? Что с ней случилось?

Прошло четыре дня, как они возвратились из злополучной экспедиции, и с тех пор он не видел ее ни разу. Не видел ее и никто другой, с кем ему удавалось заговорить. Не видела даже тетушка О-Горди.

Но что все это значило? Болезнь Мудрейшей едва ли могла быть окутана такой завесой секретности. Смерть тем более всполошила бы всю общину. А вот если О-Брайн запер свою непокорную внучку где-то в четырех стенах, об этом действительно не узнает никто и никогда.

Артем снова подбросил сучьев в огонь и, встав на коле ни, принялся раздувать взметнувшееся пламя. Лежащий там кусок метеорита, до сих пор упорно сохранявший тусклый вишнево-красный цвет, начал вроде белеть. Артем продолжал дуть изо всех сил. Метеорит определенно раскалил ся все больше.

Но в это время в кустах, за спиной Артема, послышался легкий треск. Он, не вставая, обернулся и увидел мальчика-посыльного О-Стелли, который робко, все время озираясь, выбрался из кустов и направился к нему. Артем вскочил навстречу:

– Ты чего? Тебя прислала Мудрейшая?

Мальчик подошел ближе и вложил в руки Артема небольшой свернутый в трубку кусочек бумаги:

– Это просила передать тебе Мудрейшая, - проговорил он вполголоса и быстро, как ящерица, снова шмыгнул в кусты.

Записка О-Стелли? Артем быстро, еще не веря своим глазам, развернул маленький листик тонкой, похожей на пергамент, бумаги и вначале ничего не мог понять. Лишь постепенно до него дошло, что записка написана по-русски, но буквами эрхорниотского алфавита. Трудно было придумать более удобную форму послания: такой текст мог прочесть только он, Артем, и никто другой.

О-Стелли писала:

«Дорогой Артем! Несколько дней мы с тобой не сможем видеться. В такое положение поставил меня дед. И, будь уверен, я добьюсь, что мы станем мужем и женой. Об одном тебя молю: никого ни о чем не расспрашивай и главное – ничего не предпринимай до встречи со мной. Целую тебя. Твоя Стелли».

Артем трижды пробежал скупые строки, стараясь представить, где томится его любимая.

Бедная Стелли! Все-таки О-Брайн упрятал ее в какую-то темницу. Этого следовало ожидать. Хорошо, что она хоть безопасности.

Он бережно положил записку в карман и взглянул на часы:

– Пора на занятия к детям.– Он притушил костер, прятал, на всякий случай, куски метеорита.

Но каков О-Брайн! Решил ни перед чем не останавливаться в достижении своих целей. Не изменил, видимо, решения выдать внучку замуж за О-Гейма даже после того, как тот оказался убийцей. Впрочем, едва ли Стелли рассказала ему обо всем, что произошло в горах. Иначе Мудрейшего из Мудрейших пришлось бы посвятить и в такое, что с сотворения мира остается известным лишь двоим.

К тому же они просто не успели условиться, как преподнести это О-Брайну. Они многое не успели обговорить. У них было слишком мало времени и слишком много чувств, чтобы говорить о чем-то, кроме любви. Лишь за минуту до расставания О-Стелли успела шепнуть ему:

– Скоро ты узнаешь о нас, эрхорниотах, все. Все-все! Только не торопи события.

Он и не собирался их торопить. Но единственное, что смог узнать пока, было лишь то, что О-Стелли в заключении, а жизнь его самого висит на волоске. Он понял это особенно ясно после двух событий, происшедших почти одновременно, с интервалом в один день.

Первое из них случилось в лесу, куда Артем отправился рано поутру, чтобы полакомиться малиной. Утро было великолепным, и, занятый своими мыслями, он прошел километра три-четыре, прежде чем остановился в небольшом овражке, сплошь поросшем малинником и дикой вишней.

Вдруг издали послышался сдавленный женский крик.

Артем прислушался. Крик повторился. Так мог кричать человек, заблудившийся в лесу. Но кто мог заблудиться здесь, где достаточно пойти под уклон, чтобы рано или поздно выйти к озеру. Однако в следующую минуту раздался душераздирающий вопль. И все стихло. Артем бросился на голос и, пробравшись сквозь чащу, вышел на крохотную полянку, где под громадным кленом виднелось что-то белое. Он подошел ближе и почувствовал, как все в нем оцепенело от ужаса.

Под деревом лежала молодая женщина. Она была мертва. Темное пятно крови, расплывшееся по ткани тонкиты под ее левой грудью, более чем красноречиво говорило о том, что произошло здесь несколько минут назад. Но самым страшным было то, что на коре дерева, прямо над головой убитой, белел свежесрезанный знак: три длинных скрещенных ножа на фоне пронзающей тучу молнии.

Артем взял руку женщины – пульс в ней уже не прощупывался. Зрачки эрхорниотки оставались неподвижными. Ясно, что здесь потрудились профессиональные убийцы.

Постояв в молчании с четверть часа и убедившись, что за деревьями не слышно никаких шорохов, он перенес тело несчастной в небольшую рытвину и забросал мхом и перегнившей листвой. Теперь он знал, что есть вещи и по страшнее «Вратов в небо».

А второе событие произошло минувшей ночью, когда он возвращался к себе из шатра О-Гримма. В тот день старый резчик еще утром, до работы, забежал к нему и, снизив голос до шепота, сказал:

– Артем, зайди ко мне сегодня вечером, покажу любопытную вещицу.

– Еще рисунок, вроде того, что принес О-Бирнс?

– Нет, кое-что поинтереснее. ^{тм}

– Хорошо, зайду, – согласился Артем, почти уверенный, что снова увидит что-нибудь из предметов внеземной цивилизации.

Каково же было его удивление, когда, вернувшись с работы, О-Гримм выложил перед ним массивную золотую монету, и не какой-нибудь раритет из доисторических времен, а совсем новехонький американский доллар 1824 года чеканки.

Вот так сюрприз!

– Ну что, как? – торопил старик Артема, не спуская с него торжествующего взгляда. – Поможет это тебе раскрыть что-нибудь из наших тайн?

– А это что, тоже из ларя какой-нибудь вашей прапрабабушки?

– Да, говорят, чуть ли не со времен самого О-Стрема.

Артем не смог скрыть усмешки:

– Так вот, дядюшка О-Гримм, это денежный знак одного из государств Земли, доллар Соединенных Штатов Америки, который до сих пор в ходу там, в нашем большом мире.

– Так значит...

– Значит, либо вы пришли сюда, в эту котловину, не более полутора сотен лет тому назад из-за гор, из того большого мира, которого сейчас так боитесь, либо кто-то из людей этого мира побывал у вас в не столь уж отдаленное время, либо, что скорее всего, кое-кто из вас, вернее из ваших Мудрейших, до сих пор поддерживает связь с внешним миром, только скрывает это.

– Но как же через такие горы?.. – развел руками О' Гримм.

– Через горы? А ты уверен, что и под горами не проложен тоннель, вроде тех, какие идут к вашим дальним кордонам?

– Об этом я как-то не подумал.

– А я давненько думаю. Скажу тебе больше. Незадолго до того, как мне попасть сюда, наши люди видели по ту сторону гор человека, похожего на одного из вас, эрхорнионитов. Только не говори никому пока об этом.

Нет, никому ни слова! Но неужели Мудрейшие и в этом обманывают нас?

– Не исключена возможность. Не сама же по себе монета перелетела через горы. Да и карта, которую недавно раскопал О-Бирнс.

– Как? Ты хочешь сказать, что тот рисунок Луны, он тоже из вашего мира?

– Больше неоткуда.

– А мы с сыном думали...

– Нет, с картой мне еще не все ясно, – сознался Ар-м. – Сначала и я подумал, что фото чуть ли не внеземного происхождения. А теперь... Могли и его изготовить где-нибудь в Америке. Правда, там надпись на вашем языке... Но кто знает, откуда вы перекочевали сюда. Да что карта! Уж если говорить начистоту, куда загадочнее ваши тоннели, люки, а тем более кое-что из личных вещей О-Стелли, которые мне довелось видеть. А эта монета... Если она и свидетельствует о чем-то, так лишь в том, что связь с большим миром у вас была всегда и может быть, осталась.

– Ах, Мудрейшие, Мудрейшие! – покачал головой О-Гримм. – Совсем заврались!

– Если бы только заврались... – вздохнул Артем. – Ну да ладно, засиделись мы с тобой. Время позднее, пойду к себе.

Старик поднялся:

– Может, проводить тебя?

– Зачем? Я же не маленький, дядюшка О-Гримм.

– Не маленький! Была тут одна не маленькая. Подружка О-Кристи, чуть постарше ее. Тоже все храбрилась. А вчера пропала...

– Как пропала?

– Как пропадают люди? Исчезла и все!

– Но что случилось с ней?

– Что случилось, не знает никто. А все началось с того что отказалась женщина иметь ребенка. Был у нее один, умер. О-Брайн потребовал, чтобы появился второй. А она ни в какую! Что-то у нее, дескать, не в порядке с этим делом. Ходила просить О-Брайна не неволить ее. И тот вроде согласился, оставил ее в покое. Да я говорил тебе, не все во власти Мудрейших. Вот и...

Артем больно закусил губу. Стоило ли открывать О-Гримму, что ему довелось узнать об этой трагедии прежде других и что он сам, своими руками предал земле несчастную жертву.

– Вот так и живем, Артем, – снова заговорил О-Гримм, – боимся шагу шагнуть, лишний раз поговорить друг с другом. Но я тут советовался кое с кем из своих. В общем, они согласны с тем, что ты говорил в прошлый раз. Давай соберемся все вместе где-нибудь в укромном! местечке, потолкуем еще раз обо всем. Хватит, в самом деле, терпеть такое!

– Подожди, дядюшка О-Гримм, скоро я, кажется, узнаю все ваши секреты. Тогда и потолкуем. И потом... Ты прав был тот раз: не все ваши Мудрейшие одинаковы, и не в них одних дело. Тут надо еще разбираться и разбираться. Словом, дай мне несколько дней на раздумье. А сейчас, прощай. Пора тебе отдохнуть после работы. Да и мне надо еще кое-что подготовить к завтрашнему занятию с ребятами, поразмыслить кое над чем.

рой ночи тебе!

– Доброй ночи, Артем. Да не спускайся под землю-то. Мало ли чего... Иди верхом.

Артем вышел из шатра. Ночь была темной, беззвездной. С неба накрапывал мелкий дождь. Он поднял воротник пиджака и невольно поежился. Остров с его шатром рядом, всего в нескольких шагах. Но моста к нему больше не было, предстояло идти окружным путем. А это не близко. Зря, пожалуй, он не спустился под землю. Но не возвращаться же обратно, в шатер О-Гримма!

Артем быстро, чуть не бегом, дошел до центральной части острова, где возвышался шатер О-Брайна и, с ходу сориентируясь в темноте, направился было к мостику, что вел острову О-Стелли и дальше к его собственному шатру, как вдруг услышал чьи-то крадущиеся шаги.

Шатер О-Брайна, как слышал Артем, большую часть времени пустовал. Но может быть, сегодня Мудрейший из Мудрейших решил провести ночь в своей дачной резиденции? Как бы там ни было, сейчас у Артема не было ни малейшего желания встретиться ни с ним, ни с кем либо из его подручных. Поэтому он, не раздумывая, спустился на мост и самым скорым шагом направился, к смутно белеющему куполу шатра О-Стелли.

Мысли его обратились к любимой. Он никогда и прежде не мог без волнения пройти мимо этого дорогого ему шатра. Сегодня же один вид купола вызвал целую бурю воспоминаний. Захотелось коснуться его руками, прижаться к нему лицом. Но не успел Артем миновать и половину моста, как настил под его ногами ухнул, и он камнем полетел вниз.

В тот первый миг, вынырнув из воды и добравшись вплавь до берега, он не почувствовал ничего, кроме досады за свою оплошность. И только у себя в шатре, когда, отжав намокшую одежду, прилег на кушетку, до сознания дошло, что и шаги возле шатра О-Брайна и падение в воду были не случайными: кто-то вновь покушался на его жизнь.

И вот он снова идет в школу, чтобы научить детей грамоте, открыть перед ними окно в мир знаний. И завтра снова вернется к этому костру, чтобы попытаться сделать для их отцов и матерей хоть кое-какие металлические орудия. И будет изо дня в день, не жалея сил, стараться проникнуть в тайну, окружающую жизнь этих странных людей, чтобы сделать их хоть чуточку счастливее. А пока знает лишь то, что любимая женщина заточена в темницу, а судьба его самого висит на волоске.

20

Лето прошло через зенит. Дни стали понемногу укорачиваться. Трава и листья на деревьях заметно пожухли. Но солнце продолжало палить немилосердно. Днем страшно было выбраться на открытый солнцепек. Не приносили прохлады и ночи. В раскаленных за день шатрах нечем было дышать. И Артем все чаще устраивался на ночлег прямо в траве, на открытом воздухе.

Так было и сегодня. Промучившись без сна часа полтора – два на своей кушетке, он выбрался наружу и, разостлав на земле коврик из козьих шкур, с удовольствием вытянулся на нем, подставив лицо легкому ночному ветерку.

Ночь была тихой, настораживающей. По небу бежали облака. Луна то полностью зарывалась в них, то выплывала в узкие просветы, и тогда все вокруг озарялось тревожным призрачным сиянием. Над озером начал сгущаться туман. Плотные волны его все выше накатывались на низкие берега островов, подступая к самому шатру, у которого лежал Артем, и, казалось, именно в этой белесой пене тонули все звуки душевной ночи. Не было слышно даже привычного гудения комаров и плеска воды у берега.

Время приближалось к полуночи. Но сон бежал от Артема. На душе было беспокойно. От О-Стелли не было больше никаких известий. Исчез и О-Гейм. Дядюшка О-Гримм прослышал от кого-то, что Мудрейший безвылазно засел на одном из дальних кордонов, выполняя какое-то особое задание О-Брайна, и вернется в город не раньше осени, когда должна состояться его, свадьба с О-Стелли.

Все это могло быть чистейшим вздором, но могло оказаться и правдой. О-Стелли, видимо, по-прежнему в заточении, и, значит, О-Брайн не отказался от своих планов. А власть его безгранична.

Сидеть в таких обстоятельствах в бездействии и ждать неизвестно чего было, по меньшей мере, глупо. О-Гейм, пользуясь поддержкой О-Брайна, может в любой момент расправиться с ним, Артемом, неудавшаяся попытка отправить чужеземца на дно озера не

остановит его врагов. Да не пощадят они и О-Стелли, если та будет упорствовать в нежелании стать женой Мудрейшего.

Но что же делать? Что делать?! Во всяком случае надо любым путем узнать, где находятся подземные жилища Мудрейших и сделать все возможное, чтобы увидеться с О-Стелли.

Приняв такое решение, Артем немного успокоился. Но сон все равно не шел к нему. Яркий свет луны, время от времени бивший прямо в лицо, начал раздражать глаза, и он хотел уже перебраться на другую сторону шатра, как вдруг услышал тихий свист. Свист донесся из зарослей прибрежных кустов, и Артем принял его за голос ночной птицы. Однако в следующее мгновение раздался ответный свист, совсем рядом, на соседнем острове, и стало ясно, что так могли пересвистываться только люди.

Артем насторожился, ожидая нового сигнала. Но вместо этого на мостике, перекинутом с соседнего острова, показалась белая крадущаяся фигура.

Артем затаил дыхание. Неужели кто-то решил проникнуть к нему в шатер? Зачем? Смешно было ставить такой вопрос. Он плотнее припал к земле, не спуская однако глаз с крадущегося человека. Тот прошел почти рядом с ним и направился к следующему мостику.

Артем внутренне усмехнулся. Вот пуганая ворона! Да это не иначе как какой-то молодой эрхорниот спешит на свидание к своей возлюбленной. Есть, оказывается, и здесь отчаянные головы, которым нипочем ни страх перед открытым небом, ни строгие запреты Мудрейших. Но как раз в этот момент луна полностью выкатилась из-за туч, а низко пригнувшийся к земле мужчина воровато оглянулся назад, и Артем узнал в нем О-Стиппа. Ну, этот на любовное свидание не пойдет! И никакая местная красавица пересвистываться с ним не станет. Куда же в таком случае крадется он, как нашкодивший пес, и почему так выразительно покосился на шатер Артема?

А что, если... Артем вспомнил, как недавно О-Гримм предупреждал его: «Будь осторожен с этим О-Стиппом: подлейший человек и правая рука О-Гейма. В случае чего оба не остановятся ни перед чем». А ведь теперь они, наверное, точат зуб и на О-Стелли.

Луна снова зашла за тучи. Но белое тонкито О-Стиппа еще просматривалось во мраке ночи. И если пойти сейчас за ним следом, то, может быть, удастся узнать, не готовит ли он какую-нибудь каверзу против них с О-Стелли. Во всем этом есть, конечно, риск. Но лучше рискнуть, чем жить под дамокловым мечом неизвестности. К тому же темная одежда Артема давала определенное преимущество перед белым балахоном эрхорниота. А в том, что О-Стипп идет на что-то недоброе, можно было не сомневаться. Вон он опять оглянулся. Пошел быстрее. Еще минута, и тьма поглотит его. И Артем решил, быстро поднялся на ноги и, осторожно ступая по пересохшей траве, двинулся следом за мелькавшей впереди белой фигурой.

Так они миновали два острова, перешли по последнему, самому длинному мосту и выбрались на берег. Здесь О-Стипп остановился и снова свистнул. Ответный свист послышался совсем рядом, и на прибрежную поляну вышел другой эрхорниот, повыше и поплечистее О-Стиппа. Артем поспешно пригнулся и лег в траву под росшим поблизости кустом.

Луна окончательно затерялась в тучах. Обе фигуры почти исчезли в густом мраке. Но голоса их доносились вполне отчетливо:

– Ну что, опять скажешь ничего не вышло? – узнал Артем властный голос О-Гейма.

– Пока нет, – ответил О-Стипп. – Сам знаешь, как непросто подступиться к нему. К тому же возле него все время эта... твоя невеста.

– Моя невеста! – зло рассмеялся О-Гейм. – Я сам бы сию минуту задушил ее своими руками. Но это от нас не уйдет. Главное – старик!

«Так вот о ком они ведут речь!» – подумал Артем, напрягая слух.

Но заговорщики были настолько уверены, что их никто не слышит, что не считали нужным даже понизить голос.

- Главное – старик! – повторил О-Гейм.– Не будет старика, я сам расправлюсь и с этой «невестой» и с проклятым чужеземцем. Свалился он на нашу голову!
- Истинно так, Мудрейший. Жили без всяких забот, и вот, пожалуйста...
- Ну, забот, положим, хватало и без него. Старик зажился.
- Зажился, Мудрейший. Я и говорю...
- Что говоришь? Твое дело – не говорить, а помочь старику уйти на вечный отдых.
- Так разве я не стараюсь?
- Какой толк от твоего старания? Не смог сделать даже того, чему тебя научили!
- Ты имеешь в виду мост? Так я устроил все так, как ты сказал. И дело было верное. Тем мостом никто никогда не ходил, кроме старика и Мудрейшей. \ тут, как назло, вздумалось пойти проклятому чужеземцу...
- Ну и?
- Провалился, конечно. И камнем в воду! Я говорю: дело было верное. Да ведь он что рыба. Не чета старику. Вмиг выскочил на берег и, как ни в чем не бывало, пошел дальше...
- А ты?
- Что, я? Ты же сам сказал, чужеземца пока не трогать.
- Да, лишний шум пока ни к чему. Сначала – старик. «Так вот оно что! Вот кому была приготовлена эта западня! – отметил про себя Артем.– Не провались я, провалился бы О-Брайн, а может быть, и О-Стелли. А там такая глубина... Вот негодяи!»
- Да, сначала – старик! – продолжал О-Гейм.– И если ты еще раз...
- Так разве он пойдет теперь по этому мосту? – захныкал О-Стипп.
- Болван! Кто тебе говорит, что надо снова ломать мост! Есть еще одна возможность отделаться от старика. Но смотри!.. Я еще не решил окончательно, кому отдать место в Орио. Тот же О-Понс куда расторопнее...
- Как, кому отдать? При чем здесь О-Понс? – взмолился О-Стипп.– Ты же обещал мне, Мудрейший!
- Я обещал за дело. А где оно, дело?
- Я стараюсь, Мудрейший, очень стараюсь. Но сам видишь...
- Хватит скулить! Так вот, даю тебе последний шанс. Слушай внимательно!
- Слушаю, Мудрейший.
- На днях старик пойдет на кордон Белый Грайворон, разобраться, отчего дохнут козы...
- Как дохнут козы? Я был там вчера, и ни одна коза...
- Так то вчера. А завтра начнут дохнуть.
- Да отчего бы им начать дохнуть?
- Не твое дело! Это моя забота. Так вот, старик пойдет на кордон Белый Грайворон, и ты должен пойти вместе с ним.
- А если он не возьмет меня?
- Это уж твоя забота, как увязаться за стариком. Хочешь быть в Орио, научись работать головой!
- Хорошо, Мудрейший. А дальше?
- Дальше... Вот тебе порошок.
- Сонный порошок?!
- Да. Подсыпь его в борджо, которое любит пить старик.
- Понятно, Мудрейший. А после?
- Ты что совсем разучился соображать? Что дальше, что после... Старик не должен проснуться. Вот и все!
- Придушить его во сне?
- Я сказал, старик не должен проснуться! Или еще не ясно?
- Ясно, Мудрейший. Только...
- Что еще?
- Там же двое пастухов...
- Пастухи уйдут на время.

– А если не уйдут?
– Я сказал – уйдут! – рывкнул О-Гейм, теряя терпение.
– Понял, Мудрейший.
– И запомни, это твой последний шанс!
– Как не запомнить, Мудрейший. Только и ты не запамятуй насчет Орио.
– Я ничего не забываю. И ничего не прощаю! – жестко добавил О-Гейм. – Ступай!
Голоса смолкли. Послышался легкий шорох шагов. Белая тень мелькнула в темноте. И все стихло.

21

На следующий день, сразу, как только О-Горди поднялась к нему с завтраком, Артем сказал:

– Тетушка О-Горди, как бы мне повидать О-Брайна?
– Как повидать старшего? А это просто, сынок. Пойди разыщи О-Стиппа или О-Понса, они все время где-то тут толкуются. Так вот, разыщи кого-нибудь из них и скажи, зачем тебе понадобился старшой. Они доложат ему. И старшой или сам придет к тебе или вызовет тебя, куда ему надо.
– Да нет, я не хочу и не могу посвящать в это дело ни О-Стиппа, ни О-Понса.
– Тогда не знаю... Был у нас еще один такой, как они. Так он, говорят, при смерти. А без них...
– Ясно. И если уж никак без них не обойтись, то сделаем так. Разыщи ты этого О-Стиппа и скажи, что тебе – тебе самой, понимаешь! – нужен Мудрейший из Мудрейших. Нужен срочно. По делу, связанному с чужеземцем. Ты же специально приставлена ко мне, у тебя непременно могут быть какие-то дела, связанные со мной.
– Ну, так, так...
– А когда О-Брайн придет к тебе или вызовет тебя, скажешь ему, что у меня есть к нему срочное и очень важное дело. Я буду ждать в своем шатре.
– Все сделаю, как ты сказал, сынок, – заверила старушка, проворно убирая посуду. – Только скажу еще: не дело это – почти ничего не есть. Ты же мужчина!
– Просто ты закармила меня, – постарался отшутиться Артем, мучительно соображая, как можно еще свидеться с О-Брайном, ибо тем путем, какой он предложил О-Горди, на быструю встречу с Мудрейшим из Мудрейших рассчитывать не приходилось. Но все закончилось проще, чем он думал. Не прошло и часа с небольшим, как О-Брайн был у него в шатре.
– Я слушаю тебя, Артем, – сказал он после обычного приветствия, усаживаясь в кресло. Артем с минуту помолчал. Рассказать Мудрейшему из Мудрейших сразу обо всем, что ему удалось услышать этой ночью, было в высшей степени рискованным. Старик мог не поверить ни одному его слову. Никаких доказательств у Артема не было. А все участники заговора могли легко убедить О-Брайна, что это всего лишь преднамеренная клевета. Поэтому он только коротко сказал:
– Я знаю, О-Брайн, что в ближайшее время ты должен будешь посетить кордон Белый Грайворон.
Брови старика удивленно приподнялись:
– Ты знаешь о моих планах больше, чем я. Я еще не собирался идти на этот кордон.
– Возможно, – невозмутимо ответил Артем. – Но если у тебя появится такая необходимость, то прежде, чем идти туда, пригласи меня к себе, я должен буду кое-что сказать тебе.
О-Брайн смерил его долгим пронизывающим взглядом:
– Ты говоришь какими-то загадками. Но я выполню твою просьбу. А как, кстати, дела в твоей новой мастерской? Ты там, я слышал, начал делать интересные вещи?
– Пока мало интересного. Сделал кое-как с пяток мотыжек для рыхления земли, попытался выковать топор – не получилось. Да и трудно одному...

– Почему одному? Почему не попросишь помощников? Сколько надо, трех человек хватит?

– Зачем так много. Достаточно будет одного крепкого парня.

– Есть у меня такой парень, сам напрашивается к тебе в помощники. Да ты знаешь его – сын О-Гримма Клайд О-Бирнс. Помнишь на празднике...

– Помню, конечно. Отличный парень. Но ведь он, кажется, пастушествоует на одном из кордонов?

– Был пастухом, хорошим пастухом. Да женился недавно и теперь вот... хочет поближе к жене.

– Я с удовольствием возьму его к себе в ученики.

– Ну и прекрасно. Завтра утром он придет к тебе. У тебя все?

– Да. Разве только вот... Я не собираюсь вмешиваться во все перипетии видимо непростой обстановки в общине и не хочу быть излишне любопытным. Но несколько дней назад пропала молодая женщина...

– Я ничего не знаю об этом, – поспешил уйти от разговора О-Брайн.

– Однако в тот самый день я был в лесу и, услышав крик о помощи...

– Я ничего не знаю об этом! – резко, делая ударение на каждом слове, повторил О-Брайн и, стремительно встав с кресла, направился к люку.

«Так я и поверил тебе! – мысленно чертыхнулся Артем. – Но уж коль представился такой случай...» – он тронул О-Брайна за локоть:

– Я хотел бы еще просить тебя...

– Чтобы я разрешил тебе увидеться с О-Стелли? – Да.

– Это невозможно, Артем.

– Почему?

Он нахмурился, медленно прошелся по шатру:

– Я уважаю тебя, Артем. Уважаю, потому что ты достоин этого, потому что заслужил мое уважение. И я готов выполнить любую твою просьбу. Кроме этой.

– Но почему? Почему?!

– Почему? – О-Брайн остановился перед Артемом и, как показалось тому, чуть заметно вздохнул. – Что же, буду с тобой абсолютно откровенным. Потому, во-первых, что, да будет тебе известно, я не всегда и не во всем волен считаться только с своими желаниями. Да, это так, хотя я и не могу сказать тебе об этом что-то большее. А во-вторых, – и это главное – я не просто человек, не просто дед О-Стелли. Я глава общины эрхорниотов, на мне лежит ответственность за судьбу всей общины, всех эрхорниотов от родившегося вчера младенца до лежащего при смерти старика О-Ноя. Поэтому я не могу пойти навстречу интересам одного человека в ущерб интересам всей общины. Даже если это самый дорогой, самый близкий для меня человек. Я думаю, ты понял меня. И не будешь больше просить о невозможном.

О-Брайн коротко кивнул и двинулся к люку.

Артем понял, что возражать старику бесполезно. И в общем-то он был прав по-своему. Но как теперь жить ему, Артему...

22

В это утро Артем имел все основания быть в хорошем настроении: они с О-Бирнсом только что срубили первое дерево с помощью выкованного ими топора, пусть грубого, кособокого, но настоящего железного топора.

О-Бирнс радовался как ребенок. Подбрасывал топор в воздух, снова ловил на лету. А потом сел на поваленную лесину и сразу помрачнел:

– Обиднее всего, Артем, что все это у нас уже было. Понимаешь, было! Отец говорил, что еще дед его рассказывал о каких-то механизмах, которые и лес рубили, и землю обрабатывали.

– А может, то была лишь сказка?

– Сказка? А наши подземные тоннели – не руками же их выкопали! А люки, ножи, ножницы – откуда они? А рисунок Луны, что я тебе принес! Не-ет, что-то было у нас большое, великое. Было! Но куда все подевалось? Почему исчезло? Никто не может ответить на этот вопрос. Даже Мудрейшие. У них одно объяснение: так было всегда.

Но что значит, всегда? Все создается людьми. Так что это мыли за люди, наши предки? И как мы дошли до теперешней жизни? Как растеряли все знания, все орудия, приспособления? Почему никто из нас не играет больше на комизо, не делает таких красивых вещей, как та головка, которую ты показывал на концерте? – юноша чуть помолчал, водя носком сандалии по пересохшей земле, потом сказал. – Я знаю, отец говорил мне, что найденная им монета навела тебя на мысль, будто наши предки пришли сюда из вашего большого мира и оттуда, от вас, принесли все то, что мы не можем делать сейчас. Но я не согласен с этим. Так можно было бы объяснить наличие у нас ножей, ножниц, даже рисунка, который ты назвал картой Луны. Но сам наш город! Все эти тоннели, люки, неизвестные никому машины, снабжающие нас свежим воздухом – они откуда? Ты сказал отцу, что может существовать секретный тоннель, идущий под горами в ваш большой мир. И по нему, дескать, и пришли сюда наши предки. Но кто и как выкопал этот тоннель? И зачем надо было прокладывать его вашим людям. Только затем, чтобы дать возможность горстке чудаков переселиться в эту глухую котловину?

– Не знаю, О-Бирнс, – честно признался Артем. – Не знаю даже, как подобраться к вашей тайне. Мелькнула, было, маленькая надежда, да... Что теперь об этом говорить! – он больно закусил губу и, встав рывком с лесины, снова взялся за топор. Не мог же он сказать даже О-Бирнсу, самому близкому теперь для него человеку, чем закончился недавний разговор с О-Брайном. А тот действительно похоронил всякую надежду. На все!

– Постой, Артем! – окликнул его О-Бирнс. – Как подобраться, говоришь, к нашей тайне? – он понизил голос до шепота. – Есть одна возможность. Только...

– Только? – оживился Артем. О-Бирнс с опаской посмотрел по сторонам:

– Только это действительно большая тайна, Артем. Но тебе я, так и быть, скажу. Говорят, что глубоко под землей, глубже всех наших тоннелей, есть какие-то секретные помещения. Их называют почему-то «Врата в небо».

– Врата в небо?... вспомнил Артем. – Да, точно... Твой отец однажды в разговоре упомянул о каких-то «Вратах в небо». Только не объяснил, что это значит.

– Это что-то страшное, Артем. Невероятно страшное! Войти в эти помещения могут только Мудрейшие. Всех остальных там ждет гибель.

– Так там и живут Мудрейшие?

– Нет, живут они в другом месте.

– Ты знаешь, где?

– Я знаю только, где располагаются входы в их жилища. Но войти в них тоже нельзя: они открываются лишь перед Мудрейшими. Ни один эрхорниот никогда не был и жилищах членов Орио. Я же говорю совсем о других помещениях.

– А что в этих помещениях?

– Не знаю. О них все боятся даже говорить вслух. Но мне кажется, разгадка тайны – там. Мудрейшие нарочно скрывают ее от нас. Им почелу-то невыгодно, чтобы мы знали все. Но я, наверное, решусь...

– Решись проникнуть в эти помещения?

– Да. Мне кажется, отец знает, как попасть туда. Но когда я попросил его открыть этот секрет, он пришел в ужас и чуть не со слезами умолял меня отказаться от моего замысла. И все-таки я попробую уговорить его.

– А если попытаться проникнуть во «Врата в небо» мне?

– Что ты, Артем! Я же говорю, любого эрхорниота проникшего туда, ждет гибель.

– Ну, во-первых, я не эрхорниот. А потом... Впрочем я сам поговорю с твоим отцом. Во всяком случае, тебе туда ходить не следует, О-Гримм прав. А вот чем бы действительно стоило заняться, так это научиться читать писать. Ты знаешь, что это такое?

- Да, отец рассказывал, как ты учишь детей нашей грамоте.
 - Могу научить и тебя.
 - А для чего?
 - Ну для того хотя бы, чтобы знать то, что знают пока лишь Мудрейшие, чтобы прочесть Великий завет, который до сих пор от вас скрывают, чтобы постичь ту тайну, какой покрыта ваша история. Ведь если она и сохранилась до сих пор, то только в книгах. А книгу может прочесть лишь грамотный человек. Сдается мне, что именно ваши древние книги и хранятся в тех помещениях, о которых ты сказал. И надо быть готовым воспользоваться этим богатством.
 - Ты думаешь, действительно придет время, когда мы увидим все это?
 - А это будет зависеть от вас, таких вот, как ты, – молодых, любознательных, непокорных, смелых. Не забывайте, что ведь Мудрейших всего трое, а вас...
 - Тсс! Сам О-Брайн! – О-Бирнс схватил топор и принялся обрубать сучья с поваленного дерева.
- Артем обернулся на звук шагов. К ним действительно подходил Мудрейший из Мудрейших:
- Доброе утро, молодые люди. Покажите-ка ваш новый инструмент! – он взял из рук О-Бирнса топор, срубил несколько веток. – Прекрасно! Поздравляю тебя, Артем, поздравляю вас обоих. Вы сделали нужную вещь. Но мне придется прервать вашу работу. Пойдем со мной, Артем.
- Артем понял, О-Гейм с О-Стиппом, приступили к осуществлению своего замысла.
- Ты собрался идти на кордон Белый Грайворон? – спросил он, пройдя несколько шагов.
 - Да, как ни странно, ты оказался прав, – отозвался О-Брайн. – Обстоятельства заставляют меня посетить этот кордон. Что ты хотел мне сказать в связи с этим?
- Артем постарался скрыть охватившее его волнение:
- Я знаю, у тебя нет оснований верить каждому моему слову, поэтому скажу пока лишь следующее. Во-первых, если в поход на кордон с тобой попросится О-Стипп, разреши ему это.
 - Гм... Он в самом деле попросил меня об этом, и я согласился взять его с собой.
 - Второе, разреши и мне идти с вами.
 - Я сам хотел просить тебя об этом.
 - Третье. Если пастухи, обслуживающие кордон, попросят у тебя разрешения покинуть на некоторое время землянку, не препятствуй им, но не выходи вслед за ними.
 - Так...
 - И четвертое. Если О-Стипп будет угощать тебя борджо, заставь его самого выпить твою чашу. Заставь во что бы то ни стало!
 - Вот как?! Все ясно. Пошли!
- При входе в тоннель их ждал О-Стипп. Увидев Артема, он явно растерялся, издал какой-то нечленораздельный звук, но быстро овладел собой и поспешил в самых изысканных выражениях приветствовать чужеземца, который «пожелал сопровождать их на длинном пути к кордону».
- О-Брайн взял у него из рук факел и первый вступил в тоннель. Шли быстро и молча. Лишь время от времени О-Брайн перебрасывался с О-Стиппом незначительными замечаниями по поводу погоды и травостоя в лугах. О-Стипп заметно нервничал. Что же касается Мудрейшего из Мудрейших, то он был олицетворением спокойствия. Трудно было не позавидовать такому самообладанию.
- В землянке кордона навстречу им поднялись два пастуха, не знакомые Артему молодые мужчины и, склонившись в традиционном приветствии к Мудрейшему из Мудрейших, застыли в скорбном молчании.
- Ну, что тут у вас? – сразу приступил к делу О-Брайн.

– Беда, Мудрейший из Мудрейших! Семь падежей за два дня. Никогда такого не бывало. Да вот только ... молодая козочка... Сейчас мы разыщем, где она свалилась, это совсем неподалеку, подожди нас немного, отдохни с дороги.

– Да, путь к вам не близкий, – подхватил О-Стипп, – У меня аж ноги гудят и рот свело от жажды. Отдохнем, Мудрейший из Мудрейших, промочим горло. Где у вас борджо, ребята?

– Вот тут, за пологом. Самое свежее, специально в честь Мудрейшего из Мудрейших постарились. Так мы сбегает, поищем козочку?

– Да, идите, – махнул рукой О-Брайн.

О-Стипп метнулся за полог и через минуту вышел с тремя чашами, наполненными пенящимся напитком:

– Угощайтесь, Мудрейший из Мудрейших и ты, наш дорогой гость! – его руки заметно подрагивали.

О-Брайн взял в руки чашу, но тут же протянул ее обратно О-Стиппу:

– Нет, что-то еще не хочется. Выпей за мое здоровье, из моей чаши, преданнейший мне О-Стипп, утоли свою жажду.

Тот сразу побледнел:

– Как? Пить прежде тебя? Из твоей чаши?! Я... Я не смею.

– Ну, чего там не смей. Я разрешаю.

– Нет-нет! Только после тебя. После вас обоих! Да и не так уж мне хочется пить... Просто показалось.

О-Брайн нахмурился:

– Ты не хочешь выпить за мое здоровье? Гнушаешься моей чашей?

– Нет, что ты, Мудрейший из Мудрейших, просто я... Просто у меня зубы... Зубы разболелись... А борджо, должно быть, такое холодное.

– Ничего не случится с твоими зубами. Пей!

– Нет, я не могу... Я...

Лицо О-Брайна стало страшным. Он шагнул вплотную к дрожащему О-Стиппу:

– Если ты сейчас же не выпьешь эту чашу!.. О-Стипп метнул взгляд к выходу из землянки в тоннель – на пути к нему стоял Артем, поднял глаза к люку – снова встретил свирепый взгляд О-Брайна:

– Хорошо, я попробую... Я выпью, сколько смогу...

– Если ты не выпьешь эту чашу до дна!.. – снова загремел О-Брайн.

Лицо О-Стиппа исказилось ужасом, покрылось крупными каплями пота. Он быстро, судорожными глотками опорожнил чашу и опустил на скамью. Все тело его сотрясала дрожь. Глаза затуманились. А минуты две или три спустя, как мешок, сполз со скамьи, и землянка наполнилась густым булькающим храпом.

Артем вылил содержимое других чаш на пол:

– Теперь я могу все тебе объяснить.

– Теперь мне все ясно самому. и – Все ясно?

– Почти Это приказ О-Гейма?

– Да, – кивнул Артем.

– Ты подслушал их разговор?

– Да, – снова кивнул Артем, поражаясь проницательности О-Брайна. – Но я не сказал тебе об этом сразу, боясь, что ты не поверишь мне.

– Ты боялся правильно. И поступил мудро. Это как раз то, что доставало мне для принятия окончательного решения. Теперь все встало на свои места. Пошли обратно.

– А как же этот? – кивнул Артем на храпящего О-Стиппа.

– Ничего страшного. Через полсуток он проснется и доложит О-Гейму, что их затея провалилась.

– Но что подумают вернувшиеся пастухи?

– Им тоже будет все ясно.

– Еще одно слово, О-Брайн. Из разговора этих двух я понял, что опасность грозит и О-Стелли...

О-Брайн вдруг мягко улыбнулся:

– Не беспокойся о ней. О-Стелли в абсолютной безопасности.

23

К этому месту Артема тянуло как магнитом. Он узнал о нем два дня назад и с тех пор ни на минуту не мог заставить себя не думать, что кроется за таинственной дверью.

А все началось с откровения дядюшки О-Гримма, на которое тот вынужден был пойти, когда Артем рассказал ему о разговоре с О-Бирнсом.

– Ох уж этот О-Бирнс! – недовольно проворчал старик в бороду, по обыкновению оглядываясь по сторонам. – Сколько раз ему говорил: никому ни слова об этом!

Так нет, проболтался-таки, сорванец! Ну, уж коль так обернулось дело, то слушай. Да, мне известно, как пройти к «Вратам в небо», тщательно скрываемым Мудрейшими секретным помещениям города. Эту тайну открыл мне отец. Но я не советовал бы тебе спускаться туда: это действительно не безопасно. Члены Орио, я знаю, частенько наведываются туда и сейчас. Но ни один другой эрхорниот на моей памяти не был там ни разу. И не только потому, что мы не имеем на это право. Но и потому, что вход эти помещения закрыт особой дверью, открыть которую! можно, лишь зная секретный код. Из всех простых эрхорниотов этот код, по-видимому, знал только мой отец. И это! хорошо, потому что мало ли горячих голов, вроде моего! О-Бирнса, которые повинувшись голосу любопытства, захотели) бы вкусить запретный плод. А расплатой за это была бы смерть.

– Ты уверен в этом? – переспросил Артем.

– Я знаю точно. Нынешний глава Орио не злоупотребляет властью. А в прежние времена, говорят, случалось, что Мудрейший из Мудрейших сам предлагал кое-кому, не без тайного умысла, конечно, посетить «Врата в небо». Обратного не возвратился никто. Я не знаю, что происходило с несчастными в этих помещениях, что вообще! скрыто в них. Скорее всего, этого не знал и мой отец. Тайна кода случайно досталась ему. Мне он открыл ее перед самой смертью и взял клятву не пытаться воспользоваться этой тайной и не передавать ее ни одному другому эрхорниоту. Видимо, там в этих «Вратах», скрыто действительно что-то ужасное.

– Да-а, история... – задумался Артем. – А мне ты не смог бы открыть свою тайну?

– Тебе?.. Тебе я мог бы открыть ее, не нарушая клятвы отца, ведь ты не эрхорниот. И, честно говоря, не хотелось бы уносить ее с собой в могилу, но...

– Что же, но?

– А если я толкну тебя таким образом на гибель?

– Ну, это уж моя забота.

– Нет, так дело не пойдет! Я скажу тебе все, что знаю, лишь при условии, что если ты и соберешься когда-нибудь проникнуть в эти «Врата», то не иначе, как заручившись чьей-нибудь поддержкой. Ну, хотя бы... со стороны О-Стелли.

«Поддержка со стороны О-Стелли... Милый дядюшка! О-Гримм, – мысленно возразил Артем, – да если бы я мог рассчитывать, что в скором времени хоть только увижу ее, я бы и не подумал лезть в эти чертовы «Врата». Они и нужны мне, прежде всего, как средство выйти на О-Стелли. Ведь я до сих пор не знаю о ней абсолютно ничего. Но разве я могу сказать тебе об этом».

– Хорошо, – коротко ответил он. – Я приму все меры предосторожности.

– Тогда слушай, – продолжал О-Гримм. – Ровно в двадцати шагах от начала тоннеля, идущего к кордону Белый Грайворон, в полу его, ближе к правой стороне, есть люк, я видел его сам. Но открывается этот люк особым образом. Кроме обычной педали, там есть еще одна, на противоположной стороне. И нажать их надо сразу обе, одновременно. Люк приведет тебя в тоннель. Тоннель темный, без всякого освещения. По этому тоннелю надо

пойти в обратную сторону и пройти шагов сто пятьдесят, пока не упруешься в тупик. В этом тупике и увидишь дверь...

– Как же ее увидишь в сплошной темноте?

– Увидишь! В том-то и дело, что дверь почему-то светится...

– Как светится? Отчего?

– Этого я тебе не скажу. Но, говорят, что дверь все время светится. Ну так вот, – понизил голос О-Гримм, – подойдя к двери, надо трижды провести рукой над ее правым верхним углом. И тогда раздастся голос...

– Чей?

– Не знаю. Говорят, человеческий голос. А кто там может говорить, ума не приложу... Словом, раздастся голос. Тогда надо трижды провести рукой над левым верхним углом и дверь раскроется сама, как в сказке.

О-Гримм помолчал. Потом, словно спохватившись, договорил почти шепотом:

– Признаюсь тебе, спускался я в тот тоннель. Спускался. И дверь видел. Светится она. В самом деле, светится. А вот дальше... чтобы, значит, рукой поводить, как говорил отец, духу не хватило. Голос побоялся услышать. Да ведь и мало ли... Вдруг застал бы меня там кто-нибудь из Мудрейших.

Больше О-Гримм не смог добавить ничего. Но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы поразмыслить, стоит ли пытаться проникнуть в таинственную дверь.

Итак, прежде всего, что могло находиться за этой дверью? Это могли быть либо какие-то энергетические установки, компрессоры и другие механизмы; либо хранилища книг и иных ценных предметов, оставшихся от развалившейся цивилизации эрхорниотов; либо все-таки подземные жилища Мудрейших. Не исключено, что именно там и заключена сейчас О-Стелли.

Далее, как велика опасность проникновения в секретные помещения Мудрейших? Все эрхорниоты, похоже, испытывают прямо-таки панический ужас перед этими «Вратами в Небо». Но ведь этот ужас внушили им те же Мудрейшие. Им, естественно, выгодно было оградить таким образом свои личные апартаменты или склады сокровищ от посторонних глаз. Сами-то Мудрейшие, как сказал О-Гримм, «частенько наведываются туда и сейчас». Значит, им никакая опасность не угрожает или они могут избежать этой опасности. Почему не сможет избежать ее и он, Артем?

И наконец, как воспримет его вторжение в запретную зону сам О-Брайн? Разумеется, большого восторга это у не го не вызовет. Но не будет основания и для большою гнева: ведь ни он, ни О-Стелли не накладывали никаких ограничений на его прогулки по городу. Откуда ему знать, что светящаяся дверь ведет в секретные помещения. Что же касается секретного кода, то помахать перед дверью руками он мог и случайно.

Было, правда, еще одно немаловажное обстоятельство – просьба О-Стелли ничего не предпринимать до встречи с ней. Но об этом она писала много дней назад, рассчитывая, очевидно, на скорую встречу с Артемом. Однако О-Брайн перечеркнул, видимо, все ее планы. Больше того, как это ни невероятно, О-Стелли осталась в заключении даже после того, как О-Брайн убедился в предательстве О-Гейма, и, казалось бы, должен был изменить все свои прежние намерения. Ничего подобного, однако, не произошло. О-Стелли по-прежнему не появлялась в городе. А сам О-Брайн не счел нужным ни разу больше встретиться с Артемом.

Словом, оставалось одно – попробовать проникнуть в таинственные «Врата в небо», хотя бы для того, чтобы вызвать Мудрейшего из Мудрейших на откровенный разговор. И на другой день утром, не сказав никому ни слова, Артем снова ступил под своды тоннеля, ведущего на кордон Белый Грайворон.

Отыскать здесь ничем не замаскированный люк не составило ни малейшего труда. Не вызвало большого затруднения и открыть его, хотя не будь подробного объяснения О-Гримма, заметить вторую педаль, едва выступающую под полом, было бы не просто.

Но вот и тоннель нижнего яруса – глухой, безлюдный, темный. Медленно, осторожно, вытянув вперед руки, Артем сделал несколько десятков шагов и невольно приостановился: впереди забрезжил призрачный туманный полусвет. Светящаяся дверь? Да, не прошел он еще и сотни шагов, как уперся в тупик, в каменной стене которого цоно просматривалась... металлическая дверь.

Дверь из сплошного металла в каменно-деревянном городе эрхорниотов! Уж не имитация ли это? Артем гукнул согнутым пальцем по гладкой, без единого шва поверхности, и низкий протяжный звон пронесся под сводами тоннеля. Можно было не сомневаться – дверь металлическая. И мертвенно-бледное голубоватое мерцание волнами пробежало от нижнего ее обреза к верхнему. «Ну, была не была!» – Артем перевел дыхание и, подойдя вплотную к двери, трижды, как говорил О-Гримм, провел рукой над ее правым верхним углом. Тотчас раз-шлея резкий щелчок, и откуда-то сверху, с потолка, послышался глухой зловеший голос:

– Стой! За этой дверью – смерть!

– Смерть... Смерть... Смерть... – трижды повторило отчетливое эхо. И все смолкло.

Артем попытался снова поднять руку к двери. И не смог. Рука не подчинилась ему. Все в нем будто заledenело от нахлынувшего страха. Нервы не выдержали, сдали. С трудом оторвав от пола ставшие вдруг чужими, точно ватными, ноги, он попятился от залятой двери и, забыв о всех своих недавних рассуждениях, чуть не бегом бросился к спасительному люку, который вывел его в привычный полумрак городских тоннелей. Но предательский страх преследовал его еще и здесь. И только поднявшись к себе в шатер, он смог трезво оценить все, что произошло в проклятом тоннеле.

Мудрейшие постарались, конечно, не зря. Мало кто не дрогнул бы, увидев это мертвенно-синюшное свечение и услышав столь грозное предупреждение в зловещей темноте тоннеля.

Но ведь он, Артем, был готов к этому. Знал об этом. И все-таки недооценил силы эмоционального воздействия такого рода преград, какими пользовались еще древнеегипетские жрецы и фараоны. Страх долго еще будет испытывать на прочность волю человека. Так что не стоит особенно сильно казнить себя за эту неудачную попытку проникнуть в святая святых Мудрейших. Но нельзя и отказываться от того, чтобы попробовать прорваться туда еще раз. Нет, нельзя! Теперь таинственная дверь завладела всеми мыслями Артема, тянула к себе сильнее, чем прежде, сильнее всех доводов рассудка.

24

И вот он снова в знакомом тупике, перед знакомым ими дом в неизвестное. И снова в могильной тишине прозвучали зловещие слова: «Стой! За этой дверью – смерть!» И снова послушное эхо трижды повторило это грозное предупреждение Мудрейших. Но на этот раз Артем не от« IV пил. Собрав в кулак всю волю и отрезав мысленно все пути к отступлению, как он сделал это когда-то перед первым прыжком с десятиметровой вышки в воду, он решительно поднял руку вверх и трижды провел по левому верхнему углу двери. Раздался повторный щелчок. И дверь раскрылась. За ней была кромешная темнота. «Какого же дурака я сваял, не взяв с собой факел!», – подумал он, шагнув внутрь открывшегося перед ним помещения. – Неужели снова возвращаться ни с чем?» Но ИР успел он пожалеть об этой своей оплошности, как дверь захлопнулась за ним, а глаза резануло от яркого электрического света. Это было сверх всякого ожидания. Но еще более неожиданным было то, что он увидел перед собой.

Мощные плафоны осветили огромный круглый зал, в центре которого, уходя основанием в глубь бетонной шахты, высилась сверкающая громада ракетного корабля. Узким металлическая лесенка вилась вдоль его корпуса, подходя, очевидно, к плотно задраенному люку. Сплошной ряд иссиня-темных иллюминаторов опоясывал переднюю треть гигантской сигары.

Вдоль всего периметра шахты шел невысокий каменный парапет. Таким же парапетом был окружен другой дикий винный механизм, занимающий значительную часть противоположной от двери стороны зала. Он напоминал многократно увеличенный наконечник электродрели, переходящий в цилиндрический баллон из какого-то неизвестного Артему синеватого металла. Диаметр баллона был, пожалуй, точно таким, как диаметр здешних тоннелей, что невольно наводило на мысль, что с помощью именно этого механического крота и были созданы все основные магистрали города эрхорниотов. Чуть подальше от «крота» высилась большая груда пластинок олоото. И это было все, если не считать многочисленных панелей с какими-то кнопками, рычагами, тумблерами, сигнальными лампами, которые занимали большую часть стен. Не оказалось здесь, вопреки ожиданиям Артема, ни книг, ни картин, ни каких-либо работающих приборов или механизмов. Не было видно и никаких других дверей или люков, которые вели бы в смежные помещения.

Итак, все это лишь ангар космического корабля? Слов нет, помещение полностью оправдывало свое название, и вздыбившаяся на головокружительную высоту ракета объясняла многое из того, что составляло тайну эрхорниотов. Но все это было не то, что рассчитывал встретить здесь Артем. А главное – он ни на йоту не приблизился к тому, что больше всего надеялся: найти место заточения О-Стелли.

Он еще раз обошел весь зал, тщательно осмотрел и ракету, и «крота», поднялся даже по винтовой лесенке к люку корабля – он оказался накрепко запертым; попытался заглянуть в один из иллюминаторов – сквозь него не было видно абсолютно ничего; и, прихватив на всякий случай несколько олоото, направился к выходу.

Но как открыть впускшую его дверь? На ней не было ни скоб, ни ручек, ни каких-либо выступов или западин. Он попробовал просто надавить на нее рукой – дверь не подавалась, он попытался воспроизвести известные ему манипуляции секретного кода, чередовал их и так и эдак – никакого результата. Тогда он навалился на дверь всем телом, принялся бить в нее руками и ногами – все было тщетно. Дело приобретало совершенно неожиданный оборот: он оказался пленником каменного мешка. И не мог даже представить, что могло бы вызволить его отсюда. Ведь о намерении его проникнуть во «Врата в небо» не знал абсолютно никто. Даже О-Гримм не сможет предположить, что он так быстро воспользовался его рассказом. Что же делать?

Артем сел на парапет, окружающий шахту ракеты и попытался еще раз оценить сложившуюся обстановку. Выводы напрашивались более чем неутешительные. Ни воды, ни пищи в подземном ангаре не было. Часто заходить сюда Мудрейшим практически незачем. Искать его в этом каменном мешке в ближайшее время не догадается никто. Значит...

Он вскочил с парапета и, подойдя к двери, снова попытался открыть или выломать ее. Дверь словно выросла в каменную стену. Тогда он направился вдоль стен ангара, тщательно просматривая и простукивая каждый сантиметр, в надежде найти другой выход. Стены были, по-видимому, сплошным монолитом.

Смертельное отчаяние окончательно завладело Артемом. Он опустился на груду олоото и закрыл глаза. Время теперь словно остановилось. Могильная тишина стала физически непереносимой.

И вдруг – щелчок! Знакомый щелчок, какой Артем слышал уже перед входом в ангар. В безумной надежде ринулся он к двери. Снова – щелчок. Дверь раскрылась. И в зал вошла... О-Стелли.

– О-Стелли, милая! – он бросился ей навстречу, сжал руки, прижался к ним губами. – Какое счастье! Как и рад... – он поднял глаза и вмиг осекся, увидев бледное как полотно лицо и расширившиеся от ужаса глаза любимой. – Ты... Ты очень больна?

– Как... Как ты попал сюда? – прошептала она побелевшими губами, не отвечая на его вопрос.

– Неважно как. Главное, что я снова вижу что тебя, что мы снова вместе...

– Как ты оказался здесь, Артем? – повторила она, но охваченная ужасом.

– Мне очень хотелось найти тебя, О-Стелли, и я...

– Но разве автоматы не предупредили тебя?

– Предупредили, еще как! Но разве я мог остановиться, когда ты...

– Зачем ты сделал это, Артем? Зачем?! Я же молила тебя не предпринимать ничего. А теперь... – она упала лицом ему на грудь и зашлась в рыданиях.

Только теперь он понял, что совершил какую-то огромную ошибку. Но какую?

– А что случилось, О-Стелли? – пролепетал он в полной растерянности. – Ну, виноват я. Ну, прости меня!

– Что ты говоришь, Артем! Это я... Я виновата всем. Ведь теперь... Теперь ты ни за что выйти отсюда.

– Как не смогу выйти?

– Автоматы не выпустят тебя.

– А ты?

– Я – другое дело. Автоматы позволяют выходить отсюда только тем, кто носит рионато, – коснулась она красного шарика у себя на шее.

– Но если они откроют дверь перед тобой, разве мы не сможем выйти вместе?

Она покачала головой:

– Автоматы не обманешь.

– Но можно же отключить их, сделать что-то еще?

– Ничего нельзя сделать. Абсолютно ничего.

– Значит, теперь я вечный узник этого подземелья?

– Если бы так! Нет, Артем, ровно через полсутки после того, как дверь закрылась за тобой, автоматы прекратят подачу воздуха и... – Она снова разрыдалась. <§

Но Артем все еще не мог поверить в полную безысходность положения:

– Успокойся, О-Стелли, милая, успокойся! Давай еще раз обдумаем вместе, что можно сделать. Если дверь раскроется перед тобой, разве нельзя ее сразу чем-то заклинить, хотя бы пачкой этих вот олоото?

– Нет, ты не знаешь нашей техники. Мы бессильны перед ней. Автоматы не позволят вмешаться в их действия никому. А я... Как я могла... Как могла не предупредить тебя об этом еще там, в горах!

– Значит все, конец! – с трудом вытолкнул из себя Артем.

– Для тебя – нет. Разве я допущу, чтоб ты погиб. Ты выйдешь с моим рионато. Возьми его. А я...

– Что ты говоришь, О-Стелли?! Разве я смогу покинуть тебя здесь, отдать на растерзание этим тупым безжалостным автоматам? Да я разнесу их вдребезги. Я...

Она нежно пригладила его разметавшиеся вихры:

– Ничего ты не сделаешь, милый. При малейшей попытке вывести их из строя, автоматы прекратят подачу воздуха в жилые кварталы города, и все его жители погибнут. Неужели ты сможешь пойти на это?

Артем покачал головой.

– Вот видишь, – продолжала О-Стелли. – Я знала, что ты не сможешь сделать ничего подобного. Я знаю тебя лучше, чем ты сам. Ты любишь людей. Ты живешь для людей. Ты готов отдать им все, ничего не требуя взамен. Долгое время я не могла даже представить, что такое возможно. Но это так. И может быть, именно за это я так люблю тебя. Да разве я одна! Почти все члены нашей общины полюбили тебя. Ты нужен им, Артем! А я... Я ведь всего лишь избалованная эгоистка. И кому я, такая, нужна?..

– Ты нужна мне, Стелли!

– Тебе – возможно. Ты нужен мне еще больше. Ты так мне нужен, Артем! Но... Кончается наше недолгое счастье, любимый...

– Подожди, Стелли. Не может быть, чтобы не осталось никакого выхода. А что если тебе пойти к О-Брайну и честно рассказать обо всем, что произошло?

– О-Брайн с утра ушел на Белый Грайворон. Да если б и не ушел... Он все равно ничего не сможет сделать.

– Разве у него не найдется лишнего рионато?

– Рионато всего три. Третий – у О-Гейма. Как это ни глупо, он все еще остается членом Орио. А без рионато... Без рионато отсюда не выходил никто.

– Но почему бы О-Брайну не дать на время свой рионато? Или он не может остаться без него?

– Дать на время свой рионато... Да ведь это... Он конечно, сделает это! Как я сразу не догадалась! – обрадованно воскликнула О-Стелли. – Но Белый Грайворон снова поникла она. – Это так далеко! Сколько времен! ты провел здесь?

– Примерно восьмую часть суток.

– Так... Если идти туда самым скорым шагом, почти бежать, то можно еще успеть... Да, можно успеть. Ведь даже после того, как автоматы прекратят обмен воздуха, здесь еще долго можно будет не чувствовать этого: объем помещения достаточно большой. Но идти придется тебе. Я слишком ослабла после болезни...

– Так ты болела?! Что-то серьезное? – встревожился Артем.

– Да нет, обычная простуда. И все уже прошло. Но бежать на Белый Грайворон и обратно... – она покачала головой. – И потом... Одно дело, когда дед узнает, что и опасности его внука, и совсем другое – если речь пойдет о постороннем для него человеке.

– Для меня он пожалеет и рионато?

– Дело не в этом. К тебе он относится лучше, чем ты думаешь. Но рионато все-таки – символ власти. А власть для него... Однако не будем терять время. Нагни голову! – она нагнула ему на шею цепочку с рионато и на миг замерла, прижавшись к его груди. Потом рывком выпрямилась, легонько подтолкнула его к двери. – Беги, Артем. Я знаю, ты успеешь. Ты должен успеть...

25

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем кончился проклятый тоннель, и Артем вбежал наконец в знакомую землянку кордона Белый Грайворон. Здесь, кроме О-Брайна, сидели за столом два пастуха и О-Гейм. Это было более чем некстати. Нечего было и думать начинать разговор в присутствии Мудрейшего. Но счет шел на минуты. И Артем, не раздумывая, шагнул к Мудрейшему из Мудрейших:

– Мне надо поговорить с тобой без свидетелей, О-Брайн.

Тот неторопливо встал из-за стола:

– Хорошо, поднимемся в луга.

Артем помог старику выйти на поверхность.

– У тебя что-то случилось? – сказал О-Брайн, как! только они остались вдвоем. – Судя по всему, ты без передышки бежал от самого города?

– Да, произошло большое несчастье, – начал Артем, не поднимая глаз. – Случилось так, что О-Стелли осталась и камере «Врагов в небо» без рионато...

– Как без рионато? Почему без рионато? – нахмурил брови О-Брайн.

– В этом я виноват. – Артем коротко рассказал обо всем, что привело к столь печальному концу. – Можешь отругать меня, можешь подвергнуть любому наказанию. Но единственная возможность спасти О-Стелли...

– Снести ей мой рионато? За этим ты прибежал сюда?

– Да. Я понимаю, ты возмущен моим поступком, тебя удивляет, что О-Стелли отдала мне свой рионато, а я оставил ее в камере...

– Не продолжай! Мне нечему удивляться. Я давно знаю все.

, – Знаешь, что О-Стелли...

– Знаю, что вы любите друг друга и готовы отдать друг за друга жизнь. И не ты, а я виноват в том, что случилось. Мне следовало еще позавчера сказать тебе, что я переменил

все планы относительно О-Гейма. И только недомогание О-Стелли не позволило ни мне, ни ей встретиться в эти дни с тобой. Непростительная беспечность с моей стороны. Что же касается моего рионато... Не дело главе общины остаться без рионато даже на непродолжительное время. Но в этом не будет и нужды. Все равно я должен был в ближайшее время совершить одну неприятную акцию. Сейчас ты поможешь мне в этом. Речь идет об О-Гейме. Он не достоин более быть членом Орио. Не достоин и не имеет право носить рионато. Сегодня я прямо объявлю ему об этом. Но ты знаешь О-Гейма. Так просто, по доброй воле, он не сдастся. Принудить его к этому можно только доказав, что он нарушил Великий завет О-Стрема, нашего предка, о котором ты скоро узнаешь все. Завет категорически запрещает лишать жизни любого человека, если на то не будет воли всего Орио. А О-Гейм, как я пенял, попытался сделать это в отношении тебя в горах. Однако я не знаю подробностей этого преступления. Придется тебе сейчас рассказать обо всем.

– Но ведь О-Гейм совершил и более страшное преступление, хотел убить тебя самого.

– Этого я не смогу доказать. О-Питт мертв. Видимо, перестарался с дозой сонного порошка. А скорее всего, и тут не обошлось без О-Гейма. Но это тоже не сможет доказать никто и никогда. Хитрость и коварство О-Гейма не имеют границ. Он сам доложил мне о «преступлении» О-Питта, потребовал даже введения постоянной охраны для меня. Поэтому я и не смог лишить его сразу звания Мудрейшего. Теперь нужно это сделать. Итак, я слушаю тебя. Артему ничего не оставалось, как рассказать и о пожаре в шатре, и о внезапном камнепаде, и о том, как за арканили его сброшенным со скалы лассо.

– Ты хорошо видел, что это был сам О-Гейм? – уточнил О-Брайн.

– Да, я видел его самого и слышал его голос.

– Что же, этого достаточно, – заключил О-Брайн. – Но имей в виду, что даже после предъявления ему всех обвинений, нам, возможно, придется применить силу. Пусть это не смущает тебя: моральное право на нашей стороне, но возможны любые осложнения. О-Гейм очень силен.

– Я готов к любым неожиданностям. Можешь на меня положиться, О-Брайн, – заверил Артем.

– Значит, спускаемся обратно вниз и без лишних слов предъявляем ему наши обвинения. Говорить буду я, ты только слушать и следить за мной. И когда я подниму левую руку, сорвешь у него с шеи рионато и помчишься к О-Стелли.

– Я все понял.

– Тогда пошли! – О-Брайн первым спустился в землянку и снова подошел к сидящим за столом. Те сразу встали. О-Гейм заметно изменился в лице.

– Вы, двое, выйдите, О-Гейм останься! – коротко приказал О-Брайн, опускаясь на скамью. Оба пастуха тотчас скрылись в люке. О-Гейм и Артем остались стоять, не спуская глаз друг с друга. С лица О-Гейма не сходило выражение мрачной решимости, рук его сжались в кулаки.

– Фрат О-Гейм, – начал О-Брайн глухим голосом, – мне стало известно, что ты попытался умертвить человека хотя знал, что в Великом завете это рассматривается как тягчайшее преступление.

– В Великом завете речь идет о попытке умертвить эрхорниота. Чужеземец не эрхорниот, – упрямо возразил О-Гейм.

– В завете слово эрхорниот употребляется в смысле – просто человек.

– Ты не докажешь это.

– Положения Великого завета не нуждаются в доказательствах.

– Но не допускают и произвольного толкования. Ты не раз обжигался на этом.

– Не смей говорить о том, что не имеет права упоминать ни один эрхорниот.

– Я не упоминаю ничего запретного. Ты сам вынуждаешь напомнить то, что не должен был бы забывать никогда.

– Ладно, оставим это. Я помню все. А ты все-таки скажи, что заставило тебя пойти на преступление?

О-Гейм молчал.

– Я требую ответа на свой вопрос, повысил голос О-Брайн.

– Я не считаю это преступлением. Чужеземец не имел права проникнуть в котловину. Завет подчеркивает необходимость препятствовать вторжению сюда посторонних людей любыми средствами.

– Ты знаешь, чужеземец попал сюда не по своей воле и вполне доказал свое расположение к эрхорниотам.

— Это не имеет значения. В Завете нет ни слова в пользу оправдания чужеземцев.

— Значит, ты руководствовался исключительно соображениями сохранения безопасности нашей общины?

– Только этим.

— Почему, в таком случае, ты решил прибегнуть к своей акции лишь спустя три полных хода луны?

– Прежде у меня не было удобного случая.

– Но был законный путь.— Провести чужеземца через «Врата в небо».

— Я не был убежден, что добьюсь единства всего Орио, что необходимо для осуществления этого пути.

– Но разве тебе не известен тот пункт Завета, где прямо сказано, что любой смертный приговор кстати, в этом пункте нет даже слова «эрхорниот», речь идет о приговоре вообще) требует обязательного единогласия всего Орио.

– Я знаю это, но...

– Никаких «но»! Ты нарушил Завет и не достоин более быть членом Орио. Верни мне рионато!

О-Гейм стал белее полотна:

— Нет! Нет!!! – закричал он диким голосом.— Ты не сделаешь этого! Не посмеешь сделать! Ты выживший из ума дряхлый старик, а я... Те, о ком ты боишься даже говорить, не простят тебе этого.

— Верни мне рионато! – властно повторил О-Брайн и поднял левую руку.

Артем шагнул к О-Гейму. Но тот опередил его.

– Ах, тебе рионато? Тебе мой рионато?! – крикнул он, брызгая слюной и, опрокинув скамью, как безумный, бросился на О-Брайна. Однако Артем вовремя подставил ему ногу, и Мудрейший пластом растянулся на полу. В тот же миг Артем заломил ему руки за спину, а О-Брайн, раскрыв верхнюю часть тонкито, сорвал с шеи О-Гейма цепочку с красным шариком.

– Быстро к О-Стелли! – шепнул он Артему, выпроваживая его за полог и вкладывая в руку рионато.— Я задержусь здесь. Да не забудь – дверь заперта. Когда во «Вратах» есть человек, обычным кодом ее не откроешь. Надо вложить в небольшое углубление в верхнем правом углу ее рионато. Там увидишь. Беги!

– А если он снова...— кивнул Артем в сторону О-Гейма.

– Не беспокойся. Теперь, лишенный рионато, он не посмеет даже сказать мне грубого слова.

26

И вот он снова один. Снова идет, почти бежит по длинному полевому тоннелю. Сколько же километров еще шагать под его черными каменными сводами? А время летит. Он не смотрит на часы, но знает, чувствует – времени до роковой минуты остается в обрез. И хотя дорога идет теперь все время под уклон, сил остается все меньше и меньше. К тому же в подземелье все-таки явно не хватает воздуха. Факел еле тлеет в крошечной темноте. Ноги скользят по гладкому, словно отполированному днищу тоннеля. Несколько раз он упал, обманутый прыгающей под ногами тенью. Кровь бешено стучит у него в висках,

сердце готово выпрыгнуть из груди. Но мысль, что безжалостные автоматы уже прекратили обмен воздуха, и О-Стелли, исчерпав последние крохи кислорода, вот-вот задохнется в страшных муках, гонит его вперед и вперед.

Но вот и жилые кварталы города. Спуск в последний, нижний переход. Последние метры по темному гулкому тоннелю. Страшная светящаяся дверь в тупике. Круглое углубление в правом верхнем углу ее Артем увидел сразу. Красный шар сам, будто втянутый магнитом, вошел в него дверь щелкнула, раскрылась. Он вихрем влетел в знакомое, залитое светом помещение и... сразу осел, тщетно ловя ртом какой-то пустой безвкусный воздух. Грудь точно сдавило. Ноги подкосились. Красные пятна пошли перед глазами.

«Все, опоздал! – мелькнуло в затуманенном сознании. – Так вот и приходит смерть... И ничего нельзя сделать... Ничего... Неужели ничего? Но ведь там, за дверью – свежий воздух. Воздух, жизнь! Нет, черт возьми, я не сдамся этим проклятым автоматам!»

Последним напряжением воли Артем заставил себя собрать остатки сил, встал, отступил обратно к двери, сколько мог, раскрыл ее и вывалился в живительную темноту тоннеля. Дверь тотчас захлопнулась за ним.

С минуту он жадно глотал тугой пьянящий воздух, едва веря, что вырвался из лап смерти, но лишь дыхание выровнялось, снова рванулся к ненавистой двери. Однако – стоп! Теперь сознание его работало как точно отлаженный электронный механизм. Почему так плачевно закончилась его первая попытка проникнуть в почти лишенное кислорода помещение? Да потому, что он ворвался туда, не переведя дыхание после быстрого бега по тоннелю, без малейшего запаса воздуха в легких. Значит, надо успокоиться, набрать в грудь побольше воздуха, задержать дыхание и лишь после этого открывать злополучную дверь.

Он постоял еще с минуту, окончательно отдышался, затем сделал глубокий вдох и, едва открылась дверь, быстро, как ныряльщик на глубину, устремился к шахте ракетного корабля, где осталась ждать его О-Стелли.

Теперь он увидел ее сразу. Девушка лежала на полу, у самого парапета шахты. Губы ее посинели. Глаза были закрыты. Страшная печать страдания исказила юные черты.

Какой болью, каким лютым раскаянием за свое дурацкое легкомыслие полоснула по сердцу Артема эта жуткая картина тупой жестокости машины! Он быстро, как мог, подскочил к распростертой на полу О-Стелли, бережно поднял ее на руки. Она не шевельнулась.

На воздух! Скорее на воздух! Может быть, еще не поздно... Может быть... Эта мысль заставляла его почти бежать. Шаг, еще шаг... Но вот и проклятая дверь! Он толкнул ее носком ботинка, нажал локтем, надавил плечом – тщетно: дверь не поддавалась.

Что это? Что опять случилось?! А грудь снова словно сдавило стальным обручем. Артем понял, что начинает задыхаться, теряет последние силы. Что же делать? Что делать?! Он повернулся и уперся в дверь спиной, навалился на нее всем телом – дверь будто вросла в бетонную стену.

И вдруг – словно разряд молнии: он же забыл надеть на шею О-Стелли ее рионато! Только где он? Вот здесь, в кармане. Быстрее... Быстрее! Но как трудно одной рукой... И как свилась тонкая цепочка... И как мешает расправить ее тяжелый шар... А надо еще перебросить цепочку через голову О-Стелли... Но вот теперь, кажется...

Щелк! Он пошатнулся: исчезла последняя опора, в ушах – звон, свист. Все кончено! Артем почувствовал, что падает, валится в какую-то черную яму.

Но как отрадна, как сладостна эта холодная чернота!

Она снимает даже боль в груди, позволяет вдохнуть и проясняет сознание... Да это же дверь наконец открылась под тяжестью его тела!

Артем выпрямился. Поспешно сделал шаг, другой. Однако ноги уже не держали его. Он попытался опереться и стену, но, как набитый тряпьем мешок, сполз на холодный пол тоннеля, стараясь лишь не выпустить из рук драгоценную ношу.

Сколько так пролежал он в холодном темном переходе, он не знал. Только почувствовал вдруг, как начинает проникать к нему через тонкую ткань тонкито тепло девичьей груди, и как сама грудь начинает потихоньку подниматься и опускаться под его рукой, и как все явственнее, все отчетливее начинают прослушиваться сначала робкие, потом все более уверенные удары сердца.

Тогда, собрав все оставшиеся силы, поднялся он ни ноги, вскарабкался по лестнице на верхний ярус и, пошатываясь, как пьяный, не выпуская из рук еще не пришедшую в сознание О-Стелли, побрел от лестницы к лестнице, от поворота к повороту, пока не ввалился в конурку О-Горди и не рухнул на ее ветхую, как она сама, постель.

27

– Что я скажу тебе, сынок, – ласково проворковала то тушка О-Горди, медленно, кряхтя, поднимаясь в шатер Артема, – девочка-то наша, О-Стелли, видно приболела не много. Сидит у себя в шатре, и лучше, говорит, пусть Артем сам зайдет. Проводи, говорит, его ко мне. Так вот я.

– Что?! О-Стелли больна? – вскочил Артем с кушетки. – Что с ней?

– Так ведь досталось вчера бедняжке там, я уж не знаю, где. Я чуть от страха не умерла, когда ты принес ее ко мне. Губы синие, глаза закрыты... Ну да сейчас ничего. Сейчас ей легче. По тебе только, видно, соскучилась. Оно, правда, не совсем ладно молодому мужчине к чужой невесте заходить. Так ведь у вас все не так, как у других. Она – Мудрейшая. И сам ты не такой, как все мы... – не переставала сыпать словами говорливая старушка, вновь спускаясь в подземный переход.

Но Артем уже не слышал ее. Спрыгнув с последних ступеней лестницы и не совсем вежливо оттолкнув к стене грузную фигуру старой женщины, он вихрем летел к шатру О-Стелли, а в памяти, словно обрывки кошмарных сновидений, проносились картины тех страшных часов, какие он пережил за последние сутки. Он будто снова увидел себя

В землянке пастухов в схватке с О-Геймом, вновь пережил жуткие минуты в камере ракетного корабля, снова встрепенулся с расширенными от ужаса глазами тетушки О-Горди, когда ввалился в ее конурку с неоправившейся от обморока О-Стелли на руках.

А вот что было дальше, он почти не помнил. Перед глазами мелькали какие-то лица. Потом появился О-Брайн. Потом кто-то помог ему добраться до шатра, кто-то поил его холодным борджо. Но кто, О-Гримм или О-Бирнс? А не все ли равно. И какое все это имеет значение, если О-Стелли еще плохо, может быть, очень плохо.

С ходу, одним махом, взобрался он по невысокой лестнице и в первый раз поднялся в шатер любимой. Убранство его мало чем отличалось от убранства его собственного шатра: такой же стол, несколько кресел, низкая кушетка у стены. Только все это было тоньше, светлее, изящнее, под стать нежному аромату, который источал большой букет свежих луговых цветов, стоящий в центре стола.

О-Стелли сидела в кресле, у стены, в неизменном снежно-белом тонкито и легкой меховой накидке, брошенной на плечи. Лицо ее казалось чуть бледнее обычного, но в глазах не было ни боли, ни тревоги.

Увидев Артема, она сдержанно улыбнулась и, встав ему навстречу, глянула в самые глаза:

– Ты здоров?

– Абсолютно! А ты? Тетушка О-Горди сказала...

– Тетушка О-Горди всегда говорит больше, чем ее просят, – нахмурилась О-Стелли. – Кстати, где она?

– Плетется где-то сзади, за мной. Разве я мог ждать, когда она...

– А ты всегда торопишься больше, чем следует, – постаралась скрыть улыбку О-Стелли и, открыв входной люк, крикнула:

– Тетушка О-Горди!

– Иду, иду, моя прелесть! – донеслось из-под земли.

– Не надо, не торопись. Спасибо, дорогая. Можешь не подниматься сюда. Иди отдыхай.

О-Стелли прикрыла люк и вернулась в свое кресло:

– Я тоже абсолютно здорова. Но... Пришла пора поговорить нам обо всем начистоту. Тем более что рионате, обладателем которого ты стал, автоматически сделал тебя членом Орио.

– Как... членом Орио? – растерялся Артем. – Я ведь даже не...

– Неважно, кто ты. Вчера вечером, когда ты спал, дедушка объявил об этом всем эрхорниотам, и никто, ни один человек, не выразил открытого недовольства. Ты давно пришелся по душе нашим мужчинам и женщинам. Я знала, что так будет. Но не думала, что все произойдет так скоро. Твое чрезмерное любопытство ускорило события, и я рада этому.

– О-Стелли! – он попытался привлечь ее к себе. Однако она мягко, но решительно отстранилась от него:

– Нет-нет, Артем! Сядь рядом со мной и внимательно но выслушай все, что я скажу. Кстати, ты завтракал сегодня?

– Нет, но это успеется...

– Зачем успеется? Вот здесь, на столе – все, что нужно. И, насколько я знаю, как раз по твоему вкусу. Я тоже составлю тебе компанию. – О-Стелли сняла салфетку с расставленных на столе блюд и, придвинув к себе небольшой бокальчик, сделала несколько маленьких глотков.

Она чуть помолчала, видимо, собираясь с мыслями. Затем заговорила, медленно роняя слова, будто вглядываясь в картины далекого прошлого:

– Ты, наверное, понял уже, что мы не дети Земли, Наша Родина, по крайней мере, родина наших отцов. – далекая планета Эрхорн, единственная, как и ваша Земля обитаемая планета голубой звезды Стеке. Цивилизация Эрхорна достигла больших высот, чем цивилизация Земли. А потому, как это ни парадоксально, и погибла раньше чем погибнет ваша цивилизация. Да, Артем, мы погубили себя сами. И вы, к сожалению, идете тем же путем. Теперь ты должен знать, что мощная радиостанция на нашем ракетном корабле, который ты видел во «Вратах в небо» и приемные антенны, вынесенные за пределы котловины, позволяют нам следить за всеми событиями на Земле, и мы знаем о них не меньше, чем ты.

Так вот, ученые Эрхорна задолго до вас открыли тайн высвобождения внутриядерной энергии и создали атомное оружие. Больше того, они оснастили им громадный космический флот и бесчисленные базы на необитаемых планетах Стекса. И простые люди Эрхорна также боролись за запрещение ядерного оружия... И наиболее дальновидные ученые также предупреждали военных и политиков о возможности установления всепланетной «ядерной зимы», но Эрхорн погиб не от ядерной зимы. Ваши ученые не принимают в расчет еще одно последствие глобального применения ядерного оружия. Высокие температуры и давления, возникшие в результате взрыва большого числа ядерных бомб, могут привести к соединению азота воадуха и углерода сгораемой органики с образованием циана...

– Циана?! Но ведь здесь, у нас на Земле, проводи- ють не одна сотня испытаний атомного оружия. И в воздухе, и под землей. И никогда никем не было замечено самопроизвольного соединения азота с углеродом.

– Точно так же было и на Эрхорне. Но одно дело – испытательные взрывы единичных зарядов и совсем другое – одновременный взрыв многих тысяч бомб, когда горит и обугливается все, что может гореть, и раскаленный воздух становится просто-таки перенасыщенным атомарным углеродом, а целый ряд компонентов ракетного топлива и конструкций ядерных бомб становится отличным катализатором реакции цианообразования. К сожалению, наши ученые также не смогли предсказать такого хода событий и поняли лишь тогда, когда сплошное облако смертоносного газа в считанные дни покрыло цветущую планету и уничтожило все живое.

– Какой ужас! – содрогнулся Артем.

– Да, погибло все. Лишь несколько кораблей космического флота, находящихся на планетоцентрических орбитах, смогли уйти от гибнущего Эрхорна, и среди них была «Наира» – галактический корабль экстракласса под командованием одного из лучших сынов планеты Дьерть О-Стрема. Но прежде чем продолжить свой рассказ, я хотела бы дать тебе послушать одну из сохранившихся записей о событиях тех времен.

– Что же, буду очень признателен.

– Только для этого придется вновь спуститься в камеру макетного корабля. А ты, наверное, еще не отрешился от неприятных воспоминаний, связанных с «Вратами в небо».

– Пустяки!

– В таком случае, поешь, и пойдем.

– Я уже поел, спасибо.

– А рионато твой с тобой?

Артем пошарил у себя под рубашкой:

– Рионато здесь. Я и не снимал его.

– Тогда пошли, поговорим там. Кстати, я покажу тебе кое-что из того, что ты еще не видел. А рионато должен быть теперь с тобой всегда. И обязательно на шее. Я понимаю, это не совсем удобно с непривычки, но...

– Я понял это еще там... у этой вашей двери.

– О двери мы еще поговорим... Но дело не только в ней. Рионато вообще надо хранить как самую дорогую реликвию.

– Ясно, О-Стелли, Пошли! – Артем встал с кресла и направился к люку.

– Нет, это слишком далеко, – остановила его О-Стелли. – Я хожу туда другим путем, через апартаменты деда.

– У него есть особые апартаменты?

– А ты думал, он ютится в каморке, как у О-Регги или О-Горди? – рассмеялась О-Стелли.

Она приподняла ковер, и Артем увидел другой л\ наподобие того, что был в тоннеле Белого Грайворонл двумя педалями:

– Иди за мной, только осторожно, там темно.

Через минуту они спустились в глубокий тоннель, видимо, тоннель второго яруса и, пройдя с десяток шагов, остановились перед массивной металлической дверью.

– Вот здесь и живем мы с дедом, – сказала О-Стелли, вычерчивая рукой фигуру условного кода.

Дверь тотчас открылась, и перед глазами Артема предстало обширное помещение, залитое ярким электрическим светом. Помещение было абсолютно пустым. Но в стенах его оказалось еще несколько дверей.

– Вот эта, – указала на одну из них О-Стелли, – ведет в комнаты деда, а эта – в мои. Ну, а та, что направо, выводит прямо к знакомому тебе входу во «Врата в небо» Кстати, войти в это помещение могут тоже только обладатели рионато. Поэтому до сегодняшнего дня я просто не могла пригласить тебя к себе в гости.

– Значит, здесь никто не бывает, кроме вас с О-Брайном?

– До вчерашнего дня мог бывать еще О-Гейм. Дед иногда приглашал его к себе. Но в моих комнатах не был никто никогда. Ты будешь первым...

– О-Стелли! – он хотел обнять ее. Но она по-прежнему мягко, но решительно отстранила его руки:

– Нет-нет, Артем, не сейчас... Сначала дело. А потом мы вернемся сюда...

– И ты покажешь свое гнездышко?

– Мы приглашены на обед к деду.

– На обед к О-Брайну? – не мог скрыть разочарования Артем. – И там тоже будет только «дело»?

– Ничем другим дед не занимается. Даже во время обеда. Но сегодня... – О-Стелли вдруг покраснела и потупилась.

– Что же будет сегодня? – нарушил затянувшуюся паузу Артем.

– Сегодня ему придется изменить своему обыкновению, потому что...– голос О-Стелли снова прервался.– Потому что двое молодых людей попросят у него разрешения стать мужем и женой,– договорила она чуть слышно.

– Это правда? О-Стелли, ты не шутишь?

– Разве этим можно шутить?

– Я понимаю... Я просто... Я просто ошалел от счастья. Значит, сегодня я должен... Сегодня мы должны будем сказать О-Брайну...

– Так принято у нас, Артем. Только после этого я смогу пригласить тебя к себе... А сейчас пойдем, не будем терять время, мне еще многое нужно тебе сказать,– она быстро пересекла уютный холл и вывела его к знакомому УНИКУ со страшной светящейся дверью.

Артем невольно замедлил шаг. И хотя рядом с ним шла О-Стелли и на шее у него висел рионато, хотя он заранее внутренне собрался и постарался внушить себе, что ничего из того, что было, не повторится, не может повториться,– несмотря на все это, он не без робости переступил порог ярко освещенных «Вратов в небо».

Здесь все осталось прежним, таинственным и строгим. Но воздух был чистым, свежим, дышалось легко, как на берегу озера. О-Стелли подошла к одной из панелей и, сняв с шеи рионато, вложила его в небольшое углубление на щитке:

– Сделай так же, Артем, вложи рионато в эту, соседнюю ячейку, после я объясню, чем вызвана такая необходимость. Вот так! А теперь входи.

– Куда? – не понял Артем.

Но уже в следующее мгновение вся панель сдвинулась в сторону, открыв расположенную за ней уютную комнатку. Здесь стояло три кресла, расставленные вдоль боковых стен, а всю заднюю стену занимал большой пульт с бесчисленными кнопками, тумблерами, переключателями.

– Садись, Артем,– сказала О-Стелли, кивнув на кресла и, подойдя к пульта, принялась манипулировать кнопками. Тотчас послышалось тихое потрескивание, а еще через минуту раздался ровный, хорошо поставленный мужской голос:

– Дьерт О-Стрем, командир галактического корабля ультракласса «Наира» отдал последние распоряжения, касающиеся старта к далекой звезде Гелион, на одной из планет которой автоматические зонды обнаружили признаки антропоморфной разумной жизни, и покинул командный пост.

Артем с недоумением взглянул на О-Стелли.

– Слушай, слушай Артем. После я все объясню.

Она села в стоящее рядом кресло. А незнакомый голос продолжал:

– Старт был назначен на полночь следующих суток, и у Дьерт О-Стрема оставалось достаточно времени, чтобы отдохнуть и в последний раз повидаться по каналам планетарной связи с родными и близкими.

Он прошел в свои апартаменты и, настроив автоматы комфорта на режим сна, начал неторопливо раздеваться. Мысли его снова и снова возвращались к судьбе покидаемой родины. «Наира» уходила в первый галактический рейс в тревожное для планеты время. Противоречия и конфликты между северным и южным континентами достигли критической фазы и в любой момент могли вылиться в глобальное столкновение с применением ядерного оружия.

Правда, верховный правитель северян, в непосредственном подчинении которого находился О-Стрем, неоднократно заявлял, что он никогда не начнет войну первым, а созданная им система противоракетной обороны не позволит ни одной ракете южан достигнуть северного континента. Но О-Стрем слишком хорошо знал правителя и военный потенциал обеих сторон, чтобы не верить ни в то, ни в другое.

Он начал уже погружаться в сон, когда вспыхнул яркий световой сигнал, и бесстрастный металлический голос автомата произнес: «Экстренный вызов канцелярии верховного правителя. Командиру галактического корабля «Наира» немедленно выйти на связь».

О-Стрем поспешно набросил на себя форменный мундир офицера космофлота – такова была традиция – и включил экран планетарной связи. Там появилось знакомое лицо начальника канцелярии верховного правителя. Он коротко кивнул О-Стрему и мрачно произнес:

– Прошу вас выключить все каналы параллельной связи и выслушать секретный приказ верховного.

О-Стрем молча поклонился.

– Только командиру галактического корабля «Наира», – начал начальник канцелярии, не скрывая озабоченности в голосе. – Лично. Конфиденциально. Строго секретно. Сегодня рано утром наши стратегические ракеты нанесли превентивный удар по всей территории южного континента. Весь военно-промышленный потенциал южан выведен из строя. Большая часть населения уничтожена. Одновременно подверглись уничтожению морской, воздушный и космический флоты противника. Почти все ракеты, выпущенные южанами в качестве ответного удара, уничтожены на подступах к нашим берегам. Таким образом, я мог бы уже сейчас позволить вам поздравить меня с величайшей победой в истории Эрхорна и приказать закрепить ее в схватках с иными мирами галактики, которые не захотят покориться нашему могуществу. Полет «Наиры» к обитаемым планетам звезды Гелион явился бы началом победного шествия нашей цивилизации по Вселенной.

Но произошло нечто совершенно непредвиденное. В условиях колоссальной концентрации тепловой энергии и чрезвычайно высоких давлений, возникших в результате взрывов многих тысяч ядерных зарядов на сравнительно ограниченной территории южного континента, началась непредсказанная учеными реакция между углеродом разрушаемых объектов и азотом атмосферы с образованием смертоносного циана. Сплошное облако этого газа в скором времени покроет всю планету и уничтожит на ней все живое.

Дни нашей цивилизации сочтены.

Но мы выполнили свой священный долг. Империя зла, обосновавшаяся на южном континенте и грозившая поработить всю планету, уничтожена. Наша цивилизация погибнет. Но не погибнут наши идеалы демократии и свободы, которые мы понесем через всю Вселенную.

Исходя из вышеизложенного, приказываю:

Первое. Старт космолета «Наира» отсрочить на четверо суток, в течение которых челночные корабли доставят на борт «Наиры» меня и моих ближайших помощников, наиболее важные документы и ценности Эрхорна, а также запас ядерных зарядов, достаточный, чтобы сломать любое сопротивление обитателей системы Гелиона, если такое сопротивление будет оказано.

Второе. Вам надлежит в течение указанных четырех суток подготовить соответствующие жилые помещения и весь комплекс обслуживания на уровне, не уступающем уровню жизни и обслуживания высших руководителей Эрхорна на планете. Естественно, это повлечет сокращение значительной части экипажа и научных сил корабля вместе с их лабораториями и установками. На корабле следует оставить лишь тех, кто безусловно необходим для выполнения космического полета, обслуживания высшего руководства планеты и защиты корабля в случае возникновения кризисных ситуаций. Все остальные члены экипажа должны быть негласно уничтожены.

Третье. В течение всех четырех суток, оставшихся до старта, вам запрещается какой-либо контакт с планетой и другими кораблями космического флота.

Четвертое. В случае невыполнения данного приказа «Наира» будет без предупреждения уничтожена средствами космической обороны и ударными силами космического флота.

Подпись: верховный правитель Эрхорна.

Начальник канцелярии выразительно поднял вверх палец:

– Верховный правитель не северного континента, как видите, а всего Эрхорна.

О-Стрем понимающе кивнул.

– И еще я хотел бы добавить,— продолжал начальник канцелярии,— верховный просил передать, что выбор «Наиры» в качестве его космической резиденции, делает вам большую честь, командир.

– Благодарю вас,— коротко ответил О-Стрем.

– Кроме того, он милостиво разрешил вам взять с планеты по вашему выбору трех-четырех наиболее близких вам! людей.

– Благодарю вас,— как эхо повторил О-Стрем.

– И последнее. Надеюсь, вы понимаете, что четвертый пункт приказа, отнюдь не простая риторика. Вам должна быть известна наша космическая мощь.

– Я прекрасно осведомлен о нашей космической мощи,— перебил О-Стрем.

– Ну, в таком случае...

– Я могу отключиться?

– Если вам все ясно...

– Мне ясно все! – ответил О-Стрем. Экран погас.

О-Стрем в задумчивости прошелся из угла в угол. За тем сбросил с плеч ставший вдруг ненавистным форменный мундир офицера космофлота и, решительно подойдя к пульту внутрикорабельной связи, нажал на тумблер боевой тревоги.

В тот же миг мощный свето-звуковой сигнал, настойчивый и властный, пронесся по всем отсекам гигантского корабля. Тысячи быстрых ног протопали по бесчисленным трапам и переходам. А еще через мгновение раздался ровный уверенный голос первого помощника О-Стрема:

– Экипаж к выполнению задания готов, командир. О-Стрем склонился ближе к микрофону:

– Главный коммуникатор корабля.

– На месте, командир.

– Все каналы связи с планетой заблокированы!

– Связь с планетой прекращена, командир.

– Главный энергетик корабля.

– Слушаю, командир.

– Маршевые двигатели корабля запустить!

– Маршевые двигатели запущены, командир.

– Главный астронавигатор корабля.

– Да, командир.

– Кораблю стартовать немедленно!

– Корабль стартует, командир. Голос чтеца смолк.

Запись окончилась. О-Стелли выключила аппаратуру и с легким вздохом откинулась на спинку кресла.

– Вот так начался полет корабля О-Стрема к вашему Солнцу,— вернулась она к своему рассказу.— Не исключено, что и другие корабли космического флота ушли от гибнущего Эрхорна. Возможно, на одном из них удрал и верховный правитель, повинный в величайшей трагедии эрхорниотов. Что случилось с ними – не знает никто. Все эти корабли были менее совершенны, чем «Наира» и не могли достичь системы Солнца. Лишь О-Стрем со своим кораблем после многолетних странствий по галактике вышел, наконец, к намеченной цели и, заняв высокую геоцентрическую орбиту, приступил к изучению голубой планеты вашей звезды. К счастью, большая часть ее параметров оказалась в пределах, подходящих для жизни эрхорниотов, и после анализа всех экологических факторов было принято решение высадиться на Землю. Впрочем, оставалась еще одна немаловажная проблема: корабль О-Стрема, как ты, очевидно, понял, был громадным, с экипажем в несколько тысяч человек. Посадить такую громадину на планету было невозможно, и О-Стрем решил, оставив звездолет на геоцентрической орбите, постепенно переправить с него на Землю всех людей и все ценное оборудование с помощью челночных кораблей. После длительных наблюдений с высокой орбиты он выбрал в

качестве временной базы именно эту котловину, достаточно удаленную от всех крупных центров земной цивилизации, хорошо защищенную от любых непрошенных гостей и в то же время располагающую всем необходимым для жизни большого числа людей.

Но этим планам не суждено было сбыться. Лишь один челночный корабль с несколькими десятками эрхорниотов на борту и самыми необходимыми приборами приземлился в котловине. Вслед за ним должны были прийти с «Наиры» большие беспилотные корабли со строительными механизмами, энергетическими установками и расщепляющимися материалами, кибернетическими машинами и синтезаторами продуктов питания, словом – всем необходимым для нормальной жизни людей. Но первый же грузовой корабль потерпел аварию и вместо того, чтобы мягко приземлиться неподалеку от первого челнока, рухнул на скалы и разбился вдребезги. Как могло произойти такое? Корабль должен был наводиться с «Наиры», и Дьерть О-Стрем, к счастью, сам возглавлявший головной десантный отряд, попытался немедленно связаться с ней по радио. Но тут его ждал еще больший удар: оказалось, что звездолет неожиданно покинул геоцентрическую орбиту и ушел в открытый космос.

Что произошло там, на орбите? Может быть, то был злой умысел кого-то из помощников О-Стрема, не пожелавших высаживаться на Землю, может быть, внезапно вышли из строя какие-то приборы или механизмы? Кто может теперь ответить на этот вопрос...

Факт тот, что «Наира» ушла от Земли и Солнца, а не большой отряд О-Стрема остался здесь, в котловине, лишенный не только насущнейших материалов и орудий, и каких бы то ни было средств обороны, научного оборудования, предметов искусства, даже хранилищ самых элементарных знаний.

Но надо было жить. Надо было приспособливаться к совершенно невероятным условиям существования. И вес это в условиях чужой планеты, населенной далеко не идеальными аборигенами. Да, далеко не идеальными Homo Sapiens, как вы гордо себя называете. И О-Стрем понял эти еще до высадки на Землю, наблюдая за вами с высокой орбиты звездолета. Изучая структуру ваших форм государственности, оценивая генеральную линию развития вашей цивилизации, он понял, что и ваша планета состоит из враждующих государств, что и вы львиную долю материальных ресурсов тратите на создание средств уничтожения друг друга, что и вы, не решив элементарнейших вопросов взаимоотношения с природой, ринулись в атаку на атомное ядро, что при вашей тенденции использовать все новейшие достижения науки в военных целях неизбежно приведет к созданию ядерного оружия. Да, он понял это задолго до вашей Хиросимы. Ему стало ясно, что Земля идет по пути Эрхорна, и если эрхорниоты хотят выжить и здесь, на чужой планете, им следует не только не вступать ни в какие контакты с землянами, но и сделать все возможное для защиты от «ядерной зимы» и смертоносного циана в случае повторения трагедии Эрхорна. Но что он мог предложить своим соотечественникам? Раз нет возможности уйти в космос, надо уйти под землю.

К счастью, при разборке погибшего корабля оказалось, что кое-что из доставленного им груза сохранилось: оста ось в целости несколько контейнеров с расщепляющимися материалами, две небольшие энергоустановки, три компрессора, еще кое-какие механизмы, а главное – уникальные герметически закрывающиеся люки и эта вот машина, видишь, стоит вон там, возле груды олоотоо?

– Да, я сразу понял, что именно с ее помощью вырыли все бесчисленные тоннели и подземные переходы, - ответил Артем.

– Вырыли – не то слово, – возразили О-Стелли. - Эта машина не роет. Вонзаясь в землю, она расталкивает толщу грунтов, многократно уплотняет ее и одновременно доводит до плавления. В результате, образуется готовый тоннель, а застывший расплав как бы одевает его в чрезвычайно прочную каменную оболочку. Оболочка эта абсолютно герметична, не пропускает ни воды, ни газов и поточу в сочетании со столь же герметичными люками и надежными фильтрами в компрессорах позволяет рассчитывать на полную гарантию от проникновения радиации и каких-либо ядов в наши подземелья.

Я не знаю, сколько времени понадобилось для создания нашего подземного «города». Но он был создан. И, видимо, довольно быстро. Потому что тоннелепрокладывающая машина с ядерным двигателем и дистанционным управлением, насколько я знаю, обладала невероятной производительностью, пронзала земную твердь со скоростью, превышающую скорость хорошего пешехода. Поэтому тоннели были проложены и к предгорным лугам и кое-куда еще. Создание подземных коммуникаций было, очевидно, главной заботой О-Стрема. Главной, но не единственной. Ведь мало было принять меры предосторожности на случай возможной ядерной войны. Надо было еще и просто организовать повседневную жизнь небольшого замкнутого коллектива людей. Обеспечить их питанием, жильем, топливом. И потом... Надо было позаботиться о продолжении рода эрхорниотов. Ведь как ты, наверное, догадался, в десантном отряде О-Стрема были одни мужчины. И тогда...— О-Стелли немного помолчала.— Сейчас я вынуждена буду посвятить тебя в одну из самых больших наших тайн. Надеюсь, ты никогда не обратишь ее нам во зло? А — Я обещаю это, О-Стелли.

— Так вот,— продолжала она.— О-Стрем распорядился проложить тоннель и под горами, окружающими котловину, даже не один, а два тоннеля. Один с выходом на обширное плоскогорье, где было несколько небольших поселений людей. Здесь он заканчивался на дне довольно глубокого озера и, таким образом не мог быть замечен обитателями плоскогорья. Другой выходил на узкую, почти неприступную площадку на перегибе склона, чуть ниже верхнего обвода котловины и был замаскирован под трещину в скале. На этой площадке были смонтированы приемные антенны...

— Те самые, которые тебе пришлось незадолго до моего появления срочно демонтировать и прятать в тоннеле, потому что на площадку поднялась группа наших альпинистов? — решил наконец раскрыть свои карты Артем.

— Что?! Как ты узнал? — вздрогнула от неожиданности О-Стелли.— Ты был в этой группе? Это твой товарищ пи вел на меня прибор, который вы называете фотоаппарат?

— Нет, меня в этой группе не было. Я находился в то время совсем в другом месте, даже в другой части света. Но человек, сфотографировавший тебя, действительно, мой товарищ, такой же геолог, как я, и по прибытию в институт он показал мне фотоснимок, рассказал, где и какого сделал.

— Значит, там, в вашем мире, знают о нас? — сказала О-Стелли упавшим голосом.

— Нет, мой товарищ так и не смог объяснить появление таинственной незнакомки на уступе скалы, и все другие, ми видел фотографию, просто не поверили в ее достоверность, сочли за фальшивую подделку. И только я...

— Что же ты?

— Я с самого начала не усомнился в подлинности снимка и был так поражен необычностью всей ситуации и внешностью незнакомки, что уже тогда сказал себе, что не остановился бы ни перед чем, лишь бы разыскать ее.

— Это правда? Значит, ты не случайно...

— Нет-нет, здесь, у вас, я оказался независимо от своей воли, хотя, действительно, уже в тот вечер задумался, не посетить ли те места, где побывал мой товарищ, тем более, что это было необходимо и для моей научной работы. Но судьба сама позаботилась о нашей встрече. Я рассказывал тебе, как все произошло... Но, прости, я перебил тебя. Так ты говоришь, было проложено два тоннеля. Один, что бы вывести за пределы котловины антенны. А другой?

— Другой? Как бы это тебе объяснить... Я уже сказала, что в отряде О-Стрема были одни мужчины, и у них не было иного выхода, как... Словом, по второму тоннелю люди О-Стрема вышли на плоскогорье, проникли в одно из селений людей и выкрали несколько молодых женщин. Я пони маю, это не может не вызвать у тебя справедливого негодования. Но иначе с последним умершим эрхорниотом угас бы весь наш народ...

– Да нет, это я считаю как раз вполне естественным. Но как люди О-Стрема выходили на плоскогорье, как доставляли в тоннель пленных женщин, ведь тоннель, как ты сказала, заканчивался на дне озера?

– Ну, это просто. В конце тоннеля был сделан небольшой изгиб, образовавший нечто вроде сифона. Он-то и позволял эрхорниотам, снабженным специальным аппаратом для дыхания под водой, скрытно проникать в зону, населенную людьми.

– А как же женщины?

– Их, наверное, тоже снабжали такими аппаратами. Сложнее было другое – перестроить физиологию внешне похожих на эрхорниотов женщин-землянок и самих эрхониотов-мужчин так, чтобы у них появились жизнеспособные дети. Однако те, кто прибыл с О-Стремом, обладали еще столь громадными знаниями, что справились и с этой задачей. Так начало формироваться новое поколение эрхорниотов-людей, отдаленными потомками которых являемся все мы, вся наша община.

– Вот оно что! – не смог скрыть удивления Артем. – Вы, значит, не просто эрхорниоты, а, если так можно выразиться, – эрхорниото-люди?

– В анатомо-физиологическом отношении – больше люди. Видимо, тут женское начало сказалось сильнее мужского. А вот наша психика, некоторые особенности нашего мышления, характер рефлексов в значительной степени остались эрхорниотскими. Потому и так много, на твой взгляд, странного, необычного в нашем жизненном укладе, наших привычках, традициях. Впрочем, дело не только в этом. Необычным было и само становление нашей общины. Ведь уже в то время перед О-Стремом встал целый ряд очень сложных проблем. Надо было выработать для бывших астронавтов с их женами-землянками и нарождающимися детьми какой-то определенный режим, подчинить их жизнь какому-то определенному закону, с тем, чтобы с самого начала заставить всех работать, исключить всякую возможность анархии и тунеядства, не допустить даже зачатков преступности. Надо было создать какую-то, пусть самую примитивную, структуру государственной власти. Надо было регламентировать права и обязанности каждого члена общины.

И все это было сделано О-Стремом. Но жизнь человеческая не безгранична. И, чувствуя приближение конца, О-Стрем составил завещание, получившее название Великого завета. Завещание большое. В ближайшее время ты познакомишься с ним. Это своего рода конституция, регулирующая весь жизненный уклад эрхорниотов.

Но это завещание, как я теперь вижу, привело к прямо-таки нелепым формам некоторых сторон нашего бытия. И прежде всего потому, что было адресовано лишь руководителям общины: ни один простой эрхорниот не имел права даже заглянуть в Великий завет.

– Это-то зачем понадобилось вашему патриарху? – удивился Артем.

– Трудно ответить на этот вопрос... Но прежде всего, видимо, потому, что при всех незаурядных качествах О-Стрем был, все-таки, представителем элиты Эрхорна, той части общества, которую вы называете аристократическим классом. Он искренне полагал, что удел простых людей не рассуждая делать то, что предписывают их руководители. А потом... Во вводной части Завета кратко излагается вся история Эрхорна, рассказывается о причинах его гибели, полете «Наиры» к Земле, высадке эрхорниотов в этой котловине, их брачном союзе с женщинами-землянками. О-Стрем же был убежден, что заставить потомков создателей звездолетов ковырять землю палками и пасти диких коз можно, только искоренив из их памяти все, что связано с прежней жизнью.

– Но разве это возможно?

– Практика показала, что да. Уже дети первых поселенцев, прибывших с О-Стремом, с трудом верили рассказам отцов, а для внуков они стали всего лишь красивой сказкой. Ведь у них не было ни книг, ни картин, ни кино, ни телевидения, а устные рассказы быстро теряют облик реальности. Нет, в этом О-Стрем не ошибся. Да и не так уж это страшно. Как и то, что ни один эрхорниот, согласно Завету, не может создать семью или выбрать себе занятие по душе без разрешения Мудрейшего из Мудрейших. Куда страшнее

структура государственной власти, сконструированная О-Стремом. Вот тут уж полностью сказалась его принадлежность к высшей знати Эрхорна. А может быть, привычки командира космического корабля. Ведь командирам космолетов Эрхорна всегда представлялась безграничная власть над подчиненными. В космосе, очевидно, иначе нельзя. Ну, а здесь...— она нахмурилась и замолчала.

— Что же за структуру государственной власти предложил О-Стрем? — напомнил Артем.

— Ты понял уж, наверное, что вся власть в нашей общине сосредоточена в руках так называемого Орио — совета Мудрейших. А во главе Орио стоит старейшина — Мудрейший из Мудрейших. Причем, что очень важно, каждый новый старейшина подбирается — единолично! — его предшественником, а двух других членов Орио назначает — тоже единолично! — сам Мудрейший из Мудрейших; к тому же оба они фактически находятся в полном его подчинении. Видишь, какая «демократия»!

— Да, такой «демократии» позавидовал бы любой наш монарх! Но ведь это еще не все? А какую роль в структуре вашей государственности играют «Врата в небо», эта дверь, являющаяся, по сути дела, дьявольской западней?

— Камера челночного корабля была построена еще при О-Стреме. Он никогда не терял надежды на возвращение «Наиры». Челнок до сих пор готов к старту. Что же касается двери и всех этих автоматов... Видишь ли, Артем, всякая власть нуждается в орудиях подавления. Без этого нет власти. И это отлично понимал О-Стрем. Без таких орудий не обходится ни одно из ваших государств. Это и армия, и полиция, и всякого рода секретные службы. А чем можно было заменить это в небольшом коллективе в несколько десятков или сотен человек? Вот О-Стрем и решил воспользоваться теми крохами технических достижений, которые остались у него в наследство от цивилизации Эрхорна. Ведь эти рионаты и автоматы посильнее всякого оружия. Я всегда могу пригласить строптивого соотечественника для беседы во «Врата в небо». И ничто не мешает ему войти туда. Кстати, страшное звуковое предупреждение при необходимости можно легко выключить, а вот выйти оттуда...

— Но это же черт знает что! А если вам кто-то просто не понравится, не пойдет навстречу вашим прихотям, наконец чисто случайно, по ошибке, окажется там, как, скажем, я...

— Ну то, что произошло с тобой — дело совсем особое, — рассмеялась О-Стелли. — Во-первых, оказался ты в камере отнюдь не случайно и не по ошибке. А потом... Главную роль тут сыграла не столько слепая автоматика, сколько слишком пылкая «любовь» к тебе О-Гейма. Любая автоматика может быть заблокирована или пущена в ход, если в определенные гнезда будут вставлены сразу три рионата. На этом принципе единогласия всех членов Орио О-Стрем настаивал больше всего. Даже забраться в кабину челночного корабля можно лишь всем втроем. А ведь именно там сосредоточены все важнейшие приборы, доставшиеся нам от цивилизации Эрхорна. В менее ответственные посты, как скажем эта кабина, можно войти вдвоем — потому-то я и попросила тебя вставить свой рионат рядом с моим. И только в общую камеру «Врат в небо» может войти любой из Мудрейших сам по себе. Кстати, о любом присутствии в камере кого бы то ни было автоматы обязательно ставят в известность одного из членов Орио. Вот почему вскоре вслед за тобой сюда пришла и я. Словом, ты отделался бы лишь легким испугом, если бы мы все трое захотели помочь тебе. Но вот тут-то требуемого единогласия, наверное, бы, не получилось.

— Понятно... Но вернемся к вашим соотечественникам. Что же получается? Оправдать, спасти человека может лишь весь Орио. А для гибели его достаточно злой вол одного из вас?

— В принципе так. Таковы издержки любой власти, А у вас там, в вашем мире, разве не то же самое?

Артем хотел сразу возразить, сослаться на законность, правосудие. Но вспомнил лишь один период в истории лишь одной своей страны и смог только согласно кивнуть головой.

– И все-таки, О-Стелли, зачем такая секретность? Почему даже такие старожилы-эрхорниоты, как О-Грим ничего толком не знают ни о «Вратах в небо», ни об этих карающих автоматах, ни о ваших рионато?

– Я уже говорила, что О-Стрем считал за лучшее искоренить из памяти эрхорниотов все, что связано с нашими былыми возможностями. А потом... Ведь, строго говоря, только такая секретность и обуславливает истинную власть Орио. Не будь ее, что стоили бы наши рионато? Ничто так не подчиняет человека, как страх неизвестности. Что же касается «злой воли одного из нас», то могу сказать тебе, что на моей памяти ни один эрхорниот не побывал во «Вратах в небо». Да и сам О-Брайн, как ты знаешь...

– Да, я искренне уважаю О-Брайна. Он мудро правит общиной. Но это сейчас. А как складывалась ваша жизнь в те давние времена, после смерти О-Стрема, при других Мудрейших?

– Что было после О-Стрема? После него мало что менялось в жизни общины. Если не считать, что она становилась все труднее, все примитивнее. Постепенно вышли из строя почти все металлические предметы, забылась азбука, не стало интеллектуальных развлечений – все заполнила! тяжелая беспросветная борьба за существование. И как-то само собой исчезли и честь, и благородство, и «рыцарское» как вы говорите, отношение к женщине. Зато расцвели грубость, страх, угодничество перед членами Орио, тупая покорность судьбе. А главное – утвердилось убеждение, что так эрхорниоты жили всегда, что никакая другая жизнь просто невозможна, немыслима. Стоит ли удивляться, что постепенно на первое место выдвинулись либо тупоумные фанатики, либо лишенные всяких принципов негодяи типа О-Гейма...

– Все это естественно. Но как О-Брайн, человек не глупый и не лишенный, как будто, порядочности, мог остановить свой выбор на О-Гейме?

– У него просто не было выбора. О-Гейм сын одного из бывших членов Орио и потому с детства получил кое-какое образование. К тому же он всегда отличался твердым решительным характером и слыл убежденнейшим последователем заветов О-Стрема. Что же касается его грубости, жестокости, полного отсутствия интеллигентности, то О-Брайн – вот верх наивности! – самым искренним образом полагал, что со временем я смогу облагородить его. Да-да! Свой план сочетать нас браком он до последнего времени считал верхом государственной мудрости...

– Ну, это еще вопрос, что заставляло О-Брайна цепляться за «свой план». Кстати, ты ничего не сказала еще об одном элементе вашей государственности. Я имею в виду рыцарей трех ножей.

– Я знала, что ты спросишь об этом, – понизила голос О-Стелли, – но... мне просто нечего о них сказать. Я понятия не имею, кто они, сколько их, когда появились в общине, кому и как служат. В Великом завете о них нет ни слова. Ни один эрхорниот не смеет даже упомянуть об их существовании. Я уверена, о них ничего неизвестно даже О-Брайну. Помнится, несколько лет назад, когда меня только что включили в состав Орио, он сказал: «Помни, девочка, мы не только слуги Завета. Завет – бумажка. Но за ней стоит страшная сила. И горе тому, кто хоть в мыслях нарушит, начертанные там заповеди». Я не придавала тогда этим словам значения. Но уже три четверти хода Луны спустя произошло ужасное. Я по легкомыслию открыла несколько тайн Мудрейших своей подруге. И на другой день нашла ее у себя в шатре убитой, а на груди несчастной впервые увидела этот страшный знак: три скрещенных ножа на фоне молнии. В ужасе я бросилась к О-Брайну, потребовала, чтобы он объяснил мне все. Но он сказал, что сам ничего не знает, кроме того, что кто-то следит и за ним, Мудрейшим из Мудрейших, посылая время от времени такие же предостережения. С тех пор я не расставалась со страхом. Я понимаю, что расстроила тебя своим рассказом. Однако ты заговорил об этом сам. К тому же, теперь, когда ты стал членом Орио, тебе необходимо знать и это, чтобы не совершить трагической ошибки.

– Понятно... Но как О-Брайн терпит такое?

- Что сделаешь с тем, чего не знаешь...
- А он пытался узнать?
- Думаю, пытался. У меня есть основание так думать. Более того, есть основание считать, что эта попытка и утвердила его в мысли все оставить, как есть. О-Брайн умный и осторожный человек.
- Кто будет спорить с тобой. Но я так не смогу, О-Стелли. И если вы действительно хотите, чтобы я стал членом Орио...
- Я чувствовала, что ты не потерпишь этого проклятья. Но что делать?
- Прежде всего узнать, кто эти люди.
- Как?
- Есть у меня кое-какие соображения. Я давно обратил внимание, что зловещая эмблема – дело рук одного человека. Каждая ее деталь начертана в одной манере, од ним почерком, особенно изображение молнии. А что, если обязать всех до одного эрхорниота под каким-нибудь предлогом нарисовать в нашем присутствии три-четыре предмета, скажем: солнце, луну, облако и молнию?
- Это идея. Но те, кого ты ищешь, могут догадаться о подвохе.
- Неважно. Тем скорее они себя раскроют.
- Допустим... А дальше?
- Дальше – поступить с ними так, как требует Великий завет.
- Все это очень рискованно, Артем.
- Лучше рискнуть один раз, чем дрожать от страха! всю жизнь.
- Ты прав, конечно, только...
- Артем! – она порывисто шагнула к нему, обхватила за плечи, прижалась к его груди. – А может быть, оставить все, как есть? Жил же О-Брайн.
- Нет, Стелли, дальше так жить нельзя.
- Ну, хорошо. Только обещай мне, что я буду знать обо всем, что ты решишь предпринять.
- Я обещаю тебе это.
- А теперь пойдем к О-Брайну. Я не хочу больше расставаться с тобой ни на минуту.

28

В этот день Артем решил закончить занятия со своими питомцами несколько необычным образом. Научив их писать последнюю букву эрхорниотского алфавита и прочтя вместе с ними несколько содержащих ее слов, он сказал:

– Ну вот, ребятки, теперь вы познакомились со всеми буквами вашего языка, знаете, как составляются из них слова. Начнем помаленьку читать самостоятельно, дома, – он чуть замялся. – Правда, пока у нас нет книг, о которых я вам рассказывал. Но мы сделаем книги. Сделаем сами! Для всех эрхорниотов. И больших и маленьких. А сейчас давайте олоотоо, я напишу каждому из вас по несколько слов, и дома вы попытаетесь прочесть их своим мамам и папам. А потом, на следующем занятии, прочтете здесь, для всех нас. Подходите ко мне!

Дети сорвались с мест и вмиг окружили Артема.

– Мне! Мне, чужеземец Артем! – раздалось со всех сторон.

– Мне самые красивые слова! – протиснулась вперед остроглазая девочка с косичками.

– А мне самые длинные. Самые-самые! – оттеснил ее рослый вихрастый паренек.

– Тихо, дети! Не толкайтесь. Слов хватит всем. И красивых, и длинных. И сердитых, и смешных, – весело приговаривал Артем, старательно выписывая простенькие фразы, больше всего подходящие для каждого из его питомцев. – Да не забудьте: завтра в это же время снова собираемся здесь! – крикнул он вдогонку самым шустрым.

Но вот шатер опустел. Возле учительского стола осталась одна девочка.

– Ты что-то хочешь сказать, О-Фанни? – склонился к ней Артем, ласково касаясь тщательно причесанной головки. – Разве я тебе не написал?

– Мне написал. А маме? Вот тут, на другой стороне, напиши и маме.

– Маме? Она же не знает букв.

– Знает! Я всякий раз, как прихожу домой с занятий, показываю ей все, что говорил ты нам, и она пишет вместе со мной. Это наше общее олоото.

– Вот как! Ну, что же, давай ваше общее олоото. Он с минуту подумал и написал: «Дорогая О-Регги! Пусть жизнь подарит тебе самое большое счастье!»

Лицо девочки озарилось благодарной улыбкой:

Спасибо, Чужеземец Артем. Мама будет очень рада. – Она бережно прижала к груди олоото и медленно пошла к люку. Но прежде чем спуститься вниз, снова обернулась и помахала рукой.

– До свидания, О-Фанни! – Артем подскочил к люку и помог девочке спуститься с лестницы. Через минуту ее простенькое тонкито растаяло в полутьме тоннеля.

Артем вернулся в шатер и принялся расставлять по местам сдвинутые детьми столы и стулья, соображая, как лучше употребить оставшуюся часть дня. Но не успел он навести мало-мальский порядок, как полог шатра колыхнулся, и в открывшемся проеме показались смущенные лица О-Гримма и О-Бирнса.

– Здравствуй, Артем... Э-э, Мудрейший, – поспешно поправился О-Гримм. – Прости, не знаю, как теперь тебя и называть.

– Здравствуйте, друзья, рад вас видеть. И что это вы вдруг застеснялись называть меня, как всегда.

– Так ведь теперь вы... Не принято было у нас называть Мудрейших по имени.

– Мало ли что было! Теперь многое изменится.

– Изменится, говоришь? Вот мы и пришли узнать, что теперь будет. Город полон слухов. Народ гудит. А что и как – никто толком не знает.

– Ну, проходите, садитесь, потолкуем. Я сам не ожидал такого оборота событий. Но уж коль так получилось... Словом, прежде чем согласиться войти в Орио, я долго беседовал с О-Брайном, откровенно изложил ему свои соображения. Кое в чем он согласился со мной. Кое в чем остался при своем мнении. Наивно было бы полагать, что могло быть иначе. Я вынужден был согласиться, в частности, что основные положения Великого завета останутся пока в силе, поскольку они давно стали нормой вашей жизни, нормой ваших взаимоотношений, коренная ломка которых привела бы к непредсказуемым последствиям. Но я настоял на том, что пора уже сейчас ликвидировать всех надсмотрщиков как в мастерских, так и в полях-огородах, позволить женатым пастухам жить на кордонах со своими семьями, запретить работать детям моложе десяти лет, увеличить выдачу продуктов несемейным женщинам с детьми, значительно сократить рабочий день в мастерских и на огородах. А главное – сделать больше механических прялок, ткацких станков, железных топоров, мотыг. В ближайшие дни я организую еще одну экспедицию в горы, возьму с собой О-Бирнса, еще человек пять молодых мужчин, чтобы принести столько железа, сколько хватило бы на все эти вещи. Скоро О-Брайн объявит обо всем, что я сказал, специальным Словом. Но мне понадобится ваша помощь.

– Мы-то тебе поможем, конечно. А что касается всех других... Ты знаешь, где сейчас О-Гейм?

– Нет, не знаю, – пожал плечами Артем.

– А О-Понс?

– Понятия не имею.

– А ведь они исчезли из города. Нет их, говорят, и ни на одном из кордонов. Но самое неприятное, что с ними ушло еще несколько эрхорниотов.

– Это мне известно, – сказал Артем. – Кроме О-Гейма и надсмотрщиков, ушли трое. Кстати, что вы можете сказать об этих троих?

– Абсолютно ничего, – поспешил заверить О-Гримм. – Люди как люди.

- Ну, не совсем так, отец! – возразил О-Бирнс.– Что-то я не видел, чтобы эти «люди как люди» надрывались на работе. А жили, говорят...
- Мало ли кто что говорит! – перебил сына О-Гримм.– Слишком много вы, молодые, стали говорить. Ты в их жилищах не бывал и за столом с ними не сидел. Нет, Артем, нам сказать о них нечего. Но то, что они ушли с О-Геймом, сам понимаешь...
- Это-то я понимаю. Только вопрос еще, кто с кем ушел.
- Ты хочешь сказать, что эти трое...– снизил старик голос почти до шепота.
- Я ничего не хочу пока сказать. Мне надо выяснить, что это за люди.
- Плохие люди! – решительно махнул рукой О-Бирнс.– Ни один эрхорниот, я знаю, словом с ними не перекинулся.
- Так-то оно так...– согласился О-Гримм.– Да что мы, простой народ, можем знать. А я еще хотел сказать, Артем, в городе не все спокойно. Ползут слухи. Скверные слухи. Что ты опоил О-Брайна и О-Стелли каким-то зельем, что ты собираешься умертвить О-Брайна, встать на его место, а потом переправить кое-кого из эрхорниотов к своим соотечественникам, за горы и именно для этого захотел узнать, кто как рисует, что ты хочешь сделать своими всех наших женщин.
- Что за глупости! – возмутился Артем.
- Глупости, конечно. Мы сами понимаем. А некоторые всему этому верят. И ведь кто-то специально сочиняет такие небылицы. Так что...
- Да, положение гораздо сложнее, чем я думал. Вот что, друзья... Помнишь, дядюшка О-Гримм, ты говорил, есть у тебя несколько надежных приятелей, на которых можно положиться?.
- Есть такие.
- Надо собрать их. Всех, на кого ты рассчитываешь. Я поговорю с ними...
- Очень хорошо. Это как раз те люди, к мнению которых народ прислушивается. Однако сейчас они сами в полной растерянности. Мог бы я, конечно, передать им все, что ты сейчас сказал. Но тебе веры больше. К тому же не обойдется без вопросов, на которые я просто не смогу ответить. Ведь ты, похоже, хочешь со временем всю нашу жизнь перевернуть. И потом, Великий завет... Ты, наверное, уже видел его. Там что, в самом деле все так предначертано, как говорили до сих пор Мудрейшие?
- Боюсь, что на все вопросы не смогу ответить и я, откровенно признался Артем.– Ведь многое зависит не от меня одного. Что же касается Великого завета, то, как бы это вам сказать... Он был составлен представителем совсем иного мира – мира, мне непонятного, живущего по совсем другим, неизвестным мне законам. Я должен еще обдумать, оценить изложенные в нем положения, понять саму сущность этого документа.
- Но о Море-то там сказано что-нибудь? Что это за напасть такая? Или все одни выдумки Мудрейших? – продолжал допытываться О-Гримм.
- Нет, друзья, к сожалению, оказалось, что О-Стрем предостерегает от вполне реальной опасности, о которой мы в нашем большом мире до сих пор даже не подозревали. Породили эту опасность мы сами, и грозит она прежде всего нам самим. Но случись такая беда, не избежать ее и вашей котловине. Только спастись от нее, как предлагает О-Стрем, зарывшись глубоко в землю, едва ли воз можно. Спастись от нее вообще нельзя. Речь идет о смертоносном газе, который может образоваться в ходе ядерной войны, и сплошное облако которого способно в считанные дни покрыть всю поверхность планеты. Выжить в этой катастрофе не удастся никому. Но предотвратить ее еще возможно. Однако для этого надо, чтобы там, в нашем мире, узнали то, что знал О-Стрем. И это главное, что не дает мне сейчас покоя. Словом, разговор у нас с вами будет большой и нелегкий. Но я хочу, чтобы вы знали все. Всю правду! Где и когда ты познакомишь меня со своими друзьями, дядюшка О-Гримм?
- Да хоть завтра вечером, если у тебя будет время.
- Завтра, как только зажжется ночное освещение? Хорошо. Приходите все ко мне в шатер.

– Нет, в шатре у тебя собираться не стоит, – упрямо тряхнул головой О-Гримм. – Помнишь, я как-то говорил тебе о здешних шпионах-доносчиках? Так вот. Боюсь, кое-кто из них остался в городе. Поэтому спокойнее будет нам встретиться на берегу озера, где, помнишь, мы с тобой однажды толковали. Там, как ты знаешь, камыши – стеной. Так вот, в этих камышах мы и будем тебя ждать.

– Ну что же, в камышах, так в камышах, – согласился Артем.

– И еще вот что, – продолжал О-Гримм, снова понизив голос, – не расспрашивай больше никого о тех троих, сбежавших с О-Геймом. Все тебе скажут лишь то же, что и я. Я же могу добавить только одно: те предположения, которые, как догадываюсь, пришли тебе в голову, давно пришли в голову и мне. А теперь прощай. – Старик кивнул сыну, и оба вышли из шатра.

Проводив гостей, Артем задумался. Рассказ О-Гримма о положении в городе встревожил его не на шутку. Ясно было, что О-Брайн недооценивает низвергнутого О-Гейма. Сбежав из города, тот оставил здесь тайных агентов, вменив им в обязанность будоражить народ всякого рода вымыслами. А это могло привести к весьма серьезным по-• следствиям.

Но самым тревожным было то, что, по всей видимости, сформировался союз О-Гейма, надсмотрщиков и рыцарей трех ножей, союз тем более опасный, что все они признавали лишь один метод борьбы – террор, а ни О-Брайн, ни тем более О-Стелли, к такого рода борьбе были абсолютно не готовы.

В сложившейся обстановке противопоставить им можно было бы лишь весь народ, всю общину. Но ни о чем подобном О-Брайн не хотел и слышать. Он вообще не привык иметь дело с простыми людьми, общаясь с ними лишь через о-понсов и о-питтов, и теперь, оставшись без них, похоже, просто не знал, что делать. К тому же Артем ясно видел, что им все больше и больше овладевает страх перед рыцарями трех ножей и не исключено, что он уже раскаивается в том, что включил его, Артема, в состав Орио и согласился с некоторыми из его нововведений. Значит, все надо брать на себя. И действовать немедленно. Иначе будет поздно.

29

О-Стелли встретила его загадочной улыбкой.

– Артем, ты не хотел бы послушать радио Москвы?

– Радио Москвы?! Разве это возможно?

– Не только возможно, но и нужно. Это станет теперь одной из твоих постоянных обязанностей, слушать время от времени радиопередачи из Москвы, Вашингтона, Парижа, Лондона, Токио и анализировать обстановку в вашем большом мире. Прежде это делали мы с дедом. Но сейчас ему стало все труднее часто спускаться во «Врата в небо», а я не вполне научилась разбираться во всех хитросплетениях ваших политических и военных батальи. У тебя это получится лучше. К тому же, как ты знаешь, для входа в радиорубку необходимо обязательно два рионато. Словом, без твоей помощи нам не обойтись.

– Но я не знаю ни французского, ни японского языков. Английский и тот понимаю с трудом. А ты? Ты, значит, владеешь почти всеми главнейшими языками Земли? И наш русский тоже знала еще до встречи со мной?

– Нет, – рассмеялась О-Стелли. – Я не знаю ни одного языка землян. Не знала до сих пор и русского. Зачем мне было бы лукавить? Да в этом и не было необходимости, все радиопередачи синхронно переводятся специальными лингвистическими автоматами на наш язык. Так что даже радио Москвы тебе придется слушать на эрхорниотском языке.

– Вот как! Интересно! Что же, я готов.

А полчаса спустя они были уже в знакомом отсеке «Вратов в небо», и О-Стелли принялась объяснять, как ни строить принимающую аппаратуру на ту или иную радио станцию планеты.

Артем не без волнения принялся вращать маховики конденсаторов, ожидая услышать знакомые шорохи, потрекивания, обрывки фраз и даже вздрогнул от неожиданности, когда в абсолютной тишине раздался чистый ровный голос автомата:

– Унвернирио О-Москоо...

О-Стелли легонько сжала ему руку и чуть заметно кивнула ресницами, приглашая вслушаться в странно звучащие фразы русской передачи.

Однако вначале это был обычный перечень успехов отдельных заводов, колхозов, бригад, казенность и никчемность которого только подчеркивал чужой язык. И лишь тогда, когда дикторы перешли на международную часть программы, Артем мгновенно забыл и о том, где он сидит и то, на каком языке идет передача – настолько изменилась обстановка в мире за те несколько месяцев, которые он провел в котловине.

Потом автоматы сами перевели прием на диапазон Парижа, затем – Лондона, Токио, наконец – Вашингтон; И всюду речь шла об -одном и том же: обстановка в миг обострилась до кризисного состояния. Соединенные Штат ; объявили о полномасштабном развертывании всех компонентов космической обороны. Англия заявила, что оба относится к этому с полным пониманием. Токио поспешило заверить, что Япония незамедлительно предоставит в распоряжение США компьютерные системы самого последнего поколения. Французское правительство отказалось от каких-либо комментариев решения Вашингтона, но подтвердило свою солидарность со странами НАТО. В заявлении же Телеграфного агентства Советского Союза говорилось, что, учитывая факт нарушения Соединенными Штатами договорных обязательств, Советский Союз вынужден будет пересмотреть спою политику в области разоружений и принять соответствующие меры. Таким образом мир снова оказывался на грани ядерной войны.

– Безумцы! Что они делают?! На что обрекают человечество!– вскочил Артем с места, едва смолк голос бесстрастного автомата. Стелли, ты слышалаб Это же повторение Эрхорна!

– Да, милый. Теперь ты видишь, как мудр был О-Стрем, создав наш подземный город.

– Но это не выход, Стелли! Совсем не выход! Долго ли продержится община в своих подземельях, если нельзя будет даже ненадолго выйти на поверхность? Да и что останется там, пи поверхности? Погибнут все ваши стада, поля, огороды, не останется даже чистой воды.

– А ты думаешь, мы зря столько лет отказывали себе по всем, сохраняя неприкосновенные запасы на случай большого мориа. Мы сможем не выходить из-под земли, если понадобится, и год и больше, пережить там любое заражение земли и воздуха.

– Но что это будет за жизнь? И где гарантия, что смертоносный газ нообще когда-нибудь рассеется?

– Однако ты сам видишь, у нас не остается иного выхода.

– Есть! Есть выход! – горячо возразил Артем.– Надо предупредить тех, кто там, у нас, вершит большую политику, рассказать всем людям Земли об этом неведомом им кошмаре

– погибнуть всем до единого в циановом облаке в случае возникновения ядерной войны.

– А как это сделать?

– Для этого есть только один путь: вернуться мне туда, в наш мир...

– Как?! Ты хочешь покинуть нас? Покинуть меня? – воскликнула О-Стелли.

– Тебя – нет. Без тебя я не пойду никуда. Мы уйдем вместе.

– Но разве я могу предать свою общину, свой народ?

– Ты не предашь их, Стелли. Ты спасешь их от неминуемой гибели. Ибо то, что предложил О-Стрем – тоже гибель. Только более затяжная, более мучительная. А главное

– ты спасешь всю планету. Ведь она – наш общий дом. И твой и мой. И моих соотечественников и твоих соплеменников. А главное – дом наших детей и внуков.

– Я понимаю...– Но что станет с общиной без нас сегодня, завтра, послезавтра? О-Брайн стар и болен. А кто сменит его? Кто вообще образует Орио? Ведь, ты знаешь, мы не только политическая власть, но и единственные здесь инженеры, ученые, хранители

информации. Кто возьмет наши ресурсы, чтобы управлять автоматами, следить за обеспечением города водой, воздухом? Кто передаст нашим потомкам те знания, которыми обладаем только мы, Мудрейшие? Или пойти на поклон к О-Гейму? Вновь отдать весь народ ему на растерзание?

– Я мог бы сказать, что всех этих вопросов могло просто не быть, если бы О-Брайн и его предшественники не лишили народ грамоты, знаний, культуры. Но ты понимаешь это и сама. И говорить сейчас надо не о том, что было сделано или не сделано, а о том, что надо сделать сейчас. Так вот, умные люди у вас есть, и передать им необходимый минимум знаний – не проблема. Я думаю, мы с тобой смогли бы это сделать за полтора-два месяца. Дальше они постигли бы все сами. Весь вопрос в том, как отнесется к этому О-Брайн. А он на это не пойдет. По крайней мере, до тех пор, пока не избавится от страха перед шантажирующей его сворой тайных негодяев. Кстати, он, похоже, снова получил их недвусмысленное предупреждение. Только этим я объясняю его нервозность и явно изменившееся отношение ко мне. С этим надо кончать.

– Как? Что ты задумал, Артем?

– Я тщательно проанализировал все рисунки, какие сделали по моему приказу твои соотечественники. Среди них нет ни одного идентичного известной тебе эмблеме. Остались неполученными автографы семи человек: О-Гейма, трех надсмотрщиков: О-Понса, О-Грилла и О-Перта и трех других эрхорниотов, сбежавших вместе с ними. Я почти не сомневаюсь, что эти трое и есть те, кого мы разыскиваем.

– И что же ты решил?

– Я больше, чем уверен, что все они сбежали из города с одной единственной целью: – сохранить свои силы и, выждав удобный момент, напасть на город и расправиться с нами: со мной, с тобой, может быть, даже, с самим О-Брайном. Но этого допустить нельзя. Здесь, в городе, мы почти беззащитны перед ними. Не сидеть же все время в своих подземных жилищах. К тому же такая их вылазка неизбежно приведет к жертвам среди простых эрхорниотов.

– Что же делать?

– Есть один выход: «вызвать, – как мы говорим, огонь на себя». Я с несколькими молодыми надежными мужчинами – есть у меня такие – выйду на несколько дней в горы, ну, хотя бы, под предлогом экспедиции за метеоритным железом. Им это, конечно, станет известным: не может быть, чтобы в городе не осталось их осведомителя. А это представится им самым удобным случаем расправиться со мной. – Но ведь это действительно так, Артем. – Ну, это еще как сказать! Врасплох они нас не застанут. А при должной подготовке там, на открытой местности, мы без труда справимся с ними. Тем более что О-Понса и других надсмотрщиков можно почти не принимать в расчет. Словом, я все продумал. Через два дня мы выходим.

– Это очень опасно, Артем.

– Это единственный выход, Стелли.

– Ну, тогда... Тогда и я с тобой!

– Не говори глупости, Стелли.

– Я никогда не говорю глупостей, ты знаешь. Мое присутствие, во-первых, лишь подтолкнет их напасть на нас именно в горах: не нужно будет потом вылавливать меня в городе. Во-вторых, я почти уверена, что все трое надсмотрщиков просто не посмеют при мне прибегнуть к крайним средствам. А в-третьих... Ты напрасно думаешь, что я не смогу помочь тебе даже в самой критической ситуации. И потом, – она упрямо тряхнула головой, – я пойду с тобой, как бы ты меня не отговаривал.

– Ну, что же, чему быть – того не миновать. Здесь тебе оставаться тоже не безопасно. Но мы ушли от главного вопроса, Стелли...

– О том, чтобы нам с тобой покинуть котловину?

– Да.

– Этот вопрос не решить вот так, сразу. Мне страшно даже подумать, как я буду жить там, среди неведомых мне людей. Но... Если понадобится, я пойду с тобой куда угодно, хоть за пределы Земли.

– Стелли, милая...– он легонько привлек ее к себе, и она замерла, притихла, будто перестала дышать...

30

Расчеты Артема не оправдались. На утро четвертого дня стало ясно, что никто на них в горах нападать не собирается, и Артем дал команду возвращаться в город. Свернув временный лагерь, они упаковали отобранные образцы метеорита, уложили их в заплечные мешки и готовы были уже двинуться в обратный путь, как вдруг увидели, что снизу, со стороны пастушеского кордона, к ним поднимается какой-то человек. Он явно спешил, шел напрямую через сплошное нагромождение камней, но чувствовалось, что шел уже из последних сил, с трудом перебираясь с уступа на уступ.

Кто бы это мог быть?

– Да это же мой брат О-Грейв!– узнал наконец О-Бирнс.– Чего ему вздумалось разыскивать нас в горах? Не иначе, как с каким-то поручением от отца идет.

Артем обменялся тревожным взглядом с О-Стелли и устремился вслед за О-Бирнсом, кинувшемуся навстречу брату. О-Стелли не отставала от них ни на шаг.

Наконец О-Грейв поднялся на последний разделяющий их уступ и привалился к скале, тщетно стараясь унять хриплое, с шумом вырывающееся из груди дыхание. Волосы у него на голове слиплись от пота, лицо и шея посерели от грязных потеков.

– Ты чего, точно из воды вынырнул? – подступил к нему О-Бирнс.

Юноша с трудом разжал спекшиеся губы:

– Там, у нас... горе... умер Мудрейший из Мудрейших...

О-Стелли слабо вскрикнула и как подкошенная опустилась на камень. Артем почувствовал, что все в нем похолодело от тревоги.

– Когда это произошло? Кто сообщил об этом людям? – поспешил спросить он, боясь услышать самое страшное. И предчувствие не обмануло его.

– Я узнал об этом вчера вечером. Все сообщил, как всегда, О-Понс.– Он объявил Слово О-Гейма. О-Гейм провозгласил себя Мудрейшим из Мудрейших, сказал, что такова воля О-Брайна.

– Ложь! Этого не может быть! – вскочила с камня О-Стелли.

– Так объявил всем О-Понс,– повторил О-Грейв.

– Что же это такое, Артем? – кинулась к нему со слезами на глазах О-Стелли.– Что нам теперь делать? Бросить все и бежать в город?

– Подожди О-Стелли. Прежде всего, возьми себя в руки. Вот так. А теперь... Теперь давайте обсудим сложившуюся обстановку. Прежде всего скажи, О-Грейв, как вомпринял это народ? Что говорит твой отец?

– Народ молчит. А отца вместе с несколькими другими стариками О-Понс запер в старую кладовку. Он еле успел шепнуть мне, чтобы я мчался к вам и рассказал обо всем, что произошло. Я прибежал бы раньше. Да люди О-Понса никого не пускают в полевые тоннели. Пришлось идти лесом. И вот, видите...– он смахнул все еще струящийся по лицу пот.

– Так... Этого следовало ожидать...

– Ты думаешь, дед не сам... проговорила сквозь слезы О-Стелли.

– Думаю, Стелли. О-Гейм воспользовался нашим уходом и осуществил-таки свой черный замысел. Иначе люди узнали бы о кончине О-Брайна не от О-Понса.

– Да, пожалуй... Но что же теперь делать?

– Пройдем вниз, к кордону, там подумаем. Положение слишком серьезно. Любое поспешное решение может привести к катастрофе.

Они спустились в луга. Но, не доходя до кордона, снова остановились.

– К пастухам заходить не будем, – решительно сказал Артем. – Лишние уши нам ни к чему. А план мой таков. Ты, О-Стелли, спрячешься пока вон в том ущелье. Видишь, что выходит почти к кордону?

– Как, остаться здесь одной? Ни за что!

– Это необходимо, Стелли, – легонько коснулся он руки девушки. – Сама понимаешь – необходимо! Пищи у тебя достаточно. Вода там есть. А мы, мужчины, спустимся лесом к городу. И вот еще что. Свой рионато отдай на время О-Бирнсу. Я надеюсь, что с двумя рионато и десятком надежных людей – есть у нас такие – мы быстро справимся с О-Геймом... О, черт! – неожиданно стукнул он себя по лбу. – Забыл свой рионато там, у скалы, где мы выбивали образцы железа.

– Зачем же ты снял его?

– Боялся повредить, когда колотил проклятую глыбу.

– Но без рионато...

– Без рионато мы будем как без рук. Придется снова подняться наверх. А вы, друзья, – обратился он к мужчинам, – не теряйте времени, идите лесом вниз. При входе в город, разойдитесь и каждый сам по себе сделайте одно единственное дело: обойдите тех, с кем мы толковали в последний раз в камышах у озера, и передайте, что всем им надо снова собраться в том самом месте и ждать меня. Ждать хоть до утра. Я приду обязательно. Без меня не предпринимать ничего. Присутствие свое в камышах не выдавать ничем. Все. Успеха вам, друзья!

Поднимаясь снова к скалам и спускаясь обратно, Артем продумал, как ему казалось, все детали предстоящей операции. Но судьба распорядилась по-своему. Не успел он выйти в луга и добраться до устья ущелья, где схоронилась О-Стелли, как полевой люк раскрылся, и в нем показалась О-Регги с большим мешком на плечах. Увидев Артема, она радостно вскрикнула и бегом направилась к нему. Артем пошел ей навстречу.

– Артем, какое счастье, что я сразу тебя нашла, еще издали заговорила О-Регги. – Возьми мой мешок, это еда. И скроемся скорее! Где О-Стелли? Где все?

– О-Стелли вон там, в ущелье. Все остальные ушли в город.

– Пойдем спрячемся и мы. И слушай, что я тебе скажу. О-Брайн умер. Всю власть захватил О-Гейм. И что ни там творит! Станки и прялки твои разбил вдребезги. То пор и мотыги бросил в озеро. В школьном шатре все перевернул вверх дном. Стариков-резчиков, которые вступились было за свои изделия, запер в какой-то темнице и при грозил убить, если те хоть в чем-нибудь вздумают перечни, ему. А тетушку О-Горди... – она вдруг всхлипнула и закрыла глаза рукой.

– Что с тетушкой О-Горди? – не выдержал Артем.

– Тетушка О-Горди, – продолжала О-Регги сквозь слезы, – уцепилась за свой станок, принялась стыдить О-Гейма, так он стукнул ее прямо в грудь и... Забил он тетушку О-Горди. Забил насмерть.

– Что же люди? Как они стерпели все это?

– Что люди! Он раскрыл один из складов с продовольствием и объявил, что каждый может взять все, что захочет. А бочки с борджо приказал выкатить прямо в центральный тоннель. Что еще надо людям! Все ошалели от обжорства и выпивки. Все хвалят О-Гейма. А тот объявил, что так будет всегда, что все эти продукты нарочно прятали от народа О-Брайна, О-Стелли, а потом и ты вместе с ними. Словом, восстановил против вас с О-Стелли всю общину, объявил тебя самым большим преступником и уговаривает мужчин убить тебя, а О-Стелли схватить и судить всем народом. Мужчины же, известно, – дай им только пожрать и напиться – вмиг забыли, как измывался над ними О-Гейм со своими подручными. А некоторые, я видела, начали уже запасаться камнями, готовятся идти сюда. Вот я и решилась. Набрала с того склада что получше и – сюда. Да еле пробралась в тоннель-то. Столпились там эти, с камнями, и никого не пропускают. Я уж сказала, что дружок мой тут, на кордоне, пастушит, ему я гостинца несусь. Поверили – пропустили. Так

ты возьми все это и бегите с О-Стелли подальше в горы. Еды тут вам надолго хватит. А тем временем, может, переменится что-нибудь. Ну, прощай, мой хороший человек! Прощай, чужеземец Артем! – она бросилась ему на шею, на миг прижалась всем телом, и, всхлипнув, побежала прочь.

Артем подхватил тяжелый мешок и поспешил к ущелью. Но не прошел и нескольких шагов, как издали, со стороны кордона, послышались крики, ругань, проклятья. Он обернулся и увидел, что из полевого люка вырвались давя друг друга, десятка полтора-два эрхорниотов и рассыпались по лугу, оглашая воздух воинственными криками.

Артем пригнулся и побежал быстрее. Но они уже заметили его.

– Вон! Вон он, проклятый чужеземец! – закричал рослый детина с блестящим лысым черепом и свирепо горящими глазами. – Бейте его! Камнями, камнями по нему! Да цельтесь же, мазилы несчастные! Упустите – самих исколочу!

Артем бросил мешок и побежал, что было сил, стараясь увернуться от града летящих камней. Однако два или три камня ударили ему в спину, один полоснул по уху, другой просвистел над самой головой.

Но вот и ущелье, узкое, густо заросшее кустарником. Здесь можно было хоть укрыться от камней. Будь Артем один, он легко оторвался бы теперь от преследователей. Но где-то здесь скрывалась О-Стелли.

– О-Стелли! Где ты? – крикнул он на ходу.

– Здесь! Здесь я, Артем! – бросилась она ему навстречу.

Он схватил ее за руку и снова рванулся вперед:

– Быстрее! Быстрее, Стелли! Там, за нами целая толпа! Слышишь?

Слышу. Но куда бежать? Там, дальше – тупик. Они забьют нас здесь до смерти.

– Тогда беги одна. А я...

– Не делай глупости, Артем. Есть другой выход. Я сверну сейчас вон в тот отвержек, отвлеку их на себя. А ты спрячься в камнях, пережди, пока они пробегут, преследуя меня, и беги обратно, к лесу.

– Что?! Оставить тебя на растерзание этим мерзавцам? Нет! В отвержек сверну я.

– Но это бессмысленно, Артем! Я все равно ничего не смогу предпринять. А ты, если вырвешься отсюда и доберешься до города, сможешь потом спасти и меня. К тому же со мной они ничего не сделают, в худшем случае схватят и уведут в город, тебя же убьют. Послушай меня, Артем! Умоляю тебя! Возьми мое рионато и – до скорой встречи. – Она вихрем рванулась в отвержек, и через мгновение ее белое тонкито замелькало на фоне замшелых скал.

– Вон! Вон они! Свернули в отвержен! – раздался голос лысоголового верзилы. За мной, ребята!

Артем еле успел залечь в камнях, как больше десятка орущих, изрыгающих проклятья мужчин, протопали почти у самых его глаз и скрылись в густых зарослях отвержка.

Бедная Стелли! Одна против целой своры озверевших мужиков! Но чем можно сейчас помочь ей? Как чем! Сделать то же самое, что сделала она, отвлечь врагов на себя. Ведь выход из ущелья теперь свободен.

Артем вскочил на ноги и громко крикнул:

– Эй вы, трусы паршивые! За кем гонитесь? За этим вас послал самозванец О-Гейм?

Дикий вопль раздался в ответ.

– Он там, сзади! Назад, ребята! – взвился голос лысоголового. Назад, говорю! Иначе упустите его. О-Штунц и О-Нисс, готовьте лассо! И вперед! Живо! А то эти болваны только орать горазды. Ну!

Топот и треск кустарника к ущелью. Но Артем уже мчался, вниз, к лугам и дальше, к спасительному лесу.

Солнце успело спуститься за горы, когда Артем выбрался из леса и осторожно, прячась в прибрежных кустах, прокрался к зарослям камыша, где назначил свидание О-Бирнсу и его товарищам. Здесь он подал условный сигнал и, услышав ответный свист, нырнул в самую гущу зарослей. Навстречу ему поднялся О-Бирнс.

– Сколько человек удалось собрать? – с ходу спросил I Артем.

– К сожалению, всего двенадцать. Пятерых запер в кладовке О-Понс. Остальных не удалось разыскать.

– Какова обстановка в городе?

– Никто не работает. О-Гейм объявил трехдневный праздник. Пожилые женщины с детьми сидят по домам. Мужчины и молодухи весь день пируют в центральном тоннеле. Новый Мудрейший из Мудрейших открыл для них один из продовольственных складов, выкатил несколько бочек борджо и теперь, сам понимаешь...

– О-Понс с ними?

– Нет, О-Понс и такие, как он, никогда не сядут за один стол с простыми людьми. У них своя еда.

– Так... Это хорошо. Но если никто не работает, в жилых тоннелях, наверное, не протолкнуться?

– Наоборот, все точно вымерло. Кто пропустит такую возможность сытно поесть.

– И это нам на руку. А не слышал, те, кто был послан в горы, вернулись?

– Вернулись, мерзавцы! И мне удалось узнать...– О-Бирнс словно поперхнулся, отвел глаза и сторону.

– Что же ты замолчал?

– Не знаю, как и сказать тебе, Артем... В общем, я узнал, что они... Что они убили О-Стелли.

– Как... убили?..

– Убили.

Артем больно закусил губу, чтобы не закричать от бешенства и боли. Все вокруг будто ершу пропылилось и какой-то бездонный вязкий омут. Вес стало совершенно безразлично, потеряло всякий смысл. В самом деле, зачем он только что бежал из последних сил, продираясь сквозь дику лесную чащу? Зачем собрал здесь этих людей? Зачем намеревается вести их на опасную дерзкую операцию? Зачем? И ради чего? Ради того, чтобы восстановить справедливость, которая никому здесь не нужна? Ради благополучия этих жалких рабов страха, которые убили лучшую из своих соотечественниц и теперь, как ни в чем не бывало, обжираются у себя, в подземном логове? Да пусть они хоть сгниют в своих вонючих норах!

Как хотелось ему сейчас бросить все и уйти в лес, в горы, куда угодно, лишь бы не видеть больше этот подземный муравейник, эти синюшные лица людей, способных в пароксизме страха пойти на любое преступление. Но рядом с ним стояли двенадцать ни в чем не повинных, преданных ему людей и ждали его решения.

– Ну, что же,– сказал он, с трудом разжав окаменевшие челюсти,– спускаемся под землю. И будем готовы ко всему. Раз нам навязали войну не на жизнь, а на смерть, придется не останавливаться ни перед чем. Начнем с О-Понса. Кто знает, где его берлога?

– Все знаем,– раздалось несколько голосов.

– Ведите меня к нему.

Они прокрались к ближайшему люку, Артем первым нажал на рычаг, и... Люк не раскрылся. Он нажал снова. Еще и еще. Рычаг не действовал. Это был точный, хорошо рассчитанный удар: О-Гейм успел заблокировать механизмы раскрытия люков. Путь в подземелье был закрыт. Все планы Артема летели к черту. Он обменялся взглядом с О-Бирнсом. Но тот лишь коротко пожал плечами:

– Придется идти в шатер отца.

– Что толку? Теперь не откроется ни один люк. Я знаю.

– Я тоже знал это. Отец не раз говорил мне о такой возможности Мудрейших. Поэтому я еще днем привязал рычаг отцовского люка к стойке шатра. Он так и остался открытым. «Так вот для чего понадобилось О-Брайну в тот первый день привязать рычаг люка к сучку дерева!» – вспомнил

Артем.

– Молодец, О-Бирнс! – похлопал он по плечу молодого человека. – Пошли, друзья!

Четверть часа спустя они были под землей, а еще через несколько минут беспрепятственно пробрались в «аристократические кварталы» города, где размещались жилища наиболее уважаемых людей общины. По пути им действительно не встретился ни один эрхорниот. Шкуры, прикрывающие входы в жилища, были плотно сомкнуты. Лишь сквозь некоторые из них прорывались узкие полоски света и слышались возбужденные женские голоса. Издали, со стороны центрального тоннеля, доносился глухой гомон пирующих. Город праздновал вступление во власть нового Мудрейшего из Мудрейших.

Артем невольно сжал кулаки:

– Есть ли у кого-нибудь хорошие ремни?

– Есть у меня, – послышался голос О-Бирнса. – Настоящий эрхорниот без лассо не ходит.

– Хорошо. Далеко еще идти?

– Нет, вот тут, за поворотом, наше зимнее жилище. Там сейчас мать и О-Кристи. А через три землянки от нас – логово О-Понса.

– Кто живет вместе с ним? – поинтересовался Артем.

– Никто. Кто будет жить с таким зверем.

Наконец они остановились перед входом в землянку. I

– Приготовьтесь, друзья, войдем вместе! – Артем рывком сдвинул в сторону тяжелый полог и первым шагнул в жилище главного надсмотрщика. Оно заметно отличалось от жалких лачуг простых эрхорниотов. Все стены и потолок просторной землянки были заделаны красивыми белыми шкурами. Такими же шкурами был застлан и пол и широкий топчан, на котором возлежал хозяин жилища, потягивая из широкой резной чаши густое пенящееся борджо.

– Это что? Это почему вы без разрешения?.. – лениво заговорил он, не меняя позы и не выпуская из рук чаши с борджо.

– А ну, встать перед Мудрейшим! – властно скомандовал Артем, смерив его презрительным взглядом.

Это подействовало сильнее всякого удара. О-Понс вскочил, как подброшенный пружиной и, выронив из рук чашу, вытянулся перед Артемом:

– Прости, Мудрейший. Но я думал... Мне сказали...

– Меня не интересует, что ты думал, и что тебе сказали, – оборвал его Артем. – Отвечай лишь на мои вопросы. И живо! Кто убил О-Брайна? Ты или кто-то другой?

О-Понс вмиг стал белее снега:

– Что ты, Мудрейший! Разве я мог... Да я... А как ты узнал, что Мудрейший из Мудрейших не сам...

– Не важно, как узнал. Еще раз спрашиваю, кто убил О-Брайна? И если будешь лгать или изворачиваться... – глаза Артема потемнели от сдерживаемой ярости.

– Все, все скажу тебе, Мудрейший, – зачастил О-Понс дрожащим голосом. – Только не думай, что я... Ведь я что... Я простой надсмотрщик, человек подневольный. Все скажут, кто я... А это все они, тайные Стражи Великого завета... О них и не знает никто. Я сам недавно узнал. Так вот они, все они...

– Это что еще за Стражи? Кто их назначил на эту должность?

– А это не должность. Это... Это, как небо над землей, так и они над всеми нами. И никто их не может ни назначить, ни сместить. Даже сам Мудрейший из Мудрейших. Потому как Мудрейшие – сами по себе, а они, Стражи – сами по себе. И никому не положено даже знать о них.

– Как же ты узнал?

– Я? А там, в лесу, когда все мы бежали из города. Там они сами раскрылись перед нами. Потому как, сказали, пришло время собрать в кулак все силы.

– Что же это за силы?

– Ну, Мудрейший из Мудрейших... то есть, я хотел сказать Фрат О-Гейм, я, еще двое надсмотрщиков: О-Грилл и О-Перт, и эти Стражи.

– Ты можешь назвать их имена?

– Да, – с живостью ответил О-Понс. – О-Ганн, О-Штрунц и О-Нисс. О-Ганн – главный.

«О-Штрунц и О-Нисс? – вспомнил Артем. – Значит, О-Ганн, – тот лысоголовый верзила!»

– А как ты узнал, что именно они убили О-Брайна? – продолжал расспрос Артем.

– Так там, в лесу, только и разговоров было, что об этом.

– Все ясно.

«Да, все ясно, – мысленно повторил Артем, снова и снова вдумываясь в то, что узнал от О-Понса. – Вот кого, оказывается, боялся О-Брайн! Вот кто истинные поработители общины! Интересно только, это тоже было изобретено О-Стремом или появилось после него, как ядовитое семя, проросшее на унавоженной им почве? Скорее всего так. Стоило лишиться людям культуры, как мракобесие само пришло ей на смену. Одно всегда исключает другое. Не случайно и эти варвары начали с того, что разрушили школу, уничтожили то небольшое, что я успел сделать для общины, не остановились даже перед убийством своих руководителей только за то, что те разрешили мне хоть чуточку приблизить эрхорниотов к азам культуры. А что будет дальше, когда новоиспеченный Мудрейший из Мудрейших станет беспрекословно плясать под их дудку? Нет, черт возьми, пусть я сгину в этой проклятой дыре, но не допущу, чтобы и дальше какие-то мракобесы коверкали души людей! И отомщу за все, за все! Прежде всего – за смерть О-Горди и О-Стелли!»

– Ты знаешь, где жилища этих... Стражей? – вновь обратился он к О-Понсу.

– Так ведь...

– Знаешь или нет?! – загремел Артем.

– Как не знать, только...

– А знаешь, так води нас к ним. Да по пути зайдем в кладовку, куда ты упрятал стариков.

– И это не я сам. О-Ганн приказал. А О-Гейм сказал, что мы должны подчиняться ему, как Мудрейшему.

– Ясно, ясно! А теперь я приказываю освободить их.

– Все сделаю, как ты говоришь. Мудрейший, только не думай, что я... Ведь я для всех эрхорниотов... Все знают, что если я иной раз и стукну кого, так для их же пользы. А для Мудрейших я...

– Ладно, хватит! Пойдем, покажи, где ты, для их же пользы, запер ни в чем не повинных стариков.

32

Освобождение О-Гримма и его друзей прошло без всяких осложнений. Не составил труда и арест двух коллег О-Понса, надсмотрщиков О-Грилла и О-Перта. А вот захват О-Ганна, в котором Артем сразу узнал лысоголового верзилу, командовавшего убийцами О-Стелли, чуть не закончился полнейшим провалом. Едва они успели откинуть полог, прикрывающий вход в жилище главного Стража, как тот, увидев Артема, вскочил с кресла и, схватив сидящую у него на коленях женщину, бросил ее под ноги вошедшим. Та дико взвизгнула и вцепилась в брюки Артема. А когда он попытался помочь ей встать на ноги или хотя бы подняться с пола, женщина еще крепче ухватилась за брюки, и пока он старался вырваться из этой неожиданной западни, О-Ганн бросился к выходу и, сбив с ног стоящего у него на пути О-Бирнса, пулей помчался к центральному тоннелю. Это могло привести к краху всей операции.

– Держите, держите его! – крикнул Артем, освободившись наконец от цепких рук подруги О-Ганна и бросаясь за убегающим Стражем. Но белое тонкито О-Ганна мелькало уже у

последнего поворота к центральному тоннелю. Еще минута – две, и он смешается с толпой пирующих эрхорниотов. Попробуй тогда что-нибудь с ним сделать!

Артем прибавил ходу. Однако Страж был уже слишком далеко. Тонкито его еле различалось в полутемном конце тоннеля. И вдруг он остановился. Пригнулся к земле. Странно взмахнул руками. И сдавленный крик послышался оттуда. Артем узнал голос О-Грейва. Значит, тот уже настиг О-Ганна, вступил с ним борьбу?

Артем побежал еще быстрее. Подскочил к изрыгающему проклятия верзиле. И вовремя! О-Грейв уже распластался на Земле, вцепившись обеими руками в ногу Стража, а тот бил его свободной ступней по спине, по плечам, по голове, стараясь вырваться из рук юноши.

– Держись, О-Грейв, я здесь! – крикнул Артем, отрезая Стражу путь к центральному тоннелю и примериваясь, как лучше схватить его за руки.

– Осторожно, Артем, у него нож! – предупредил О-Грейв слабым голосом.

– Нож?! – тут только Артем заметил, что белая ткань тонкито на плече у юноши потемнела от крови, а в руке О-Ганна блестит длинное лезвие ножа. Тогда он отступил назад и с размаху ударил Стража носком ботинка в низ живота. То сразу осел и, потеряв равновесие, рухнул на землю. Воспользовавшись этим, Артем завернул ему руки за спину и вырвал нож.

Тем временем подросли О-Бирнс и несколько молодых мужчин.

– Свяжи ему руки, О-Бирнс! Да покрепче! – скомандовал Артем. – А вы, ребята, привяжите О-Грейва и помогите дядюшке О-Гримму переместить его в их жилище.

Он заткнул нож за пояс брюк и склонился к сидящему на земле О-Ганпу:

– А теперь поговорим, господин Страж. За что ты убил О-Брайна?

– Стражи Великого завета не обязаны давать отчет никому! – нагло ответил О-Ганн, не сводя с Артема горящего ненавистью взгляда. – Но тебе, чужеземец, я скажу. О-Брайн нарушил Великий завет. И мы приговорили его к смерти.

– А кто дал вам право приговаривать кого бы то ни было к смерти? Чей приказ вы выполняли, убивая О-Брайна?

– Стражи Великого завета не нуждаются ни в каких правах. Им не нужны ничьи приказы. Они поступают так, как подсказывают их убеждения, очищают общину от всего, что становится опасным.

– А беззащитную женщину вы, свора здоровенных мужиков, убили тоже потому, что она стала опасной для общины?

– Мудрейшая убита по ошибке. Мы не собирались ее убивать, хотя она тоже нарушила Завет. Она была еще нужна нам, вернее нужны были ее знания. Старый упрямец скрыл от нас даже код входных дверей в своих апартаментах. Но увы, ее убил камень, предназначенный тебе. Вы пытались обмануть нас – тем хуже для вас обоих. Все равно мы разделаемся и с тобой. Мы давно бы прикончили тебя, если б в свое время ты не подкупил нас своей находчивостью. Да, мы, как никто, оценили твою изобретательность при ликвидации наводнения и многое прощали тебе. Простили даже твою дерзкую песню на Празднике длинного дня. Простили отвлечение резчиков на никчемные поделки в мастерской. Мы готовы были примириться даже с тем, что О-Брайн ввел тебя в свое Орио. Но тебе все было мало. Ты дошел до того, что решил расправиться с нами. С нами, Стражами Великого завета! Мы сразу разгадали твой хитрый ход, когда ты заставил всех подряд рисовать изображение молнии. Ты вынудил нас этим уйти из города. Но и приговорил тем самым себя и своего покровителя к смерти. Да, мы убьем тебя. И очень скоро. Только выпотрошим из тебя кое-что из того, что ты успел вывести у наших Мудрейших...

– Подумай лучше о том, что будет с тобой самим, – прервал Артем разговарившего Стража. – И чтобы облегчить свою участь, скажи для начала, где О-Гейм?

– Ха-ха-ха! – зашелся О-Ганн страшным смехом. – Напугал! О-Гейм там, где я приказал ему быть и ждать моих дальнейших указаний, и куда тебе не добраться до конца дней

своих. А своей жизнью я не дорожу: не убью тебя я, убьют другие. Мы, Стражи Великого завета, выполним свой долг до конца. И знай, нас много, таких, как я.

– Ну, если ты не можешь считать больше, чем до трех...– усмехнулся Артем.

– И это ты узнал...– А-а, вот кто нас предал, – увидел он в страхе прижавшихся к стене надсмотрщиков.– Решили спасти свои шкуры, вонючие гады? Не выйдет! Перед чужеземцем вы, может быть, и отбредаетесь. От нас не уйдете!

– Ну, хватит возиться с этим чудовищем! – махнул рукой Артем.– О-Бирнс и вы трое,– обратился он к окружившим его эрхорниотам,– останетесь здесь и не спускайте с него глаз. Остальные – за мной! О-Понс, води нас к жилищам других Стражей.

О-Штунц и О-Нисс были взяты без всяких происшествий. Но оба оказались такими же фанатиками, как и О-Ганн, не захотели отвечать ни на один вопрос Артема и, главное – даже под страхом смерти отказались сообщить, где скрывается О-Гейм.

Ничего не могли сказать об этом и О-Понс, и О-Грилл с О-Пертом. И можно было не сомневаться в их искренности: все трое тряслись от страха и, чувствовалось, готовы были сами вцепиться в глотку самозванца. Но исчезновение О-Гейма могло привести к краху всей операции. Если не удастся арестовать его до утра, то завтра, узнав о событиях этой ночи, тот обратится к одураченной им толпе и с ее помощью расправится и с Артемом и с преданными ему эрхорниотами.

Но где он может быть? В апартаменты Мудрейших ему не проникнуть, даже овладев рионато О-Брайна. Тот сменил код входных дверей сразу, как только лишил его звания члена Орио, и никто из убийц Мудрейших, как понял Артем, до сих пор не расшифровал этот код. Нет его, как установили люди О-Бирнса, и в толпе пирующих. Незачем ему было и уходить в лес или на какой-нибудь кордон. Напрочь заблокированные люки более, чем убедительно свидетельствовали, что новоиспеченный Мудрейший из Мудрейших скрывается где-то в подземелье. Но где именно?

– Оставалось одно: тщательно прочесать весь город. Однако еще прежде следовало решить, что делать со Стражами. Артем прекрасно отдавал себе отчет, что если их запереть даже связанными в какую-нибудь кладовку, они смогут бежать оттуда. Но и водить их всюду за собой было не менее рискованно. Да и ни к чему. Кикой смысл было откладывать суд над ними?

Артем попросил всех подойти поближе и обратился к Стражам:

– В последний раз спрашиваю, где О-Гейм?

В ответ О-Штунц и О-Нисс лишь молча отвернулись, а О-Ганн плюнул в сторону Артема.

– Хорошо,– сказал Артем.– Будем вас судить. Прямо сейчас, здесь. Судить от лица всей общины. Тем более что, как я понял, народ даже не подозревает, кто вы такие, и понятия не имеет о совершенных вами преступлениях. Мы же, все здесь собравшиеся, знаем теперь и то и другое. И вынесем вам приговор от имени всего народа. Но вначале я хотел бы задать несколько вопросов бывшим надсмотрщикам. О-Понса мы уже выслушали. Теперь О-Грилл. Скажи, раньше, до того, как вы бежали в лес, ты знал, кто эти люди?

– Нет, Мудрейший. Знал их только как простых эрхорниотов. Это там, в лесу, все открылось.

– И там, в лесу, ты узнал, что они собираются убить О-Брайна?

– Не только О-Брайна, но и тебя, и кое-кого из стариков, кто позубастее.

– А О-Стелли?

– О-Ганн требовал, чтобы убили и Мудрейшую. Но О-Гейм сказал, что без ее знаний нельзя будет управлять какими-то там автоматами и еще чем-то, что без нее он не сможет попасть даже в жилище Мудрейших. Он сказал, что надо вывести у нее все это, а потом он сам расправится с ней.

– И ты, О-Перт, слышал все это? – обратился Артем к третьему надсмотрщику.

– Как не слышать. Они от нас не таились. Вместе ели вместе спали, куда уж...– О-Гейм без конца твердил: только бы убрать старика, только бы избавиться от чужеземца и все пойдет по-старому.

– А кого они прочили в Орио О-Гейму?

– Да сначала О-Гейм намекал, что кого-нибудь из нас возьмет в свой Орио. Ну, мы и старались друг перед дружкой. Из кожи лезли. А потом... Словом, слышу я однажды, О-Штрунц потихоньку от нас пеняет О-Ганну: с какой, дескать, стати они, Стражи, опять только тайную власть будут вершить, а весь почет, все привилегии каким-то мужикам достанутся. О-Ганн, правда, цикнул на него. А потом и говорит: «Нашел время свои мозоли выставлять! Я еще посмотрю, много ли от вас проку будет в предстоящем деле. А там видно будет. Во всяком случае, мое слово всегда останется последним». Понял я тогда, что все обещания и намеки О-Гейма – одна болтовня. Он сам у О-Ганна на побегушках.

– Та-ак...– снова заговорил Артем.– Вот что за люди стоят перед вами, друзья. Мало того, что они самочинно присвоили себе право бесконтрольно распоряжаться судьбами всех членов общины. Я говорю самочинно, потому что в Великом завете нет ни слова ни о каких Стражах. Но они совершили и более страшное преступление. Провозгласив себя Стражами Завета, они нарушили один из самых главных пунктов этого документа, гласящий, что ни один эрхорниот не может лишить жизни другого эрхорниота. Вопреки этому они, как вы теперь знаете, убили вашего Мудрейшего из Мудрейших О-Брайна, убили члена Орио О-Стелли, недавно, чуть не на моих глазах убили молодую женщину, вся вина которой заключалась лишь в том, что, будучи не очень здоровой, она отказалась иметь ребенка. А сколько таких жертв было на их счету в прошлом! И сколько невинных людей пало бы от рук этих негодяев еще, не прерви мы сегодня их кровавых походов. За преступления подобного рода Великий завет предусматривает лишь одну меру наказания. Преступник должен быть заключен в камеру «Вратов в небо». Я не буду сейчас подробно объяснять, что там ждет заключенного. Скажу лишь, что живым оттуда выйти невозможно. В Завете, правда, сказано, что такой приговор может быть вынесен только единогласным решением всех троих Мудрейших. Но подсудимые сами убили двоих из них. Поэтому вместо них за этот приговор должны проголосовать все вы. И так, все ли согласны, чтобы эти трое: О-Ганн, О-Штрунц и О-Нисс в соответствии с требованиями Великого завета были заключены в камеру «Вратов в небо»?

– Согласны! – как клятва прозвучало под сводами тоннеля.

– Тогда еще раз проверьте, хорошо ли связаны руки заключенных и не следуют ли за мной. О-Бирнс, пойдешь последним. Будешь следить, чтобы ни один из преступников не рванул куда-нибудь и сторону. Особенно в тоннеле нижнего яруса. Этот тоннель не освещен.

– Не беспокойся, Артем, отозвался О-Бирнс.– Мы привязали их друг к другу, а концы ремней у меня в руках. Что же касается тоннеля нижнего яруса, то мы запаслись факелами.

– Тогда – вперед! Артем прибавил шагу и остановился лишь перед светящейся дверью.

– Теперь слушайте меня внимательно, – сказал он, вынимая из кармана рионито О-Стелли. О-Бирнс, подойди ко мне, надень вот это на шею и ни в коем случае не снимай, пока я не скажу. Только так ты сможешь выйти из камеры. А тебе придется пройти туда со мной. Все остальные – останетесь здесь. Я войду первым. Вы поможете О-Бирнсу втолкнуть в дверь этих негодяев. Ваше последнее слово, осужденные.

О-Ганн лишь усмехнулся в ответ. Слишком беспечно усмехнулся, даже подмигнул, как показалось Артему, своим сообщникам. Что бы это значило? Так беспечно не пойдет на смерть никакой фанатик. И вдруг страшное подозрение пронзило мозг Артема. Он подскочил к О-Ганну и рванул ворот его тонкито – на груди Стража блеснул при свете факела красный шарик.

– Рионато?! Ты снял его с убитого! Ты обокрал свою жертву! – сорвался на крик Артем, пораженный актом столь чудовищного мародерства, нимало не сомневаясь, что видит

рионато О-Брайна.— Давай его сюда! Живо! Иначе...— он попытался сорвать цепочку с толстой, как у вола, шеи О-Ганна, но тот с силой прижал подбородок к груди, выставив вперед покрасневший от натуги голый череп.

— Не подходи, убью! — прохрипел он, свирепо вращая головой.

Артем понял, что одного удара такого черепа будет достаточно, чтобы свалить с ног человека и покрепче его, Артема.

— Ну-ка, ребята, поднимите ему голову! — скомандовал он обступившим их эрхорниотам.— Повыше! Еще выше... Вот так! — он сдернул наконец цепочку с шеи О-Ганна и, подойдя вплотную к двери, провел рукой над ее правым верхним углом. Ни звука! Что за чертовщина? Артем повторил условный код, проделал тоже самое над левым верхним углом. Дверь оставалась неподвижной.

Но так могло быть лишь в случае, если в камере уже кто-то есть. Неужели они успели затолкать туда какого-то несчастного? Или там скрывается сам О-Гейм? Это было бы самым резонным предположением, если бы рионато О-Брайна досталось ему. Но ведь им завладел О-Ганн, А что, если... Артем метнул быстрый взгляд на О-Штунца и О-Нисса. Те инстинктивно прижали подбородки к груди. Не может быть! А все-таки...

— Ну-ка, ребята, пошарьте под тонкито у этих двух! — в кивнул он в сторону заметно насторожившихся Стражей.

— Есть! — тотчас отозвался О-Бирнс.— Такие же шарики. У обоих.

— Срывайте их! И давайте сюда.

«Но что же получается,— сразу пронеслось в голове у Артема.— Рионато здесь — символ высшей власти, несомненно, доставленный еще с «Наиры», где распоряжаться ими мог только командир корабля. Выходит, эта сверхтайная служба Стражей была учреждена самим О-Стремом и сразу настолько засекречена, что для нее не нашлось места даже в Великом завете.

Ай да О-Стрем! Вот тебе и «один из лучших сынов Эрхорн», как назвала его О-Стелли. Своего верховного правителя-душегуба он на борт корабля не взял. Но привез на Землю такую модель государственного устройства, какой позавидовали бы и фашисты. Стоит ли удивляться, что «элита» Эрхорна привела планету к столь трагическому концу.

И не это ли явилось истоком конфликта, в результате которого экипаж «Наиры» отказался последовать за своим командиром, а принял решение уйти с геоцентрической орбиты и покинуть систему Солнца. Не исключено, что у О-Стрема и на борту корабля имелось нечто подобное тайным Стражам, и, возможно, именно в момент десантирования передового отряда эрхорниотов на Землю экипаж разоблачил эту иезуитскую службу и, не желая больше мириться со столь уродливыми формами власти, а тем более служить под началом человека, намеревавшегося воссоздать такие формы и на чужой планете, решил избавиться от него, бросив фактически на произвол судьбы в отгороженной от всего мира котловине. Да, могло быть и так», — Артем передал рионато Стражей еще трем молодым эрхорниотам и вставил свой шарик в знакомое гнездо. Дверь раскрылась, и первое, что предстало перед их глазами в ярко освещенной камере ракетного корабля, был О-Гейм. Испуганный, растерянный, недоумевающий, он с ужасом смотрел на ввалившуюся в камеру толпу и, как загнанный зверь, пытался к шахте ракеты, беззвучно шевеля побелевшими губами.

Как он оказался здесь? Что заставило его уединиться в этом холодном; более чем неуютном помещении? Спесивое нежелание быть с простыми людьми или страх перед возможным возмездием? Об этом можно только гадать. Да и какое это имело теперь значение.

— Так вот где ты прячешься, самозванный Мудрейший из Мудрейших! — шагнул к нему Артем.— Думал, здесь тебя никто не найдет? Не бойся, я пальцем тебя не трону. Судить тебя будет вся община, весь народ. Оправдают твои преступления, сочтут, что ты достоин жить дальше, выйдешь отсюда. Не оправдают — останешься здесь. Вместе со своими сообщниками. На Земле и без вас достаточно зла. Планета устала от таких/как вы. Не

хватало еще, чтобы космос подбросил ей новой скверны. Ребята, снимите с него рионато. Так... Теперь свяжите руки. И привяжите всех четверых вот хоть к этим скобам: не поломали бы чего в лютой злобе. Вам еще жить да жить в вашем городе. А без здешней автоматики... Да, кстати, чуть не забыл люки-то пора разблокировать.— Он подошел к одной и.» панелей и, вставив в. соответствующее гнездо свой рионато, как успела научить его О-Стелли, отжал до отказа нужный тумблер.— Все! Теперь выходим отсюда. Пошли, А пошли! Насмотритесь еще на эти чудеса. Завтра я расскажу, что все это значит. А сейчас надо еще с народом по говорить.

— Послушай, Артем,— тронул его за рукав О-Гримм, когда они поднимались с нижнего яруса подземелья. - Я бы не советовал тебе идти сейчас к людям. О-Гейм успел восстановить их против тебя, наговорить такого, что страшно было слушать, к тому же наобещал им всякой всячины. А народ у нас, сам знаешь, привык верить Мудрейшим. Как бы не получилось большой неприятности.

— Что же ты предлагаешь?

— Подожди денек-другой. Страсти улягутся. А мы, старики, тем временем помаленьку расскажем всем, что

к чему. Главное — народ узнает, что О-Гейма и в живых уже нет. Тогда все само собой уладится.

— Нет, дядюшка О-Гримм, я пойду к людям сейчас и скажу всю правду. Да и не имею я права судить О-Гейма один и даже только с вами. А тем более приговаривать его к смертной казни. Что скажет тогда о нас народ? Нет, пусть его судят все. И как они решат, так и будет. Потребуют вернуть О-Гейма — он будет доставлен им целым и невредимым. Потребуют казнить — он умрет вместе со Стражами Завета. Больше того, я пойду к ним один и буду говорить только от своего имени. А вы можете присоединиться к тем, кто собрался сейчас в центральном тоннеле, можете идти по домам, как сами сочтете нужным. Только верните мне рионато. Их вручит сам народ тем, кого захочет видеть своими руководителями. Доброй ночи, друзья! — он тепло, по-русски обнял каждого из участников ночной операции и тут только вспомнил о бывших надсмотрщиках, которые молча стояли, привалившись к стенке тоннеля и, видимо, абсолютно не знали, что делать дальше.

— А вам, О-Понс, О-Грилл и О-Перт,— сказал Артем,— я посоветовал бы прямо сейчас пойти к людям и искренне покаяться перед ними. Ведь, честно говоря, вам есть в чем покаяться. Прощайте.

Артем направился прямо в центральный тоннель, но, сделав несколько шагов, решил забежать в свой шатер и прихватить на всякий случай комизо.

Здесь, в этой части города, было темно и тихо, и ничто не помешало ему добраться до своего жилища. Поднявшись в шатер, он ощупью, не зажигая огня, достал из укромного места с трудом отремонтированный инструмент и хотел уже спуститься обратно под землю, как вдруг почувствовал, что в шатре кто-то есть.

— Кто здесь? — тихо спросил он быстро отступая к люку.

— Это я, чужеземец Артем. Я — О-Фанни,— раздался знакомый тонкий голосок.

— О-Фанни, ты?! Что ты здесь делаешь?

— Я— ничего... Я пришла узнать, не видел ли ты маму. Она ушла еще вчера утром, сказала, что пойдет к тебе и к вечеру вернется. Но так и не пришла. А мне стало страшно. И вот я...

— Ты давно здесь?

— Давно. Я хотела уйти, а люк не открывается. И нигде никого...— она тихонько всхлипнула.

Артем нащупал в темноте головку девочки, обнял ее за худенькие плечи, прижал к своей груди:

— О-Фанни, милая, не плачь.

— Я не... Я не плачу. Мне только страшно...

— Не бойся, деточка. Сейчас я поищу, чем покормить тебя, вот только зажгу огонь.

- Не надо, чужеземец Артем, я не голодна, мама оставила мне еды.
- Тогда ляг вот сюда, на мою постель. Здесь тебя никто не тронет. Я скоро приду. А утром мы разыщем твою маму. Обязательно разыщем. Ляг, поспи.
- Хорошо, чужеземец Артем, я лягу. Только ты обязательно приходи...

33

Картина, представшая перед Артемом в центральном тоннеле, могла бы показаться смешной, если б не была столь убийственно печальной. Огромное помещение, образованной несколькими тоннелями, соединенными в один широкий длинный коридор, было полно народа. Мужчины, женщины и дети сидели прямо на полу, окруженные горами всевозможных яств, и ели. Ели не потому, что хотели есть. По лицам было видно, что не. Они давно насытились и пересытились. Ели потому, что была возможность поесть. Ели впрок, как изголодавшиеся дикие животные. Ели, изверившись, что когда-нибудь снова удастся так вволю поесть.

Артема, зашедшего в тоннель, заметили не сразу. А лишь заметили, лавина брани, угроз, проклятий обрушилась на его голову. В сплошном гуле сотен голосов удавалось различить только отдельные выкрики:

– Вот он! Вон он, враг эрхорниотов! Мерзкий искуситель! Гнусный обманщик! Кто пустил его на наше пиршество? Гоните его прочь!

Толпа распалялась все больше и больше. Многие уже повскакали с мест, двинулись на Артема с поднятыми кулаками. Ничего, даже отдаленно напоминающего человеческое, не было сейчас в этих лениво жующих ртах, этих ту пых свирепых взглядах, этих истеричных возгласах, больше напоминающих рычание встревоженного зверя.

Артем понял, что ни перекричать, ни утихомирить одичавшую толпу не удастся ни коим образом. Оставалось одно. Он выхватил из-под полы пиджака комизо и сильно ударил по струнам. Крики сразу смолкли. Толпа настороженно замерла. Он взял несколько звучных аккордов. Стало совсем тихо. Тогда он набрал в легкие побольше воздуха и громко, во весь голос, словно круша невидимую стену, запел когда-то сложенный им гимн:

*Человек, для чего
В этот мир ты заброшен судьбою?
Для чего ты рожден
И взращен материнской слезою?*

Многоустный вздох, подобно внезапно поднявшемуся и тут же стихшему ветру, пронесся под сводами мрачного подземелья. Лица людей смягчились, недобро горящие глаза затуманились печальным раздумьем. А гимн продолжал беречь самые больные их раны, вторгаться в самые сокровенные глубины их душ, вынуждая взглянуть в лицо беспощадной правде. В самом деле:

*Разве только затем
Чтоб не видеть неделями света,
Чтоб всю жизнь под землей
Спину гну>, быть рабом безответным?
ЧТОй дрожать день и ночь
В вечном страхе в зловонном жилище
И мечтать лишь о том,
Чтобы было достаточно пищи? Или лишь для того,
Чтоб дать жизнь своим детям и внукам?
Завещать им свой страх
И обречь на такую же муку?*

Здесь, под землей, при свете чадающих чашек с жиром, среди разбросанных остатков пищи и луж разлитого борджо, эти слова жгли как раскаленные уголья, заставляли людей снова и снова почувствовать всю пустоту и никчемность их существования.

Но гимн не только раскрывал глаза на это беспросветное прозябание под землей. Он звал эрхорниотов на борьбу за новую жизнь, звал к свету, к красоте, к знаниям, утверждал их право на радость, на истинное человеческое счастье. И как раскаты грома очистительной грозы звучали для них заключительные куплеты песни:

*Нет, коль ты человек,
Жизнь должна доставлять тебе радость
И дарить красоту:
Только в ней скрыта высшая сладость
И коль ты человек,
Должен ты не терпеть, а бороться
И сумеешь победить,
Если даже погибнуть придется.
Должен сам строить жизнь,
Делать ярче ее и полнее,
Все узнать, все постичь,
Чтоб уверенней стать и мудрее.
Чтоб всегда над тобой
Голубели небесные дали,
Чтоб исчезли навек Страх,
нужда и любые печали,
Чтобы стал ты творцом
И свободным хозяином жизни,
А не жалким рабом
В умирающей нищей общине!*

Артем в последний раз ударил по струнам и с минуту молчал, прикрыв глаза рукою и словно забыв о своих слушателях. Ни звука не пронеслось в наступившей тишине. Люди сидели, не шевелясь, не смея поднять на него глаз. А он отложил комизо в сторону и тихо сказал:

– А теперь я хотел бы поделиться с вами большим горем. Многие, наверное, не знают еще, что вчера в полдень погибла одна из ваших соотечественниц, моя жена и друг, ваша законная Мудрейшая О-Стелли...

– Как? Что? Еще одна смерть? – глухим ропотом пронеслось по подземелью.

– Нет, она не умерла. Ее убили. Убили ни за что, просто так.

Толпа снова загудела. Послышались недоуменные возгласы.

– Но это еще не все, – поднял руку Артем. – Мудрейший из Мудрейших, почтенный старец О-Брайн, которого вы похоронили вчера, тоже умер не своей смертью. Его также убили. Те же самые люди. Те изверги, от рук которых погибли многие из ваших родных и близких – кто из вас не видел их страшного клейма в виде трех ножей и молнии. Кто забыл, как совсем недавно нашли в лесу под этим клеймом труп молодой женщины, убитой лишь за то, что она отказалась иметь ребенка. Но в убийстве О-Стелли и О-Брайна повинен и еще один человек. Имя этого человека...

Толпа замерла. Артем чуть помедлил. Затем твердо закончил:

– Имя этого человека – О-Гейм.

– Этого не может быть! Тут что-то не то! – снова понеслось по подземелью.

– Чего не то? Кто сказал «не то»? – раздалось из дальнего конца тоннеля. – Все было именно так. Это я вам говорю, О-Понс. И я каюсь перед вами, люди! Я знал о

готовящемся убийстве и ничего не сделал, чтобы этого не произошло. Да разве только О-Брайн...

– Да, не только О-Брайн,– снова заговорил Артем.– Кое-кто из вас знает, наверное, что не далее как вчера, он убил всеми нами уважаемую тетюшку О-Горди. А помните, как недавно скоростно скончался надсмотрщик О-Питт? Знайте же, что его тоже убил О-Гейм. Убил за то, что тот не смог еще тогда расправиться с О-Брайном.

– Да что это такое? Что за зверь этот О-Гейм? – понеслось со всех сторон.– Убить своего преданнейшего надсмотрщика! Как рука поднялась?

– Так и поднялась, чтобы не проболтался случай,– раздался голос О-Грилла.– О-Питт был моим другом. И я точно знаю, его убил О-Гейм. Сам придушил на кордоне Белый Грайворон. Только нельзя было сказать тогда об этом.

– Да, это так, друзья,– продолжил Артем.– Все эти выродки не останавливались ни перед чем. Так было всегда. А сегодня, вот только что, мы освободили из заточения дядюшку О-Гримма и еще нескольких уважаемых вами стариков, которым также грозила смерть.

Возгласы в тоннеле превратились в сплошной рев. Все вскочили.

– Где они? Где эти убийцы? Пусть только покажутся народу! – неистовствовало большинство собравшихся, размахивая руками и все плотнее обступая Артема.

– Тише, друзья, тише! – старался перекричать толпу Артем.– Все они заперты в таком месте, откуда по своей воле выйти не смогут. И вы сейчас должны решить, какой кары заслуживают они за свои злодеяния.

– Смерти! Только смерти! – закричали все в один голос.– Хватит им уничтожать наш род!

– Пусть так и будет,– заключил Артем.– А сейчас я хочу поговорить с вами о другом. Вы знаете, я оказался здесь не по своей воле. Не по своей воле пришлось мне и задержаться среди вас. Но недавно я узнал, что из котловины есть выход в тот мир, где я жил до сих пор. И в самом скором времени я покину вас...

И снова воздух подземелья взорвался от сотен голосов:

– Не покидай нас, чужеземец Артем! Прости за то, что мы наговорили тебе сегодня! Все он, О-Гейм, виноват. Как же мы будем без тебя! Ведь нет теперь и Мудрейших.

– Нет, друзья, решение мое твердое. А что касается Мудрейших... Они снова будут. Вы сами назовете тех, кто не хуже О-Брайна и его Орио будут руководить вашей общиной.

– Как сами?!

– А вот так. Прежде всего выберем Мудрейшего из Мудрейших. Как вы думаете, кто из ваших мужчин смог бы стать старейшиной общины?

Все только недоуменно переглянулись. В тоннеле повисло тягостное молчание. Артем выждал несколько минут:

– Ну вот, скажем, дядюшка О-Гримм... Согласились бы вы, чтобы он стал Мудрейшим из Мудрейших?

Никто не проронил ни слова. Эрхорниоты словно онемели от столь неожиданного предложения.

Артем обвел взглядом безмолвствующую толпу:

– Так люб вам О-Гримм или нет?

– Дядюшка О-Гримм нам люб...– зазвучало наконец несколько голосов.– Дядюшку О-Гримма мы знаем. Справедливый, умный старик дядюшка О-Гримм. Но... Дядюшка О-Гримм – и Мудрейший из Мудрейших! Как-то не того... Не укладывается в голове такое. Да сможет ли он?..

– Ну, в голове и не такое уляжется, дайте срок. А вот справится ли он с таким ответственным делом? Думаю, что справится. Я помогу ему на первых порах. Значит, избираем дядюшку О-Гримма Мудрейшим из Мудрейших? Все согласны?

– Согласны! – эхом пронеслось по подземелью.

– Теперь – двое других Мудрейших... Кого мы изберем в помощники О-Гримму?

В тоннеле снова повисла тишина. Выждав с минуту, Артем решил опять вмешаться, предложив двух хорошо знакомых ему молодых эрхорниотов, как вдруг сквозь толпу протиснулась одна из его юных учениц и быстро заговорила сквозь слезы:

– Там... Страшно вымолвить... Там, в своей землянке, тетя О-Регги... Еле живая... И очень просит, чтобы ты, чужеземец Артем, зашел к ней, что-то сказать ей надо...

«Еще одна жертва! Бедная О-Регги! Хотела помочь мне, и вот...» – Артем почувствовал, что рвется последняя ниточка, как-то еще удерживающая его на краю страшной бездны отчаяния и, не в силах больше владеть собой, махнул рукой и, не говоря ни слова, не оглядываясь, пошел прочь из тоннеля.

– Артем! Артем! – догнал его О-Гримм. – Что же дальше?

– Что дальше? Все! Все, дядюшка О-Гримм! Ты слышал, что сделали эти звери с О-Регги. И я больше не могу! Не могу... Словом, скажи там: все на сегодня, пусть идут по домам. Или добавь что-нибудь от себя. Только без меня. Без меня! – он с трудом подавил вдруг подступившие рыдания и чуть не бегом кинулся к землянке О-Регги.

Она лежала лицом вверх, вытянув руки вдоль туловища и даже не шевельнулась при появлении Артема. Только глаза ее, полные страдания и боли, зажглись лихорадочным огнем и хриплый стон вырвался из слабо вздымающейся груди.

– О-Регги, дорогая, что с тобой? – вскричал Артем, торопясь оживить еле теплящийся, готовый погаснуть огонь в плошке с жиром.

– Артем... Хороший мой... Подойди, сядь поближе... Мне трудно громко говорить...

Он сел на краешек постели, взял ее руку, пригладил волосы на голове. Рука была холодной, как лед. Пульс еле прощупывался под его пальцами.

– Что у тебя болит, О-Регги? Тебя били?

– Все... Все болит, Артем. Но это... ничего. Я боялась, что не увижу тебя... Не успею... А мне надо сказать... Сказать, что О-Стелли...

– Не надо, О-Регги. Я всю знаю.

– Ничего ты не знаешь... Все знаю только я... Она, О-Стелли, жива...

– Что?! Что ты сказала? – не поверил Артем своим ушам.

– Я говорю, жива О-Стелли, только ногу ей немножко зашибли. А я вот...

– Что же с тобой, О-Регги?

– А со мной... Сейчас все скажу. Вот только отпустит немного, – она судорожно провела языком по воспаленным губам. – Попить бы...

Артем быстро, дрожащими руками наполнил чашу водой, осторожно влил несколько капель в рот О-Регги.

– Вроде полегчало немножко, – вздохнула она, откидывая голову на подушку. – Так вот, слушай. Как увидела я, что эти, с камнями, бросились за тобой, так я не выдержала, пошла следом, думаю, может, чем помогу тебе... Ну, поднялась на взгорок, повыше, спряталась в кустах и вижу, О-Стелли в сторону подалась, а ты в камнях схоронился. Обрадовалась я, поняла, что обдурили вы всех. Да только подумала так, смотрю, она подпрыгнула как-то неловко, на одной ноге и повалилась, бедненькая. А тот, лысоголовый, что впереди всех бежал, наклонился к ней, покачал головой и махнул рукой: конец, дескать, нечего тут больше и делать. А потом оглянулся, увидел тебя, да как закричит: «Он там, сзади, назад, ребята!» Все снова за тобой. Орут, опять камнями бросают! Да где там! Ты уж в луга выскочил, к лесу подался. А я – реветь. И радостно мне, что ушел ты от них и жалко, что О-Стелли они прикончили. Спустилась я к ней. Смотрю. А она глаза открыла и пальчик к губам: Молчи, мол! Потом сказала мне, что камнем ей в ногу попали. А как упала она, так притворилась мертвой, чтобы от тех негодяев отделаться. Ну, помогла я ей встать, устроила в небольшой пещерке, там, неподалеку, и пошла к кордону, чтобы бежать в город, все тебе рассказать. А навстречу опять он, этот лысоголовый. Увидел меня. Глаза бешеные, руки трясутся. Подскочил ко мне, ударил в лицо. Упала я. Так он меня – ногами, ногами. Все, видно, отбил проклятый. Как я встала, как доплелась сюда, сама не знаю. А

как упала на постель, так уж ни рукой, ни ногой не двинуть. И так все болит, так болит... Видно, конец приходит. И дочки нет. Неужели и ее...

– О-Фанни у меня в шатре. Спит в моей постели. Не беспокойся за нее. А тебя я сейчас полечу, принесу мумиё и...

– Не надо, Артем. Ничего уж мне не поможет. Чувствую я, еще немного и... Вот опять... Опять эта боль... Но я рада за тебя... За вас с О-Стелли... А я ведь тоже... Тоже любила тебя... Так любила! Прощай, Артем. Прощай, мой милый добрый чужеземец. И если сможешь... О-Фанни, дочку мою... Не давай ее в обиду. Никого у нее больше не осталось. А к тебе она, как к отцу... Ну, вот и... все... все...– Из груди ее снова вырвался хриплый стон. Глаза закрылись. Голова упала на грудь.

Артем прижался губами к ее холодеющему лбу, потом опустился на колени, уткнулся лицом в убогую постель и задохнулся в приступе рыданий...

34

Солнце едва успело подняться над горами и вспыхнуть миллиардами искр в белой от росы траве, когда они поднялись к тщательно замаскированному входу во внешний тоннель и обернулись вниз, чтобы бросить последний взгляд на покидаемую котловину.

Все они, Артем, О-Стелли и О-Фанни, были одеты в теплые, специально изготовленные из козьего пуха костюмы, на спине каждого висел удобный заплечный мешок, к поясу Артема приторочена кошелка с запасными факелами и разысканными О-Стелли нехитрыми приспособлениями для дыхания под водой.

Они стояли взявшись за руки и молчали. Все было сказано там, внизу, на последнем пастушеском кордоне, куда провожать их пришла чуть не вся община и где О-Стелли не смогла сдержать слез и даже у Артема запершило в горле, когда сначала дети, а затем и все взрослые запели, кто как мог, когда-то сложенный им гимн, а старик О-Гримм крепко обнял его за плечи и вручил три свободных рионато, как знак священной памяти об общине эрхорниотов и как залог того, что когда-нибудь они, может быть, все-таки вернутся к ней, хотя бы в качестве гостей.

Теперь все это было в прошлом. Впереди лежал трудный, полный тревог и неизвестности путь, путь в большой мир, куда они шли, чтобы предупредить людей Земли об огромной опасности, которая может постичь их, не разделившись они с самым большим злом, какое породил безответственный разум, и избавить их от самого большого страха, какой когда-либо испытывало человечество.